

Лисицына Татьяна

Без Мужчин
жить проще

Annotation

Наташа, симпатичная и скромная, а подруга Лада красавица и настоящая хищница. Мужчина, в которого влюблена Наташа, ей совсем не нужен, но она встречается с ним, чтобы убить время, пока не попался богатый жених. У подруг много общего: они вместе работают в "Агентстве недвижимости", без мужей воспитывают дочерей, но у них разное отношение к людям и к жизни. Роман о потерянном поколении девяностых. В роман включены правдивые истории риэлтора из личного опыта.

После развала Союза многие люди остались без работы. Одни успели быстро воспользоваться всеобщим хаосом для своего обогащения, другие, в числе которых оказалась и я, наоборот лишились постоянного дохода. Неожиданно оказалось, что, работая в какой-нибудь коммерческой палатке или на рынке, можно прокормить семью и прилично одеться, поэтому тысячи людей с дипломами о высшем образовании оказывались в самых неподходящих для них местах работы.

После увольнения из научно-исследовательского института, где я трудилась инженером, я устроилась в коммерческую фирму секретарём. В мои обязанности входило отвечать на звонки и печатать разные документы. Просуществовав несколько месяцев, фирма закрылась, и я была вынуждена пойти на рынок продавать сначала вещи, а потом и фрукты-овощи. Именно на рынке, я приняла решение: изменить свою жизнь. Ведь, оставшись после развода одна с семилетней дочерью на руках, я была просто обязана выжить в этом перевернувшемся мире.

Курсов по обучению профессиям, которые более подходили для новых условий, было много. Я выбрала для себя специальность риэлтора, считавшуюся доходной. Обучение длилось три недели, смешно сравнить с шестью годами в институте, и, конечно, не давало никаких знаний.

Обзванивая объявления о приёме на работу, я столкнулась с проблемой: везде требовались агенты с опытом работы, но я не отчаивалась, и, наконец, меня пригласили на собеседование в агентство с приятным названием «Ваш дом».

Собираясь на новую работу, я долго вертелась перед зеркалом, решая, что надеть. Сегодня мне хотелось произвести благоприятное впечатление на работодателя.

В конце концов, я достала традиционные чёрные брюки и белую блузку. Из зеркала на меня смотрела молодая женщина с чёрными, кудрявыми волосами, распущенными по плечам и карими глазами.

— Как ты красиво оделась! — моя дочь Настя наблюдала за мной, накручивая длинный тёмный локон на палец.

— Спасибо, милая, — я оторвалась от зеркала и поцеловала её. — Обещай, что будешь хорошо вести себя, пока меня не будет?

Я собиралась отвести её к соседке, у которой была дочка Маша. С Ирой мы подружились, когда после развода я переехала в однокомнатную квартиру на улице Саянской в Новогиреево. Начало нашему знакомству положили девочки, которые вместе играли, пока мы с Ирой, наблюдали за ними, сидя на скамейке. Оказалось, мы даже жили в одном подъезде, только на разных этажах. Обнаружив ещё много общего, в том числе и отсутствие мужей, мы скоро стали подругами и много времени проводили вместе. Иногда мне казалось, я знаю Иру всю жизнь, так совпадали наши взгляды на жизнь. Я бы даже сказала, что мы похожи внешне: у неё тоже были чёрные волосы, только глаза не карие, как у меня, а голубые.

— А можно я переоденусь, прежде чем мы пойдём? — спросила Настя.

— Зачем? — удивилась я. — Тебе не нравится твоё платье?

— Но ты же переделалась целых три раза? — возразила она.

В то время пока я бегала по комнате, примеряя то один наряд, то другой, моя дочь, как

мне казалось, всецело поглощённая игрушкам, внимательно наблюдала за мной.

Я рассмеялась и посмотрела на часы.

— Ну что ж, если ты так хочешь. Только быстро, у меня всего десять минут.

— Я тоже хочу надеть чёрные брючки и белую блузку, — заявила она. — Я хочу, как ты.

— Хорошо, — сказала я и, чертыхаясь про себя, стала искать в бездонном шкафу чёрные брюки и блузку.

Когда я их, наконец, нашла, они оказались мятыми.

— Давай сделаем так, — сказала я. — Мы возьмём одежду с собой, и ты там переоденешься.

Спустившись на два этажа ниже, я позвонила в дверь Ириной квартиры.

— А что в пакете? — удивилась Ира.

— Настя в последнюю минуту решила одеться так же, как я, а вещи оказались мятыми. Будь добра: погладь их, пожалуйста, — сказала я, делая подруге знаки, чтобы она меня не выдала.

— Я сейчас поглажу, — грозно заявила она. — Уже бегу за утюгом. — Иди-ка ты лучше на своё собеседование, а я тут сама разберусь. Я их сейчас обеих поглажу, — шепнула она мне на ухо. — Да не задерживайся! Помнишь, у меня сегодня свидание? — сказала она нормальным голосом, убедившись, что девочки ушли в комнату.

Я улыбнулась. Было удобно, что мы жили в одном подъезде и могли выручить друг друга.

Агентство недвижимости «Ваш дом» находилось в самом центре Москвы на улице Волхонка. Выйдя из метро Боровицкая и полюбовавшись кремлёвскими башнями, я миновала дом Пашкова и, пройдя в арку, увидела выносной щит. Вывеска гласила: Агентство недвижимости «Ваш дом». Я остановилась у подъезда и достала пачку сигарет из сумки. Конечно, я волновалась, у меня не было опыта работы но, напичканная рассказами об этой выгодной профессии, я рвалась в бой.

После перекура я поднялась по широкой мраморной лестнице, нашла нужную мне комнату и села на свободное место. Несколько таких же соискателей выгодной, как объявляла реклама, профессии жались по углам; кстати, позже выяснилось — все были с высшим образованием, а некоторые даже занимали хорошие должности до перестройки.

Как оказалось после, волноваться было не о чем: нас заставили заполнить анкеты, а потом вызвали всех вместе. Вводную лекцию о нашей будущей работе читал начальник отдела недвижимости, некий Корольков Александр Иванович. На вид ему было немного больше тридцати, среднего роста, полный, в очках и тёмно-сером костюме. Держался он, несмотря на свою неказистую внешность, достаточно уверенно. Такому, как он, можно доверить продажу своей единственной квартиры. Оказалось, мои волнения были напрасны: нас всех приняли с месячным испытательным сроком. Но за это время надо сделать одну сделку. Как этого добиться, Корольков объяснил туманно, зато достаточно понятно было, что если за месяц у тебя продаж не будет, то тебя уволят. Хотя вряд ли это можно было назвать увольнением: никаких бумаг о приёме на работу не подписывалось.

Молодая женщина, сидевшая рядом со мной, спросила:

— Как ты думаешь, это реально продать квартиру за месяц?

— Не знаю, но хотелось бы верить. Очень деньги нужны, — ответила я.

— Мне тоже, я уже полгода не работаю.

— А кем раньше работала?

— Педагог по музыке, — она улыбнулась, — по классу баяна. — А кому сейчас нужна игра на баяне?

— Думаю, что никому, — грустно ответила я, вспомнив свой диплом о высшем образовании, которым так гордилась моя бабушка. Раньше всё было по-другому.

После перестройки работать по специальности стало невозможно, на зарплату, на которую раньше можно было нормально питаться и ещё откладывать деньги, чтобы купить что-нибудь потом, сейчас можно прожить от силы два дня, а никак ни тридцать.

— Меня зовут Лена, — прервала мои размышления моя соседка.

— Наташа.

— Девушки, если вы не спешите, то можете начать работать прямо сейчас, — неожиданно услышала я голос Королькова.

Переглянувшись с Леной, мы одновременно кивнули. Нам очень хотелось работать, а ещё больше — зарабатывать.

— Пойдёмте, я вам покажу ваши рабочие места, — предложил он.

— Для начала, хотелось бы узнать, в чём работа заключается, — спросила Лена. — Из вашей лекции я не очень хорошо это поняла.

— Ваша задача очень проста, — сказал Александр Иванович и вдруг спросил: — Вы курите?

Я курила, а Лена пошла вместе с нами за компанию, надеясь в узком кругу узнать подробнее о новой профессии. Александр Иванович уже два года был начальником отдела, то есть контролировал работу тех менеджеров, которые в свою очередь должны контролировать агентов. Свою карьеру он начал с работы агентом, но проработал недолго, так как его заслуги были высоко оценены директором. Работал он в недвижимости с самого начала, то есть с 1992 года, так что за три года он сделал хорошую карьеру, выше него стоял лишь директор агентства. Всё это, он рассказал нам, пока мы курили, а ещё он сказал:

— Жаль, что вы раньше не начали этим заниматься, девушки. Сейчас всё изменилось. Совсем не те деньги, а раньше можно было квартиру купить. Но всё же заработать можно, если будете настойчивы.

Когда нас проводили в комнату для агентов, мне захотелось заткнуть уши, такой стоял гвалт. Помещение казалось достаточно большим, стоявшие по периметру столы почти все заняты людьми, одновременно говорившими по телефону. Поразительно, как они умудрялись слышать, что им говорили на том конце провода. Я вопросительно посмотрела на Александра Ивановича, и он ободряюще кивнул:

— Здесь немного шумновато, но к этому привыкают.

Я слышала соседей, обрывки фразы долетали до меня со всех сторон, но разговаривать по телефону в такой обстановке я бы не смогла, о чем так и заявила.

— Привыкнете, — повторил он и, посадив нас на свободные места, положил перед нами газету «Из рук в руки».

— Полистайте газетку, сориентируйтесь в ценах на квартиры, а я принесу каждой распечатку, по которой начнёте работать.

Новый начальник исчез, а я, посмотрев вслед его грузной фигуре, снова испытала желание заткнуть уши и убежать, но, вспомнив, что в кошельке лежат последние сто рублей, решила остаться. Открыла газету: незнакомые слова заплясали у меня перед глазами. Сколько квартир, домов по разным ценам. Как во всём этом можно сориентироваться?! Я посмотрела вокруг: все агенты говорили по телефонам; лишь парочка мужчин с умным видом изучали свои ежедневники. Я попыталась углубиться в газету, но обрывочные фразы со всех сторон назойливо лезли в уши:

«К сожалению, эту квартиру не показывают сегодня, хозяева на дачу уехали».

«Да, «Проспект Мира» можно посмотреть».

«В каком районе предпочитаете купить?»

«Нет, ванна не сидячая и туалет большой».

— Окна на улицу, а что вы хотите за такие деньги? — рявкнула, сердито бросив трубку, моя соседка, женщина лет сорока и бросила на меня взгляд, словно ища во мне поддержку.

— А это плохо, если окна на улицу? — робко спросила я.

— Конечно, шумно очень, отсюда и цена низкая, — фыркнула она, — А ты, что новенькая?

Я кивнула.

— И никогда не работала раньше?

— Нет, — ответила я. — А сложная работа?

— Сумасшедшая, с телефоном не расстаюсь. Муж на развод подал, говорит: со мной жить невозможно. Звонки даже ночью. Так что подумай, может, не стоит и начинать? — Она опять потянулась к телефону: — Надо позвонить.

— Володя, ну что, будете брать двушку на Войковской или я другому клиенту покажу?

Я посмотрела на Лену, она выглядела растерянной. Неразвёрнутая газета так и лежала перед ней.

— Наташ, а в чём работа заключается? — спросила она.

— Пока не знаю, но говорят, что очень нервная, даже мужья уходят, — хихикнула я.

— Я не замужем, — развеселилась Лена. — А ты?

— Я тоже, — ответила я и повернулась к своей соседке, которая сердито бросила трубку.

— Ну как берёт? — поинтересовалась я.

— Да козёл он, десять вариантов ему показала, а ему всё не нравится, — она достала зажигалку из сумки. — Покурю, надо успокоиться.

Через полчаса Александр Иванович принёс распечатки: одну положил передо мной, другую перед Леной.

— Работайте, — сказал он.

— А делать-то что? — в который раз спросила Лена.

— У соседей спросите, — буркнул он. — У меня переговоры начинаются, — он важно выплыл из комнаты.

Мы посмотрели друг на друга, и я заметила, что глаза у Лены покраснели от обиды.

— Почему до нас никому нет дела? — спросила она.

— Не волнуйся, — попыталась я её успокоить, — сейчас придёт моя соседка, и я узнаю, что надо делать.

— Я больше не могу, — заканючила Лена. — У меня голова начинает болеть от этого шума. Как здесь люди работают?!

Я углубилась в распечатку, пытаясь разобраться в незнакомых сокращениях. «Не думаю, что так сложно продавать квартиры, — утешала себя я. — С первой зарплаты можно купить новые туфли и куртку для Насти».

После перекура соседка явилась в лучшем настроении, и я воспользовалась этим.

— Не могли бы вы подсказать, что с этим делать? — я показала распечатку.

— Дай глянуть, — она вырвала лист у меня из рук. — Вон чего захотел? — Ну, конечно, да нет таких цен в этом районе. Не стоит даже начинать этим заниматься, это несерьёзный клиент, — сказала она мне и бросила листок.

— А как вы это поняли? — спросила я, тоже начиная терять терпение.

— Ладно, смотри! Объясняю один раз, — начала агентша учительским голосом. — Вверху распечатки имя клиента, который хочет купить квартиру. Вот смотри: — она провела длинным ногтем — Иванов Пётр, — это его контактный телефон, он желает купить двушку...

— А что такое двушка? — спросила Лена, прислушиваясь к разговору.

— Двухкомнатная квартира, не перебивай, — поморщилась она. — Иванов Пётр желает купить двухкомнатную квартиру за тридцать пять тысяч долларов в районе метро Пражская, а квартиры там стоят не меньше сорока, а ещё он хочет большую кухню, кирпичный дом, не первый этаж, а это стоит ещё дороже, — она задумалась, — тысяч на пять. — Я же говорю козёл, они все козлы, — она посмотрела на меня сочувственно.

— Что же мне делать? — спросила я, совсем растерявшись.

— Позвони и скажи ему об этом.

— Так и сказать, что он козёл? — засмеялась я.

— А почему бы и нет, хотя бы душу отведёшь. Надо же с чего-то начинать. Хотя нет, — передумала женщина, — спроси, может он больше платить готов? — А если нет, пусть едет в Подмоскovie или берёт кредит.

— Я, наверно, не смогу, — призналась я. — Я боюсь звонить незнакомым людям.

— Тогда за каким дьяволом ты пришла в агентство? — разозлилась дама. — Или учись, или топай в другое место, — она опять взяла трубку, всем своим видом показывая, что тратить время больше не намерена.

Вздыхнув, я повернулась к Лене.

— Давай посмотрим твою распечатку.

Лена протянула мне листок.

— Ты можешь оставить её себе, я уйду.

— Как уходишь, мы ещё даже не начали работать?

— Я не могу, лучше на баяне на улице играть, — Лена схватила сумку и выскользнула из комнаты, раньше, чем я успела её остановить.

— Ушла? — живо повернулась ко мне соседка. — Вот так всегда и бывает: наберут тридцать человек, а через пять дней остаётся два. А ты не уходи, попробуй. Нельзя сразу сдаваться. Дай-ка мне её вариант.

Я покорно протянула ей Ленину распечатку. Минуты две она смотрела на листок, потом щёлкнула языком.

— Хороший вариант, попробуй с ним поработать. Он хочет пятикомнатную в центре, и подборка хорошая, смотри, — она показала мне квартиры, которые предлагались ниже, на том же листке.

— Я ничего не понимаю, — затрясла я головой.

— А тут и понимать нечего. Клиент хочет квартиру в центре за сто пятьдесят тысяч долларов, а ниже тебе дана подборка квартир. Прозвони их, узнай подробности и предложи. Если он что-то выберет, организуй просмотры. Главное: он хочет реальную квартиру за реальные деньги. А то они все сказочники, мечтают о квартире в новом доме с большой кухней, а денег в кармане на квартиру в пятиэтажке на первом этаже. Вот и звонят в агентство, думают, мы им чудо сделаем.

Я ужасно боялась снять трубку и позвонить первому клиенту. Часа два ушло на перекуры и уговоры самой себя, что это вовсе не страшно. Раньше я редко звонила незнакомым людям, разве что в поликлинику, а тут надо было предлагать купить квартиру, а для меня это всё равно, что предложить себя. Слушая, как говорят другие, мне казалось: я никогда не смогу говорить так убедительно; я боялась, что никто даже не будет меня слушать. Но я всё-таки решилась и позвонила узнать о квартире, и это оказалось совсем несложно. Голос у мужчины на том конце провода звучал спокойно и терпеливо: я даже успела записать подробности. Я очень долго звонила по предложенным телефонам: то агента не было дома, то никто не подходил, то квартира оказалась проданной. В итоге из десяти вариантов остался один, но зато какой. Пятикомнатная квартира в Чапаевском переулке с видом на фонтан. Но оказалось, что клиент уже видел её и в моих услугах не нуждался. Когда я повесила трубку, чуть не заплакала. На улице смеркалось, прошёл мой первый рабочий день, а я даже не назначила ни одного просмотра. Я вышла в коридор, гадая, хватит ли у меня терпения и столкнулась с Александром Ивановичем.

— Как первый рабочий день? К шуму привыкла?

Только тут я поняла, что, занятая делом, перестала обращать внимания на разговоры.

— Нет, — улыбнулась я, — шум уже не мешает. — Только клиент с распечатки уже купил квартиру, а я потратила целый день на прозванивание вариантов, — пожаловалась я.

— А ты в следующий раз начинай с разговора с клиентом, — сказал он. — Звонишь ему, входишь в контакт, влезаешь в душу, а потом, когда понимаешь, что он реальный, начинаешь искать квартиры, а не наоборот. Поняла?

— Поняла, — кивнула я. — Только день уже прошёл, а я ничего не сделала.

— А мы не будем его засчитывать, — легко предложил Корольков. — Ты всё равно молодец. А где другая девушка?

— Ушла.

— Вот видишь, она уже не справилась, а ты осталась, значит, дело пойдёт. Нужна практика. Здесь нет ничего трудного: общение, общение и ещё раз общение. Людей надо чувствовать, тогда и сделки будут. Приходи завтра с утра пораньше, подкину клиента. И, вообще, я возьму тебя в группу. Мне, кажется, из тебя выйдет толк.

Домой я ехала довольная собой: во-первых, я выдержала первый рабочий день, а во-вторых, сам начальник отдела поверил в меня.

Иногда мне было смешно, но чаще грустно от мысли, до чего могут прийти люди, принимающие решение разменять свою квартиру. Это мир, где невольно оказываешься свидетельницей семейных драм и скандалов, когда люди, не принимая тебя в расчёт, показывают истинное лицо. А, вообще, самое забавное определение профессии, которую сейчас называют красивым заграничным словом риэлтор, я услышала от одной девушки, работающей в нашем агентстве. Она сказала, что маклер — э ночной горшок, куда каждый сливает всё, что ему не нужно. Соответственно, выглядеть при этом красиво никогда не получится. Подписываюсь под каждым словом: посредники вынуждены выслушивать требования продавца квартиры, который всегда считает, что его интересы отстаиваются не так, как бы ему хотелось, покупателя квартиры, уверенного, что он переплачивает за услуги агентства. Ну и, конечно, менеджера, который справедливо полагает, что комиссионные ничтожно малы, и агент мог бы взять гораздо больше.

Но, возвращаясь к моему первому месяцу работы, надо сказать, что я достаточно быстро, в течение отпущенного мне месячного срока, сделала свою первую сделку. Работа оказалась несложной: всего лишь оказаться в нужном месте в нужный час, а именно — из всех просмотров назначить тот, который приведёт к долгожданной сделке. В случае если у покупателя проявлялся интерес к объекту, вы ехали на просмотры, где частенько впервые смотрели не только квартиру, но и в глаза друг другу. Иногда, посмотрев один раз на клиента, больше показывать ему ничего не хотелось или, наоборот, вы находили общий язык и продолжали сотрудничество.

Так и произошло с моей первой сделкой. Покупатели, немолодая бездетная пара Татьяна и Андрей, хотели купить квартиру своей мечты и, несмотря на то, что уже пересмотрели достаточно вариантов, ничего не нашли. В этот момент появилась я, предложившая квартиру в районе метро Академическая на улице Кедрова. Это был первый раз, когда я удивилась квартире, которую выбрали клиенты. Потом я удивлялась в девяносто случаях из ста. Во-первых, это почти никогда не была квартира по тем параметрам, которые они описывали при первой встрече, а во-вторых, это всегда был, по моему мнению, далеко не самый лучший вариант из всех просмотренных, а иногда и самый худший. Так что наши мнения редко совпадали, но это было не важно.

Когда мы встретились первый раз с Татьяной и Андреем, я спросила:

— Расскажите, как должна выглядеть квартира вашей мечты?

Они заулыбались: это несколько отличалось от того, что спрашивали мои конкуренты. Позже я задавала этот вопрос постоянно и всегда попадала в точку: людям хотелось рассказать о квартире, которую они представляли в своих мечтах, квартиру, которая станет их уютным домом на долгие годы.

— Боюсь, что у нас непростая задача, — начал Андрей. — Мы бы хотели однокомнатную квартиру в центре, в хорошем кирпичном доме, общей площадью не меньше пятидесяти квадратных метров. С ремонтом.

— Хорошо, — сказала я и, руководствуясь их пожеланиями, стала предлагать квартиры в центре.

Мы отобрали несколько вариантов, но просмотрев их, Андрей грустно сказал, обняв жену за плечи:

— Да, Танюша, видно не существует того, что мы хотим.

Я приуныла: они были моими любимыми клиентами, испытательный срок в агентстве подходил к концу.

Татьяна посмотрела на меня:

— Зря мы продали нашу квартиру и дачу.

— Вы продали свою квартиру и дачу? — переспросила я с удивлением.

— У нас была двухкомнатная квартира у метро Каширская и хорошая дача, — подтвердил Андрей. — Кто же знал, что мы не сможем купить, как вы это называете, квартиру своей мечты?!

Я почувствовала острое желание помочь. Дело было не в деньгах и не в том, что мне понравилось работать в этом агентстве: мне захотелось превратить мечту покупателей в реальность. Они столько рассказывали об этой квартире, что я уже представляла её, словно в ней побывала.

— Мы найдём вашу квартиру, — сказала я уверенно, и они оба с надеждой посмотрели на меня. — Завтра я приду в агентство и просмотрю все варианты.

Мы расстались, и я поехала домой, совершенно не понимая, как можно продать квартиру, в которой было две комнаты, хотя она и находилась на окраине, и дачу, чтобы купить однокомнатную квартиру в пыльном и душном центре. Но мечта есть мечта, и это самое дорогое в жизни.

На следующий день я пришла на работу рано с уверенностью, что сегодня всё решится. В офисе агентам не разрешали пользоваться компьютером, и распечатки на нужную квартиру выдавала наш секретарь.

— Ольга, сделайте подборку для моих клиентов, — подошла я к ней.

— Опять ищешь однокомнатную в центре? — спросила она.

— Да.

— Долго ты уже с ними возишься! Что, никак не найдут? — участливо спросила она.

— Никак.

— Слушай, а может, цену поднять?

— У них больше денег нет, — я покачала головой. — Они всё продали: и двушку на Каширской, и дачу.

— Больные люди, — заметила Ольга, задавая программу поиска квартиры компьютеру.

Не знаю, что произошло в тот день, но программа ошиблась и вместо центра выдала квартиры у метро Академическая.

— Здесь что-то не то вышло, — расстроилась Ольга, рассматривая распечатку. — Какая-то Академическая. Это же не центр. — Слушай, а предложи им? Вдруг возьмут? А тс мне некогда новую распечатку делать, надо отчет для директора отправить. — Ольга посмотрела на меня. — Покупатели никогда не знают, что хотят. А если уж не подойдёт, попозже ещё раз программу запустим.

Я взяла распечатку и села на свободное место. Просто так, от нечего делать, пробежала взглядом по листку. — Вот она, квартира, которая им нужна: улица Кедрова, метро Академическая, пять минут пешком. Повинуясь инстинкту, я набрала телефон хозяина, и он подтвердил то, что я чувствовала. Это была та квартира, о которой они мечтали. В ней был сделан ремонт, она была в кирпичном доме и нужного метража. «Позвоню и предложу», — решила я.

До мельчайших подробностей я помнила наш разговор.

— Татьяна, я нашла вам квартиру, только сегодня поступила в продажу. Всё, что вы хотели, но находится рядом с метро Академическая.

— А я там когда-то жила, давайте посмотрим. — Вы говорите: улица Кедрова? Хорошая улица, да и район Академической мне всегда нравился, там гораздо спокойнее, чем в центре.

Я положила трубку и подумала: зачем искать квартиру в центре, если нравится на Академической?

Квартира понравилась с первого взгляда. Довольные и возбуждённые, клиенты переходили из комнаты в кухню, не обращая на нас с хозяином никакого внимания. Они уже представляли, что живут здесь, позабыв, что в квартире нет балкона, столь необходимого до сегодняшнего дня. Они даже выбрали место, где будет спать их любимая собака. Хозяин довольно подмигнул мне и шепнул:

— Возьмут.

Я боялась даже думать об этом. Мы вышли на улицу, и клиенты сразу подтвердили, что сегодня впервые увидели квартиру своей мечты, до этого она существовала лишь в их воображении. Они готовы вносить аванс, чтобы закрепить свои серьёзные намерения, но есть одна маленькая проблемка: не хватает пяти тысяч долларов. Пять тысяч долларов — комиссионные агентства, пятнадцать процентов из которых составляла моя зарплата. Я пригорюнилась: счастье было так близко и так возможно.

— Что же делать? — обречённо спросила я.

— Наташенька, позвоните хозяину — поторгуйтесь с ним, — с надеждой сказала Татьяна. — Может, он уступит. У нас, правда, нет этих пяти тысяч, вы же знаете, мы всё продали.

— Хорошо, — пообещала я, тоскливо думая, что не только торговаться, но и звонить до сих пор боюсь.

Мы расстались, и я поехала в агентство. Корольков Александр Иванович курил на лестнице, и, увидев моё озабоченное лицо, как дикий зверь, почувствовал добычу.

— В чём дело? — спросил он особенно заботливо.

— Да вот, клиентам квартира понравилась, но...

— Пойдём, поговорим, — быстро предложил он и бросил недокуренную сигарету.

Мы пришли в комнату для менеджеров, и он, удобно расположившись в большом кожаном кресле, заставил меня всё рассказать.

— Дело не стоит выеденного яйца, — уверенно заявил Корольков. — Делаем так: ты сейчас звонишь клиентам и говоришь, чтобы привозили аванс в размере пяти тысяч долларов. Завтра, — он заглянул в ежедневник, — в три часа, я как раз свободен. Потом звонишь продавцу квартиры и говоришь, что клиент готов брать и вызываешь его на два часа. Всё!

— Как всё?! — удивилась я. — Клиенты готовы брать за семьдесят, а с нашими комиссионными получается семьдесят пять.

— Ерунда, — отмахнулся Корольков. — Я попробую убедить хозяина снизить цену, а если не получится, поднимутся покупатели.

— Они точно не поднимутся, у них денег больше нет.

— Это они всегда так говорят, можешь не обращать внимания. Увидишь, если надо будет, найдут. Подождём до завтра. Положись во всём на меня, и ты увидишь, как работают профессионалы. Единственное, что меня смущает, это то, что они могут «кинуть» нас. Они случайно телефонами не обменивались?

— Как кинуть? — ахнула я.

— Очень просто! — рассмеялся он. — Мы же посредники, а посредников всегда стараются «кинуть». А здесь особый случай: договоров нет. Твои клиенты могут приехать на квартиру, и сойтись с покупателем напрямую. Они готовы платить семьдесят, он хочет семьдесят. А зачем мы?

Я молча смотрела на него. Он был совершенно прав, обойти нас не составляло труда, но мне не хотелось верить: Татьяна и Андрей казались мне положительными.

Вообще, продажа квартир — такой кидальный бизнес, как я потом убедилась. Я слышала столько этих страшных историй от агентов, что вот, работали-работали, а потом клиент разорвал договор и сошёлся напрямую. Агентство всегда старается себя обезопасить, подписывает разные бумажки со штрафами, забирает документы о собственности на ответственное хранение на время срока договора, при покупке старается взять денег вперёд, но риск всегда существует. Агент не рискует деньгами, но это всегда потерянное время, которым можно было распорядиться иначе, и даже дело не столько в этом, а в том чувстве гадливости, которое возникает при обмане.

Мне повезло: никто и не думал нас обманывать, более того, как мне показалось: людям это даже не пришло в голову. Александр Иванович уладил вопрос с ценой и отстоял наши комиссионные полностью. Единственное, он ошибся в том, что продавец согласился не сразу, а думал о снижении цены целых два дня, которые я провела как на иголках. Но, наконец, Корольков позвал меня с таинственным видом к себе в кабинет.

— Сломался, как я и говорил, — Александр Иванович сидел, откинувшись в кресле, его глаза блестели. — Приехал и договор подписал. Я же говорил ему: квартира эксклюзивная, найти покупателя быстро не получится. — А ты молодец, — похвалил он меня, — похоже, сделка состоится. Звони покупателям — пусть деньги везут: пять штук. Наши комиссионные сразу возьмём, а потом пусть даже отказываются от квартиры, мы всё равно им аванс не вернём, если квартира будет готова к сделке.

— Почему не вернём? — поинтересовалась я.

— В договоре есть пункт: если сделка срывается по вине покупателя, аванс остаётся в агентстве. Исключение может составить только смерть или землетрясение, короче говоря, форс-мажорные обстоятельства.

— Значит ли это, что мы в любом случае получим зарплату? — осторожно спросила я.

— Безусловно, если не откажется продавец, потому что в этом случае нам нечего будет продать. Но, я и здесь подстраховался, — он улыбнулся, очень довольный собой. — Забрал у продавца правоустанавливающие документы на ответственное хранение, так что он никуда не денется на время договора.

— А что мне дальше делать? — спросила я, слегка уязвлённая тем, что оказалась не при чём.

— Будешь ходить справочки собирать. Квартирку проверить придётся, но это уже приятные хлопоты: подготовка к сделке.

В 1995 году были хорошие времена: «утром деньги — вечером стулья». Утром покупатель приезжал с нужной суммой денег к банку, где агентство заказывало депозитарную ячейку на один день, и заполнялся договор, основной целью которого был один важный момент. Продавец мог получить деньги только после того, как квартира была зарегистрирована на имя покупателя. Продавец проверял деньги с помощью агента, иногда заказывал банковскую проверку, потом сумма закладывалась в маленький ящик в хранилище. Вся компания: продавец, покупатель и агент с менеджером отправлялись к нотариусу, а потом в департамент муниципального жилья регистрировать сделку. Уже вечером покупатель становился хозяином квартиры и при желании мог отправиться туда на ночлег, если она была свободна, а продавец мог получить деньги. Тогда никто и не думал, что через несколько лет регистрация квартиры станет занимать одну или две недели, а покупатель и продавец будут прибывать всё это время в подвешенном состоянии. Один, волнуясь о сохранности денег, а другой о своей квартире, которую он вроде бы уже продал, но денег пока ещё не получил, а документы о том, что он является собственником, уже отдал на регистрацию.

В то время на работе уже к вечеру накрывали столы, чтобы отпраздновать счастливое событие, агенты, которым повезло совершить сделку, ставили выпивку коллегам.

Мои счастливые клиенты пригласили меня в бар, где мы отметили, что их мечта с моей

скромной помощью стала реальностью. Я сидела в полумраке, потягивая вино, слушая восторженные отзывы о моей работе, и думала, что было бы, если бы компьютер в тот день не ошибся. Я ушла бы из недвижимости навсегда, а они распрощались бы со своей мечтой, потому что такой квартиры не могло бы быть там, где они искали. Кстати, ни покупатель, ни продавец так и не поняли, что это моя первая сделка. Но, надо сказать, кроме просмотров и сбора документов, моё участие свели к минимуму — все переговоры и организацию сделки проводил Александр Иванович, стараясь по мере возможности меньше вводить меня в курс дела.

Долгое время подготовка документов к сделке казалось мне неким священным действием, которым занимались только менеджеры, предоставляя агентам бегать по просмотрам. Лишь некоторое время спустя я поняла, как просто это было. Специальная таинственность соблюдалась с единственной целью, чтобы агент как можно дольше не научился делать всё сам, потому что в этом случае никакой менеджер ему не нужен. Он легко сможет, минуя агентство, делать сделки самостоятельно, забирая себе все деньги, а не получая свои жалкие проценты. На самом деле, самым сложным в этом вопросе было как раз показать нужную квартиру покупателю, да ещё постараться, чтобы они не договорились у тебя за спиной, а уже после внесения аванса в агентство, оставались лишь технические детали.

Дома я разложила на столе полученные семьсот долларов и долго рассматривала их. До сих пор моя зарплата была в рублях, и доллары казались мне особенно привлекательными, к тому же я никогда не держала столько денег в руках: до этого я получала зарплату ежедневно, и они всегда утекали сквозь пальцы.

Получить деньги сразу — ещё один большой плюс этой работы, который одновременно был и минусом. Плюс заключался в том, что не нужно копить, откладывая деньги понемногу с каждой зарплатой на какую-нибудь крупную вещь, например телевизор или диван, а можно сразу сделать одну или несколько крупных покупок. Именно поэтому при одинаковом годовом доходе с моей подругой, которая получала деньги еженедельно, я покупала технику, делала ремонт и ездила отдыхать, а она только покупала продукты и некоторые мелочи из одежды, потому что не умела откладывать. Я тоже не умела копить деньги, это казалось мне каким-то стариковским занятием. Я руководствовалась принципом: сейчас у меня есть деньги — я куплю себе норковую шубу, и пусть потом у меня на столе будет одна вареная картошка, зато я хожу в шубе.

Мне всегда нравилось смотреть на наших агентов, особенно женщин, после того как у них прошла сделка, особенно если она была достаточно крупной. На следующий день она приходила на работу поздно, зато вся обновках. С утра она уже успевала обегать все магазины и не прийти в новых сапогах или новом костюме было ниже её достоинства. Мужчины проявляли себя по-другому: как правило, равнодушные к одежде, они начинали носить с собой разные каталоги и выбирать что-нибудь из техники. Через некоторое время их замечали с новомодным плеером или чем-нибудь в этом роде. А если это была очень хорошая сделка или несколько сделок сразу, то везунчик, неважно он или она, мог приехать на работу на автомобиле, правда, в большинстве случаев, подержанном. Тогда весь наш отдел высыпал на улицу и долго рассматривал новое приобретение. Как-то за таким занятием нас застал директор агентства и на словах порадовался, что благосостояние агентов растёт, а на самом деле подумал о том, что мы делаем «левые» сделки и надо усилить контроль.

Рано или поздно деньги заканчивались, и никто не знал, когда можно ждать следующих. Стоило потратить последний доллар, как везение заканчивалось и почти готовая следующая сделка, разваливалось на глазах. Наступали тяжёлые времена: приходилось занимать денег, чтобы купить дешёвую еду, а машины грустно томились рядом с домом с пустым баком.

За годы работы агентом я перепробовало всякое: откладывала и прятала деньги далеко в тумбочку, пытаюсь считать, что их нет, отвозила деньги подруге на другой конец города, строго сказав, чтобы давала в крайнем случае, заводила сберкнижку. Один раз дала в долг, надеясь, что мне их вернут, в тот момент, когда я буду на мели. Ничего не помогало! Момент, когда деньги заканчивались, а до следующих сделок было далеко, как до неба, неминуемо наступал.

Как-то я пришла в «Ваш дом» и обратила внимание на девушку в чёрном брючном костюме, с хорошо уложенными густыми светлыми волосами до плеч. Новенькая особенно прямо сидела на стуле. Перед ней лежала распечатка и газета, но смотрела она куда-то вдаль, путешествуя по более приятным местам, чем описания чужих квартир. Я села рядом, и как бывалый агент сразу подвинула к себе телефон и начала кому-то звонить, изображая занятость. Я беседовала с клиентом и, ловко оперируя терминами, заметила, что она исподтишка рассматривает меня и прислушивается к моим словам. Я тоже смотрела на неё, когда она не видела. Она была хорошенькая, даже красивая и держалась слишком независимо для новенькой. Судя по её дорогому костюму и ухоженным рукам с маникюром, я поняла, что она знала и лучшие времена до тех пор, как попала в агентство. Она никому не звонила и даже не пыталась разобраться в распечатке. Она просто сидела, словно это было какое-то кафе, а не офисная комната, где в окружении постоянно трещащих телефонов и обрывочных фраз агентов, думать выходило с трудом. На какой-то момент мне показалось, что девушка не слышит этого гомона — настолько витает в облаках. Потом она вздохнула, грустно огляделась по сторонам, и наши взгляды встретились. Глаза у неё были карие, огромные и очень грустные.

— Не знаешь, где можно покурить? — спросила она.

— Пойдём, — прихватив сигареты из сумочки, я вышла в коридор.

Какое-то время мы молчали, а потом я, не выдержав, спросила:

— Ты сегодня первый раз?

— Да, — отозвалась девушка. — Не знаю с чего начать. Никогда раньше даже не предполагала, что окажусь в месте, подобном этому, — она вздохнула.

— А где ты раньше работала?

— У меня был салон красоты на Покровке. Бывала там?

— Нет, — покачала я головой, мне не хотелось говорить о том, что я не посещаю подобных заведений, и даже не потому, что жалко денег, а просто чувствую отвращение к парикмахерским. — Что случилось с твоим салоном?

— Меня заставили уйти из этого бизнеса. Это длинная история. Если хочешь, потом расскажу.

— Ладно, — согласилась я. Сама не знаю почему, но я чувствовала к ней симпатию.

— Мы можем сходить куда-нибудь? — предложила я.

— И отпразднуем мой первый день работы, — усмехнулась она. — Если это можно назвать работой. — А ты давно здесь?

— Уже сделала одну сделку, — с гордостью сказала я.

— Молодец.

— Здесь нет ничего сложного, я расскажу тебе.

— Спасибо, — она подняла на меня грустные глаза. — А то мне кажется, что здесь нет ни одного человека, с которым можно поговорить.

— А я ни с кем и не разговаривала, кроме клиентов, — рассмеялась я.

Лада, так звали мою новую знакомую, испытывала ещё больше сложностей, чем я. С большим трудом мне удалось заставить её позвонить одному клиенту, просто так для тренировки. Но она при этом разговаривала так высокомерно, как будто, он был ей обязан.

— Лада, ну что за тон?! — удивилась я. — Ты должна влезть в душу этому человеку, и голос у тебя должен быть ласковый или хотя бы нейтральный.

— Не могу, — Лада откинулась на спинку стула и обиженно закусил губу. — Просто не могу себя заставить звонить им. Для этого надо сначала сломать себя, а уже потом работать.

— Зачем ломать? Ведь это же так естественно: люди хотят купить квартиру своей мечты, и ты помогаешь им это сделать и всё. Я рассказала ей про свою первую сделку.

— Здорово, — её глаза заблестели. — Ладно, я попробую, но не сегодня. Я посмотрю, как ты работаешь, а потом пойдём куда-нибудь.

Мы просидели в Александровском саду в кафе под кремлевскими стенами около двух часов, рассказывая друг другу о себе.

Обнаружили много общего: Лада оказалась на год старше меня, дочери-ровесницы, и мы обе одиноки и разочарованы в мужчинах. Только вот раньше Лада вела более интересную жизнь. Бывшая хозяйка салона красоты разъезжала на новенькой иномарке, отдыхала на дорогих курортах, любила поиграть в рулетку и ужинала в ресторанах. Её бывший муж занимался строительством и был достаточно богат и, кстати, довольно молод, ему не было и тридцати пяти лет. Всё разрушилось в одночасье: они поссорились из-за глупости, и Лада из-за упрямства не отвечала на его звонки и не открывала дверь. Хотела наказать его, а наказала себя. Он перестал ей звонить, сменил номер мобильного телефона и, как рассказывали их общие знакомые, завёл себе новую девушку восемнадцати лет, которая смотрела на него с искренним обожанием. И, может быть, Лада смирилась бы с этим, если бы новые неприятности не начали наступать из-за угла. На неё, лишённую покровителя, стали наезжать те, кто должен был её охранять, её «крыша». Лада не смогла с ними договориться, пришлось продать салон, чтобы откупиться. На оставшиеся деньги она приобрела трёхкомнатную квартиру в новостройке в Чертаново и сделала ремонт. Потом продала машину и продержалась ещё полгода, сражаясь с депрессией и пытаясь найти работу. Но работы не было, тем более что образования Лада никакого не имела, а пойти на рынок торговать, не смогла бы никогда. Так она оказалось в агентстве недвижимости «Ваш дом», куда принимали всех, но с испытательным сроком.

— Что-то я заболталась, — спохватилась Лада. — Расскажи о себе.

— Моя жизнь никогда не была интересной. Одна воспитываю ребёнка и с тех пор, как мы расстались с мужем, а это ещё и совпало с перестройкой, только и делаю, что борюсь за наше существование. Я не могу назвать ни одной работы, которая бы мне нравилась. Все эти рынки, палатки, киоски — только для того, чтобы продержаться. Интересно было в институте, когда я училась. Мне очень нравилась моя специальность — нравилось программирование, наш коллектив там, где я работала, и если бы не мизерная зарплата и маленький ребёнок, я бы осталась там.

— Ну, у такой привлекательной женщины должно же быть что-то, кроме работы? — спросила Лада. — Неужели ты не могла найти себе кого-нибудь, кто бы обеспечил тебя всем необходимым?

— Если честно, я не искала. Для меня имеют ценность только деньги, которые я сама зарабатываю. Я обязательно должна быть сама себе хозяйка, пусть даже своего нищего царства. А потом я уже убедилась: ни один мужчина не сможет заменить отца моему ребёнку, а разрываться между двоими слишком тяжело.

— Интересно ты рассуждаешь, — Лада закурила сигарету. — А зачем разрываться? Я отвезла дочку к маме в Подмоскovie, они там, на свежем воздухе, а сама жила в Москве, у Витьки на квартире. На выходные мы её забирали и куда-нибудь втроём ездили. Было здорово, и никто не страдал от этого. Зато денег сколько было: и я хорошо зарабатывала, и мой помогал. Дочка ни в чём не нуждалась. А сейчас что? Я продала последние украшения, которые мне подарил Витёк, чтобы протянуть этот месяц. Так что придётся мне в недвижимости всё-таки работать, — сделала она вывод.

— Конечно, придётся. Не уйдёшь же ты после того как мы познакомились, — сказала я. — Постараюсь тебе помочь. А твоя задача — избавиться от этих своих, конечно, очень милых, но совершенно недопустимых в нашем деле, привычек богатой дамочки.

— Хорошо, — Лада тряхнула головой, как будто сбрасывая мишуру, которая ей мешала. — Я буду стараться, а ты меня останавливай, если заметишь. Это теперь ни к чему.

Мы обе рассмеялись и заказали ещё пива, чтобы выпить за преобразование Лады из светской львицы в бедного агента недвижимости в вечно стоптанных туфлях и бегающим взглядом, говорящим «где та квартира, которую можно продать».

Лада сдержала своё слово и уже на следующий день начала бойко обзванивать варианты и предлагать квартиры клиентам. Каким-то образом ей удалось переступить через прежнюю себя в кратчайшие сроки, хотя, конечно, этому способствовала то, что у неё не было денег. Но не это, как она призналась позже, было самым трудным. Больше всего ее бесило ездить на просмотры в переполненном метро. Работа агента такова, что иногда в день приходится бывать в разных концах Москвы. Помню, я за один день побывала и в Коломенском, и в Кузьминках, а на последний просмотр, еле живая, не чувствуя ног от усталости, приехала в Медведково. И всё же мне было легче, чем Ладе, которая, давясь в метро, всё время мысленно представляла свою машину, в которой она включала любимую музыку и отправлялась по делам, освежаемая кондиционером в жаркую погоду и согреваемая тёплыми сидениями в холодную.

— Я не могу, просто не могу, — жаловалась она мне, приезжая из Марьино, где хотели купить квартиру ее клиенты. — На машине я бы добралась туда за полчаса, а пешком потратила полдня. Ноги болят, а толку никакого — этому лысому не понравилась квартира, которую мы смотрели.

— Не расстраивайся, мы пробьёмся, — уговаривала её я, а если видела, что она совсем сникла, то предлагала пойти выпить по кружечке пива. Это действовало безотказно. Лада преображалась на глаза: доставала косметичку и начинала прихорашиваться. Посещение разного рода питейных заведений было для неё выходом в свет. Она никогда не упускала возможности с кем-нибудь познакомиться и всегда указывала мне на интересных, по её мнению, мужчин, которых я, поглощённая беседой, даже не замечала. А Лада обращала внимание на всё: хорошо или плохо нас обслуживает официант, какой фирмы туфли или костюм у девушки за соседним столиком, и, конечно, сколько мужчин обратили на неё внимание. Надо отдать ей должное — смотрели на неё и мужчины, и женщины. Мужчины с восхищением и вожделением, а женщины с завистью и опаской: было что-то в Ладе особенное, помимо её внешности: какая-то гордая посадка головы, как бы говорящая о том, что она случайно в этом дешёвом заведении или печальный взгляд карих глаз, рассказывающих о её страданиях. Я проигрывала рядом с ней сразу и частенько оба мужчины, которые подсели за наш столик, назначали свидания только ей. Но я не расстраивалась: из нас двоих я бы тоже выбрала Ладу, у неё горел ещё в глубине глаз тот огонь, заставляющий их назначать свидание, в то время, как я обычно равнодушно наблюдала за усилиями кавалеров. Неудавшийся брак охладил мой интерес, и я скорее наслаждалась своим одиночеством, чем страдала из-за отсутствия мужчины.

Однажды всё изменилось.

В этот раз мы выбрали бар, находящийся за углом, на Ленивке. Потягивая любимый пенный напиток, рассуждали о нашей тяжёлой жизни. За стойкой одиноко сидел мужчина, на которого мы не обращали внимания и только когда он повернул голову, узнала его. Я ещё

на работе обратила на него внимание. Вячеслав, так же как и Лада, отличался от остальных. Невысокого роста, с вьющимися тёмно- русыми волосами и чётко очерченными, хотя и неправильными чертами лица. Была в нём какая-то особенная порядочность и одухотворённость, позволявшая предполагать, что раньше он занимался чем-то более важным, а здесь оказался случайно. Мне он напомнил Саньку Григорьева из романа Каверина «Два капитана», так и казалось, что «бороться и искать» — это как раз о нём. Я толкнула Ладу локтем и прошептала:

— Смотри, там сидит Кудряшов, он из нашего отдела и тоже пьёт пиво.

— Да, — Лада равнодушно посмотрела на него. — Тебе он нравится?

— Нет, то есть да, но это не то, что ты подумала. Посмотри, в его лице есть что-то такое, что теперь редко бывает в людях: какой-то внутренний свет и доброта. Как ты думаешь, кем он был раньше? Мне кажется капитаном.

Лада с удивлением посмотрела на меня.

— Всего вторая кружка пива, а тебя так развезло. Если хочешь, пригласи его за наш столик и спроси, — она окинула взглядом полупустое кафе. — Всё равно сегодня здесь нет никого более интересного.

— Ладно, сейчас попробую.

Не в моих привычках первой подходить к мужчине, но мне не хотелось упускать момент. Сделав вид, что мне нужно что-то спросить у официанта, я остановилась у стойки бара. Вячеслав посмотрел на меня и кивнул. Изобразив удивление, я предложила ему присоединиться к нам.

Вечер прошёл незаметно: так интересно он умел рассказывать и так смешил нас обеих. Я оказалась права — Вячеслав Кудряшов раньше был лётчиком, а сейчас ушёл на пенсию. Узнав, что он пенсионер, мы рассмеялись, он выглядел таким здоровым и сильным и настолько был не на своём месте в агентстве недвижимости, что я удивилась, как он смог продержаться год на этой работе.

— Как можно после полётов заниматься этим неблагодарным делом? — спросила я.

— А что делать?! — его глаза грустно остановились на моём лице. — Перестройка не лучшим образом сказалась на военной авиации. Сейчас, даже смешно вспомнить, как хорошо мы зарабатывали раньше. Сначала мы перебивались от зарплаты до зарплаты, а в свободные от полётов дни торговали на рынке, чтобы прокормить детей, а потом, когда перестали летать, кончилось и терпение. Тогда я вернулся в Москву и решил зарабатывать деньги. Я разведён, — сказал он и многозначительно посмотрел на Ладу, — но всё равно считаю себя обязанным помогать своей дочери.

— Сколько лет твоей дочери? — спросила я.

— Машеньке недавно исполнилось шесть, — ответил он и его глаза стали грустными. — Они остались в Мурманске, где я служил. Моя бывшая жена снова вышла замуж. Ну а я вернулся в Москву.

— Так ты из Москвы? — обрадовалась я.

— Да, прожил здесь до шестнадцати лет, а потом уехал поступать в лётное училище и приезжал только в отпуск. А год назад вернулся навсегда и решил поменять специальность, пока ещё не слишком поздно.

— Наверно, тот, кто столько пробыл в небе, всегда тоскует на земле? — предположила я, стараясь уйти от печальной темы.

— Уже привык и смирился. Что делать? Жизнь продолжается и надо как-то меняться.

Нет смысла грустить о том, что не в силах изменить, хотя и принимать не всегда получается. Ну что, девушки, выпьем за то, чтобы с легкостью перестраиваться? — он посмотрел на Ладугу, которая не принимала участие в нашей беседе, и поднял кружку.

Я ехала домой и думала, думала. Его рассказы о Севере, где он служил, всколыхнули что-то давно забытое в моей душе. Раньше мы жили иначе: у нас были другие ценности в жизни, и, вообще, мы были другими: мягче и романтичнее. Наверно, «звериный лик империализма», которого так боялись коммунисты, всё-таки показал своё лицо, начисто вытеснив из нашей жизни способность мечтать и уверенность в завтрашнем дне. Деньги, деньги всегда только деньги стали главенствовать в наших душах. Вот и сейчас наша работа заключалась в умасливании продавцов и покупателей, чтобы получить побольше вожделенных зелёных долларов. А зачем? Для того чтобы купить дочке платье или модную куклу Барби? Или иметь возможность посидеть в кафе, чтобы за кружкой пива порассуждать о потерянном смысле жизни и вспомнить, как хорошо было раньше?

Сегодня мне было совершенно нечем заняться — это одна из самых больших проблем в нашей деятельности. Приходишь в офис, за полчаса делаешь все нужные звонки, потом ещё полчаса занимаешься просматриванием ежедневника, придумывая кому ещё можно было бы позвонить, чтобы напомнить о себе, и всё! Больше работы нет. Дальше возникает мысль: чем же занять длинный рабочий день? Где найти того клиента, который принесет деньги, которые позволят заткнуть дыры в семейном бюджете? Тяжёлое состояние, когда хочется поработать, а работы нет. Но страшно хочется что-то делать. Даже ладошки чешутся. С тоской я вспомнила свою работу программиста: там у меня всегда был завал, иногда я даже не могла выйти покурить, а если случалось, что все программы написаны и сданы, можно читать литературу и осваивать новое. Здесь же, кроме гражданского кодекса и вечной «Из рук в руки», от которой клонило в сон, читать нечего. Пока я предавалась подобным невесёлым размышлениям в курилке, к нам спустились Александр Иванович с девушкой. Корольков выглядел недовольным, тихо на чём-то настаивал, а она всё время твердила «не могу, не могу» и неловко затягивалась сигаретой. Было заметно, что девушка курит в тех редких случаях, когда очень расстроена. Потеряв терпение, Александр Иванович обратился ко мне:

— Лебедева, ты у нас неробкого десятка?

Я вопросительно посмотрела на него.

— Тебе деньги нужны? — задал он уже более конкретный вопрос.

Деньги мне нужны всегда, и я подошла ближе.

— И что надо сделать?

— Да вот, — он показал на смутившуюся окончательно девушку, — не может справиться. Не агент, а сплошные эмоции: мужчину, ей, видите ли, жалко! А то, что он всё равно попал, она не понимает.

— Да если бы вы видели его?! — возмущённо сказала она. — Я уже сказала: можете меня уволить, но я не буду этим заниматься.

— Да, пожалуйста, — Александр Иванович, презрительно пожал плечами и посмотрел на меня. — Ты будешь этим заниматься или я предложу ещё кому-нибудь?

— Хотелось бы узнать, в чём дело? — осторожно ответила я.

— Тамара, — он кивнул на девушку, — тебе расскажет. Если надумаешь — подходи ко мне, будешь работать с вариантом. А она пусть сидит без работы: ей, видимо, деньги не нужны! — Корольков выбросил окурок и ушёл.

Я посмотрела на Тамару: она чуть не плакала. Я её видела раньше и всегда обращала внимание на её какую-то особенную интеллигентность и мягкость. Она скромно, если не сказать бедно, одевалась, и всё лето проходила в одной и той же юбке, но казалась очень интеллигентной. Волосы гладко зачёсаны и убраны, на лице полное отсутствие косметики. Лада называла её серой мышкой, а мне Тамара нравилась. Хорошо поставленная речь, грациозные движения, правильные, хотя и мелкие черты лица. Тамара прижимала к груди дешёвую, видимо, купленную на рынке, сумочку. С трудом верилось, что этой девушке не нужны деньги. При одном взгляде на неё просматривалось: она дошла до самого края и достаточно долго сопротивлялась, прежде чем прийти в агентство недвижимости.

— Расскажи, что произошло и почему ты отказываешься? — попросила я, зная, что

никакой агент не выпустит вариант из рук, пока не убедится, что он нерабочий.

— Сегодня в моё дежурство, — начала она, — позвонил клиент и сказал, что хочет срочно продать квартиру. Александр Иванович отпустил меня, чтобы я сориентировалась на месте. Я ничего не знала, он сам вёл переговоры. И вот: приезжаю по указанному адресу, — она остановилась, видимо ей тяжело было это рассказывать. Я молчала, пока она пыталась справиться с собой, гадая, что же она могла там увидеть. Она посмотрела мне в глаза, и я увидела страх, словно она всё ещё была там. Сделав над собой усилие, Тамара продолжила: — Дверь открыл верзила в татуировках и цепях. Посмотрев на меня, он захохотал: «Ребята, смотрите: какой агент к нам пришёл», — он втащил меня за руку в комнату. Кроме него там были ещё двое, такие же страшные, а к стулу был привязан хозяин квартиры, весь в синяках и кровоподтёках. Было видно, что его били незадолго до моего прихода. Во рту кляп, он мычал, пытаюсь мне что-то сказать.

— Ну что, агент, оценивай квартиру! — продолжил всё тот же и стукнул ногой хозяина, чтобы он замолчал. — Это хозяин, на него не обращай внимания, у нас с ним работа идёт, заставляем его доверенность подписать на продажу. А он упрямится! — верзила захохотал и ободряюще хлопнул меня по плечу: — Ты не стесняйся — ходи, смотри. Деньги нужны сразу. Твой босс сказал, что вы выкупаете квартиры.

— И что дальше? — спросила я, пытаюсь вырвать её из оцепенения.

— Я заставила себя пройтись по квартире, сделав вид, что оцениваю, и убежала, сказав, что перезвоню. Но я не могу ему звонить, — она достала листок с телефоном из сумочки и отдала мне. — Если хочешь, звони ему, а я не буду. Жаль хозяина, — добавила она. — Я думаю: он попал на деньги, и его теперь заставляют квартиру продавать. Всё это так жутко, — девушка передёрнула плечами. — Раньше я об этом читала, а теперь вот довелось увидеть. Но я не буду с этим связываться.

Я сказала ей несколько ободряющих слов, и мы замолчали, думая каждый о своём. Как ни странно я думала не о хозяине квартиры, попавшим в беду, а о том, как срочно нужны деньги: дочке нужно купить школьную форму и портфель, в этом году она шла у меня в первый класс. А этот смутный вариант, похоже, был единственным, откуда их можно было взять. Словно прочитав мои мысли, Тамара тихо произнесла:

— Ты думаешь о деньгах, да?

— Да, — сразу ответила я. — И вот, что я думаю, было бы несправедливо лишать тебя этого варианта, только потому, что тебе жаль хозяина. Но Александр Иванович прав: если не мы, другое агентство схватится за этот вариант и сделает деньги. А хозяину квартиры мы всё равно не поможем, поэтому я беру на себя все переговоры, а ты займёшься документами. Комиссионные пополам.

Тамара посмотрела на меня с благодарностью и уважением.

— А ты не боишься этих, с цепями?

— Нет, — я покачала головой. — Я никого не боюсь: поработав на рынке, на такое насмотришься. К тому же, если подумать логично, моя персона им не нужна. Я буду им помогать деньги получить: пусть на руках меня носят!

— Спасибо, — Тамара сжала мне руку своей ледяной, несмотря на тридцати градусную жару, рукой.

Так мы познакомились, и потом, когда возвращались домой, Тамара рассказала о себе. Она из Смоленска, десять лет проработала в школе учителем географии, имела грамоты и различные награды. Учитель по призванию. Пока муж не погиб, они кое-как справлялись,

воспитывая двоих детей. А потом, когда осталась без мужа, Тамара продала трёхкомнатную квартиру в Смоленске, и купила комнату в Москве. Устроилась в агентство, чтобы, во-первых: научиться расселению и сделать квартиру из комнаты, а, во-вторых: зарабатывать достаточно денег на содержание детей. И больше никаких мыслей, чтобы сеять доброе мудрое вечное. Это ведь не помогло остаться в родном городе и прокормить двоих детей.

ГЛАВА 7

Лада сделала первую сделку. Получив зарплату, сказала мне:

— Раньше я могла себе позволить проиграть эти денег в казино, а теперь размышляю, как прожить... Слушай, а я даже не знаю, когда получу следующую зарплату, — сказала она. — Моя следующая сделка может быть завтра, а может быть...

— Никогда, — сказали мы с ней одновременно и расхохотались.

— Слушай, а может, рискнуть и поставить все деньги в казино? — спросила Лада.

— А если ты проиграешь? — предположил Слава, с интересом прислушивавшийся к нашему разговору.

— Так мне всё равно ни на что не хватит, — пожаловалась Лада. — Я до сих пор не могу привыкнуть, что должна считать каждую копейку и не могу ходить в магазин.

— Тогда отдай их маме, — предложила я.

— Так и сделаем, — сказала Лада и с сожалением спрятала деньги в кошелёк. — Некоторое время мы сидели молча, а потом она прошептала, когда Слава вышел:

— Представляешь, вчера он пригласил меня в театр!

— А ты? — спросила я, испытав укол ревности.

— Отказалась, конечно, — к моему облегчению сказала Лада. — Зачем мне нужен такой же нищий, как я? А потом мне он не нравится. Мне нужен мужчина солидный, постарше, чтобы я выглядела, как девочка рядом с ним, а он бы заботился обо мне.

Не скрою, я обрадовалась, что Лада не собирается с ним встречаться, но одна мысль, что Славе понравилась Лада, неприятно меня ранила.

— И как он перенёс твой отказ? — допытывалась я.

— По-моему, он и не рассчитывал на успех. А я, ты знаешь, всё не могу своего Витька забыть, — вдруг сказала Лада.

— Позвони ему и скажи об этом.

— Ты что?! — возмутилась Лада и картинно поправила волосы. — Да чтобы я да первой позвонила? Ни за что! Сдав позиции один раз потом трудно их вернуть. Если я приду к нему с повинной, он меня растопчет. Так что, уж лучше останусь в его памяти гордой и недоступной

— Ну и глупо, — возразила я. — Ты была виновата, и если ты первой позвонишь...

— Время ушло, — перебила Лада. — Он уже с девочкой молоденькой встречается. Правда, не любит её, — сказала она с удовлетворением, — мне сосед по секрету рассказал. Витька иногда заходит к нему поболтать.

Ответить я не успела, пришёл Слава и предложил сходить пообедать. Мне показалось, он особенно нежно взглянул на Ладку, и я, почувствовав себя лишней, придумала, что мне надо ехать на просмотр. Они ушли вдвоём, а я долго сидела над газетой «Из рук в руки» и не могла заставить себя двинуться с места. Все стало безразлично.

— Скучаешь, красавица? — раздался голос Александра Ивановича. — Надо съездить квартиру посмотреть. — Иногда вранье превращается в правду, подумала я. — Поедешь или у тебя планы?

С большим удовольствием я послала бы всё к чёрту и поехала домой. По дороге купила бы любимых шоколадных конфет и съела бы их перед телевизором. Но деньги близились к

концу и разбрасываться вариантами не годится.

— Поеду, — подняла я глаза на Королькова, решив отложить конфеты и телевизор до лучших времён.

— Дом на улице Машкова. Коммуналка, согласны на разъезд. Посмотришь, оценишь, поговоришь с людьми, доложишь. Поняла?

— Поняла, — вздохнула я. — В коммуналках я ещё не бывала. А доложу завтра, мне дочку надо пораньше из школы забрать.

— Тогда позвонишь!

— Хорошо.

Корольков снисходительно кивнул, благословляя на просмотр, и я впервые заметила, что он обращается ко мне на «ты» и по имени, а я называю его по имени отчеству и на «вы», хотя разница в возрасте у нас около пяти лет. «Но он же начальник, а мне, наверно, на роду написано быть только исполнителем», — мрачно подумала я, заталкивая ненавистную газету в сумку.

Я вышла из метро и, перейдя трамвайные рельсы, оказалась напротив памятника Грибоедову. Бронзовая фигура писателя возвышалась на постаменте, с которого тяжёлыми складками ниспадал театральный занавес, словно приоткрывавший подмостки сцены, представляя героев «Горя от ума». Да и саам драматург, который жил на улице Мясницкая, часто прогуливался по зелёному бульвару. Вспомнила я экскурсию, на которой недавно была с Ирккой.

Я не спеша, шла по тенистой аллее, каждая скамейка была занята какой-нибудь компанией или парочкой влюблённых. Было такое впечатление, что все что-то пьют. Некоторые расположились не просто с пивом, а даже с бутылкой водки и закуской. Отдыхают люди после работы, в то время как меня опять куда-то несёт. Хорошо, если бы не зря.

«Вот удивился бы Грибоедов, если бы смог попасть в наше время и увидеть тот же самый бульвар», — подумала я и, чтобы отвлечься стала вспоминать, что рассказывала экскурсовод. Когда-то у Мясницких ворот, каменной стены Белого города, располагалась Мясницкая слобода со скотобойнями, лавками и харчевнями. Прудов здесь было много и до восемнадцатого века они назывались Погаными, а использовались для слива отходов со скотобоен. Я подошла к пруду и остановилась, залюбовавшись белым лебедем. Меньшиков приобрёл здесь усадьбу, на месте которой позже построили Главный московский почтамт, и приказал вычистить пруды, назвав их Чистыми. Я улыбнулась: нельзя сказать, что состояние пруда в настоящее время соответствовало названию. Впрочем, времена Меньшикова давно прошли, а лебедю это не мешало.

Я перешла к театру «Современник», и мне даже удалось вспомнить, его историю. Модный в 1900 годах архитектор Клейн получил заказ от богатого меховщика построить особняк в римском стиле, о чём напоминает лёгкая полукруглая выносная колоннада на главном входе. Позднее здесь был кинематограф «Колизей», потом рабочий театр. И лишь в семидесятых годах помещение отдали театру. Не сюда ли Слава пригласил Ладу? Эх, была бы я на ее месте.

Свернув на улицу Макаренко и потом ещё раз в переулок, я вышла на тихую улицу Машкова. Красивый пятиэтажный особняк, построенный совершенно точно не в нашем веке, возвышался во всей красе. Я перешла на противоположную сторону, чтобы лучше рассмотреть его. Неужели в таком красивом доме ещё осталась коммуналка? Широкая

парадная и барельефы на стенах ещё больше очаровали меня. Я бы хотела жить в этом доме и гулять на бульваре с дочкой.

Дверь открыла девушка лет двадцати с хорошей фигуркой в модных джинсах. Попросив не обращать внимания на беспорядок, быстро показала квартиру. Все окна выходили во двор и смотрели на стену слишком близко построенного серого здания. Солнце никогда не заглядывало сюда. В глубокой задумчивости я стояла перед окном. Никогда в жизни по своей воле я не согласилась бы жить в этой квартире.

— Вид, конечно, унылый, зато тихо, — сказала девушка, догадываясь о моих мыслях. Мы пошли в ванную. Я и подумать не могла, что люди в нашем городе до сих пор проживают в таких условиях! Ремонт здесь не делался, с тех пор, как дом отдали в пользование жильцов. Масляная краска серовато грязного цвета висела клочьями на потолке и стенах, кафель отсутствовал, а коричневые трубы подавляли громоздкостью. Мой взгляд упал на ванную, и я едва удержалась, чтобы не выразить свое отвращение. Ванна представляла собой ржавое стоящее на уродливых коричневых ногах корыто. Наступить в неё босыми ногами мне казалось невозможным. Но главный сюрприз ждал мне впереди, когда девушка повела меня в свою комнату. На выдавшем виде диване сидел её муж, который дружелюбно поднялся мне на встречу:

— Добро пожаловать в наши хоромы, — сказал он иронично.

Я вошла в маленькую заставленную комнату, в которой казалось не повернуться, такой заставленной она выглядела. Я огляделась: метров семь-восемь, не больше, высокие потолки лишь усугубляли впечатление. Клетка, подумала я. Над половиной комнаты возвышались странные антресоли. Заметив мой взгляд, парень сказал:

— Как вам моё изобретение? Потолки высокие, вот я и придумал построить второй этаж.

На так называемый второй этаж можно было забраться ползком и находится там только лёжа.

— У нас там дети спят, — мило сообщила девушка. — Кровати для них негде поставить, вот и пришлось разместить их наверху. Всё-таки выход из положения.

Я вспомнила большую восемнадцатиметровую комнату, в которой спали мы с Настей, и мне стало стыдно. Но молодая пара держалась бодро, видимо за долгие годы они привыкли. Остальная часть квартиры не произвела на меня впечатления: грязноватые серые комнатки со старой мебелью и пожелтевшими обоями советских времен. Бабушки в халатах, всю жизнь здесь прожившие, пили чай на замызганной кухне. Одна из них сообщила:

— Ты это, даже не думай нас отселять на окраину, мы далеко отсюда не поедем. Нам надо в центре. Мы привыкли на бульваре гулять.

Я молча кивнула, подумав, что шансов у этих людей разъехаться немного. Ведь для того, чтобы покупатель согласился купить такую квартиру, должна быть рыночная цена. Невозможно, имея только комнату, пытаться получить за неё квартиру в этом же районе, но это не всегда понятно старым людям, не желающим расставаться с любимой скамейкой на бульваре и привычным окружением. Вот так и живут: каждый в своём углу, ненавидящие друг друга и вынужденные встречаться в местах общего пользования.

— Как вы думаете: есть ли для нас варианты разъезда? — спросила девушка, когда мы вышли в коридор.

Я вздохнула, мне не хотелось лишать её последней надежды, и я сказала по возможности мягко:

— Ваша соседка сказала, что ей нужна квартира в центре, а это невозможно. Если только вы её как-нибудь убедите...

— Её легче убить, чем уговорить на разъезд, — сказал муж, обнимая жену за плечи. — Ладно, мне обещали повышение на службе, может, хватит, чтобы снять квартиру.

— А жить-то на что, будем? А детей кормить? — спросила она, грустно посмотрев на мужа. — Ладно, не будем терять надежды. Спасибо, что пришли, — обратилась она ко мне, открывая дверь.

Обратно я шла настолько потрясённая увиденным, что забыла о своих проблемах, которые мне, живущей в своей уютной отдельной квартире, показались надуманными. Но, тем не менее, вариант оказался нерабочим, а время и деньги на дорогу потрачены впустую. Похоже, надо было выбирать телевизор и конфеты. Но как тут угадаешь?!

Из всех наших сотрудников одна дама больше всех удивляла меня потрясающей работоспособностью. Всё время, которое она проводила в агентстве, она звонила клиентам по телефону и в чём-то их убеждала. Она не курила, редко разговаривала с коллегами, не листала «Из рук в руки», чтобы чем-то заняться. Прошло несколько месяцев, прежде чем кое-что узнала о ней. Как и почти у всех в нашем агентстве, у Светланы было высшее образование: в недалёком советском прошлом занимала ответственный пост директора на государственном предприятии в подмосковном городке Сходня. Незамужняя и бездетная. Было ли её страстное увлечение работой следствием этого или наоборот, неизвестно. Как только родное предприятие закрылось, Света устроилась сначала в коммерческий киоск, где увлечённо продавала жвачки и ликёры, да так подняла торговлю, что злые конкуренты сожгли киоск ночью. После этого она решила в корне поменять жизнь, подалась в Москву и заболела идеей переехать из однокомнатной квартиры на Сходне в Москву. Для этого требовалась солидная доплата в пару десятков тысяч долларов, и Света принялась энергично продавать чужие квартиры и скрупулёзно откладывать зарплату, которую платили в агентстве. Она сэкономила на всём: не ходила обедать в кафе, а приносила обед с собой из дома, почти не покупала себе новой одежды и прочее. Денежная кучка росла, но не так быстро, как хотелось. Во всяком случае, когда через несколько лет я уходила из агентства Света ещё жила на Сходне. Пока Светлана копила, цены на недвижимость возросли в три раза, и её доплата в несколько раз увеличилась. Мне казалось, для неё не было занятия интереснее, чем навязываться клиентам по телефону с просьбой дать возможность именно ей эксклюзивное право на продажу квартиры. Вдохновлённые её настойчивостью, клиенты соглашались, и она бралась за продажу с таким энтузиазмом, как будто это была её последняя сделка. Её не смущали расстояния, она могла взять квартиру в Пушкино, а после этого съездить в Крылатское и вернуться на Сходню. В редкие дни простоя Света выходила на улицы Москвы и клеила объявления следующего содержания: «Куплю квартиру в вашем районе». Это, конечно, был обман, который с лихвой компенсировался её работоспособностью. Она внедрялась в продаваемую квартиру и становилась членом семьи на время эксклюзивного договора, помогала упаковывать вещи и участвовала в переезде после продажи. Объявления «Куплю» висели по всей Москве, и меня удивляла наивность граждан, когда они звонили и удивлялись, что на том конце провода сидит агент, а не мешок с деньгами. Что это, как не детская вера в чудо? Неужели человек, который может купить квартиру, будет брать в руки клей, который капает на одежду, и будет метить столбы и подъезды, указывая домашний телефон. Но факт оставался фактом: люди звонили, особенно хорошо по объявлениям, написанным от руки: иногда всё же удавалось уговорить их подъехать в агентство и заключить договор. У меня это получалось редко, у Светы — почти всегда. И каждый раз, когда её навязчивый громкий голос говорил:

— Ну, всё, договорились. Я сейчас я выезжаю к вам, а вы, пожалуйста, больше никуда не обращайтесь. Я вам помогу! — повторяла она, как будто была врачом, а на том конце провода висел безнадёжный больной. И люди верили ей! Они, обзванивавшие все агентства по списку, попав на Светлану, вешали трубку и терпеливо ждали её приезда. Вот и сейчас, мы, грустно скучавшие над газетой, встрепенулись, услышав опять эти слова.

— Свет, как у тебя так получается? — не выдержала я. — Почему всегда выбирают

тебя?

— Не знаю, — Света посмотрела на меня, пожимая плечами, а я в который раз подивилась, почему она так странно одевалась. Сегодня на ней были нелепые розовые брючки, которые её полнили, и оранжевый пиджак, купленный ещё до перестройки. Света засунула в рот глазированный сырок и с набитым ртом доверительно сообщила:

— На этот раз ничего сложного, чтобы их уговорить, не было. От них все отказывались, а я вот решилась взять. Квартирка хорошая: трёхкомнатная коммуналка на Мясницкой и просят совсем недорого, главное чтобы разъехаться.

— А почему никто не берет? — вступил в разговор Слава.

— Один из собственников в тюрьме сидит. Это его мать звонила, жаловалась, что от них все отказываются. А я ей пообещала.

— Да кто же купит такую квартиру? — удивилась я.

— Я найду этого покупателя! — сказала Светлана тем же тоном, что и свои вечные слова «я вам помогу».

— Ты сумасшедшая, — покрутил пальцем у виска Слава. — Даже если ты найдёшь покупателя на эту квартиру, тебе всё равно надо будет подписывать доверенность с собственником, а для этого надо будет идти в тюрьму, а там огромные очереди, и договариваться с начальником тюрьмы, к которому попасть на приём всё равно, что к президенту США.

— Меня это не пугает, — Света засунула в рот ещё один сырок и пожаловалась: — столько работы, что и перекусить некогда. — Вот увидите, я всё сделаю.

— Удачи, — прошипела Лада, и когда она вышла, спросила: — Не знаете, почему я так её ненавижу?

— Не знаю, — пожала я плечами. — Может, потому что ты другая?

— Конечно другая, — Лада достала зеркальце и с удовольствием в него посмотрелась. — Если бы я была такой, я бы повесилась.

— Всё-таки интересно, сможет она продать эту квартиру или нет? — сказала Тамара, не обращаясь ни кому в особенности.

— Сможет! — уверенно сказала я. — У неё такая настойчивость, что она сметёт все препятствия на своём пути.

— А я думаю: никто не купит квартиру, в которой один из собственников сидит в тюрьме, — сказал Слава.

— Давай поспорим на ящик пива? — вдруг неожиданно для себя предложила я.

— Ты проиграешь, — Слава улыбался.

Минуту мы смотрели друг на друга, только я думала совсем не о пари, а о том, какой у него ласковый взгляд.

— Пари — это интересно, — захлопала в ладоши Лада. — Славик, я болею за тебя.

— Давай! — он протянул мне руку.

На краткий миг наши руки соприкоснулись, и я почувствовала его тёплую сильную ладонь. Мне бы хотелось, чтобы моя рука задержалась подольше, но неугомонная Лада уже тащила нас в курилку, и Слава покорно поднялся.

— Ты идёшь? — спросил он меня, но его взгляд уже был прикован к Ладиным стройным ногам: она поправляла короткую юбку.

— Не хочу, — отвернулась я и уткнулась в свой ежедневник.

— Будь осторожнее, — предупредила меня Тамара, когда они ушли.

— Ну не обеднею же я, если поставлю ему ящик пива — вместе и выпьем.

— Нет, Наташ, я о другом. Насчёт пива, я не сомневаюсь, ты выиграешь. Светка вытащит эту сделку, она упрямая.

— А о чём ты?

— О Славе. Он же тебе нравится, не правда ли?

— Правда, — я быстро посмотрела на неё, испугавшись тому, что она это заметила. — Только это ничего не значит. Ему нравится Лада, а мы просто друзья.

— Слушай, как ты с ней дружишь? Она настоящая хищница в погоне за выгодным женихом, и всё это прячется под ангельской внешностью.

— Ты преувеличиваешь. У неё другой взгляд на жизнь. Она считает, что мужчины обязаны платить за все, и весь мир должен крутиться вокруг неё, но это вовсе не мешает нам общаться.

— Как хочешь, но мой совет: держись от неё подальше, — прошептала Тамара, заметив, что Лада и Слава возвращаются. — А Слава будет потом с тобой — помани моё слово, вы подходите друг другу. Только подожди, пока он поймёт, кто она на самом деле.

— Мне никто не нужен, — улыбнулась я, но на душе у меня стало легче.

Забегая вперёд, скажу, что я действительно выиграла пари. Света продала квартиру. Целых три месяца мы с интересом расспрашивали её, как идут дела на Мясницкой, и она никак не могла понять причины столь повышенного внимания к её делам, но неизменно отчитывалась о проделанной работе. Света прошла сквозь все кордоны и даже ночевала в агентстве, чтобы к пяти утра занять очередь у тюрьмы. Она добилась, что собственник, который находился в Бутырке, сделал доверенность на продажу квартиры, и смогла внушить покупателю, что сидящий в тюрьме продавец на самом деле милейший человек, который чуть-чуть погорячился, когда пырнул товарища ножом. Все три месяца мы с Тамарой поддерживали Светлану морально и внушали ей, что она справится. На самом деле, когда я слушала её рассказы, как собственники квартиры, а их там ещё было двое, боялись этого уголовника, потому что когда он напивался, то бегал за ними с ножом, мне чисто по-человечески хотелось, чтобы Света помогла им всем обрести право на нормальную жизнь, и ещё одной коммунальной квартирой в Москве стало меньше. Так что дело было не в ящике пива, потому что даже Слава, несмотря на то, что проиграл, начал испытывать глубочайшее уважение к Свете и пригласил её на пирушку. А вот Лада, когда узнала об этом приглашении, отказалась пойти, что, конечно, его расстроило, но отнюдь не заставило изменить свои планы.

ГЛАВА 9

Прошёл год и агентство недвижимости «Ваш дом» стало и моим домом тоже, а Лада, Тамара, Слава и даже Светлана стали моей семьёй, поскольку большую часть времени я проводила на работе. Далеко ушли в прошлое времена, когда рабочий день был с восьми до пяти или с девяти до шести. Работа агента подразумевает подстраиваться под клиента, а это может затянуться до позднего вечера. А разговаривать дома по телефону, уговаривая продавца или покупателя, выслушивая его жалобы, приходится до глубокой ночи. Работа считалась нервной: помимо того, что никогда не знаешь, когда будет сделка, и, соответственно, зарплата, был ещё момент. Иногда всё разваливалось буквально на глазах: сделка, которая считалась почти готовой, могла не состояться из-за того, что покупателю не прислали во время деньги в банк, или он разорился, нашёл лучшую квартиру или просто передумал. Этот момент всегда переживается всеми агентами особенно тяжело: жаль своих усилий и потраченного времени, а ещё больше потерянных надежд. В такие моменты мы всегда старались поддержать друг друга.

Когда я появилась на работе, в агентской комнате царил необычайное оживление, казалось, все говорили разом и возмущались. На этот раз неприятность произошла у Славы. Покупатель десяти комнатной коммуналки на Покровке, расселением которой Слава занимался уже полгода, трагически погиб за три дня до подписания договора. Его убитая горем жена и слышать не хотела о покупке квартиры. К тому же потеря единственного кормильца заставила её изменить взгляды на жизнь. Аванс, внесённый её мужем на имя агентства, раздали на внесение авансов за квартиры для коммунальщиков, и Слава после огромной полностью законченной работы, за которую должен был получить порядка пяти тысяч долларов, остался без комиссионных вообще.

— Представляете, — рассказывал он нам позже в курилке, — у меня уже всё было готово. Все восемь квартир для коммунальщиков найдены и проверены, документы собраны, получены пять разрешений в опекунских советах. Мы должны были выйти на сделку через три дня, нотариус составил договор и вдруг сегодня утром мне звонит жена Ивана Петровича и плачет в трубку. Сначала я не понял в чём дело и только потом разобрал, что его убили сегодня ночью.

Слава достал из пачки ещё одну сигарету и замолчал.

— Но больше всего мне жаль коммунальщиков, — снова начал он. — Я как-нибудь это переживу, а они уже мысленно были в тех отдельных квартирах, которые мы вместе с ними выбрали и некоторые уже присматривали мебель. А теперь расселение откладывается на неопределённый срок, к тому же та бабушка, уговорить которую мне стоило больших трудов, сказала, что больше ни за что не согласится пройти через эти круги ада и лучше умрёт в своей комнате, чем куда-нибудь ещё поедет.

— Да, в этих вопросах больше всего жаль людей, — согласилась Тамара. — Мы теряем только деньги, а они — надежду получить отдельное жильё. Теперь-то я знаю, что значит жить в коммуналке.

— Я, вообще, не знаю, как ты могла переехать в коммуналку и перетащить туда детей из своей трёхкомнатной квартиры. Я бы нашла другой выход, — передёрнула плечиками Лада.

— У нас с тобой разные взгляды на жизнь, — спокойно ответила Тамара. — То, что для

тебя выход, для меня смерти подобно.

— Что ты имеешь в виду? — вскипела Лада.

— Прекратите, пожалуйста, — прервал их Слава. — Можно хотя бы сегодня обойтись без ссор? Давайте лучше, решим, куда пойдём. Я предлагаю ко мне домой.

— Давай, — сразу согласилась я. Мне было интересно посмотреть, как он живёт.

— Не люблю бытовое пьянство, — сморщилась Лада, но, заметив его огорчённый взгляд, взяла Славу под руку. — Не обижайся, я пошутила. Поехали, конечно.

— Я расселю ещё одну коммуналку и приглашу всех в хороший ресторан, — сказал он и вымученно улыбнулся Ладе, но потом тень пробежала по его лицу, и он спросил: — А знаете, как его убили?

— Как? — спросила я.

— Вечером после работы он смотрел телевизор у себя в квартире, жена с детьми, к счастью, были на даче. Это был кто-то из его знакомых, потому что он спокойно открыл дверь, не подумав ничего плохого. А убийца пришёл за деньгами, он как-то узнал, что Иван Петрович собирается покупать квартиру. Он привязал его и долго пытал, пытаясь выяснить, где тот хранит деньги.

— И выяснил? — спросила Лада.

— Нет, Иван Петрович скончался, эта сволочь перестарался с пытками.

— Какой кошмар! — сказала Тамара. — Бедная жена и дети.

— Хорошо, что у неё хотя бы деньги остались, — сказала Лада, и мы все посмотрели на неё укоризненно. — А что вы так на меня смотрите?! Было бы гораздо хуже, если бы эта избалованная дамочка, которая не работает, а живёт за счёт мужа, осталась бы с тремя спиногрызами на руках и ещё без денег.

— В этом, конечно, нет ничего хорошего, просто ты всегда думаешь о деньгах, лично я думала о том, каково ей остаться без любимого человека, — сказала Тамара.

— Любовь, опять любовь, — проворчала Лада, — Откуда ты знаешь, любила она его или жила с ним, потому что он был богатым?

— Да хватит вам, — беззлобно сказала я. — Какая уже теперь разница?

ГЛАВА 10

Я с большим интересом ходила по Славиной квартире и чувствовала себя, как будто уже была здесь. Он жил рядом с метро Перово, в хрущёвской, белой панельной пятиэтажке на улице 3-я Владимирская, на втором этаже. Маленькая, двухкомнатная квартирка с ещё советским ремонтом, заставленная той мебелью, которая в восьмидесятые годы стояла почти в каждой квартире. Узенький балкон из гостиной выходил в тихий зелёный двор, приглашая посидеть в плетёном кресле с чашечкой кофе. Мне были знакомы и старенькие обои в цветочек в его девятиметровой комнате и большой письменный стол. Моё внимание привлекла фотография в рамке: Слава держал на руках маленькую девочку в красном платье, с такими же, как у него, большими карими глазами.

— Это Машенька? — спросила я.

— Да, моя красавица, — грустно отозвался он. — Так скучаю без неё, даже по ночам снится.

— Зачем же тогда разводился? — спросила Лада, а я показала ей кулак, чтобы она не начинала свою теорию о том, что мужчины, которые на самом деле любят детей никогда не уйдут от жены, чтобы она не вытворяла и как бы плохо они не жили. Я была с ней согласна, хотя бывают разные обстоятельства, но сегодня мне не хотелось, чтобы она ещё больше расстраивала Славу.

Лада показала мне язык и увела его на кухню готовить закуску, а я села за его стол и представила, как он сидит здесь, прозванивая квартиры для клиентов и скучает по своим самолётам.

Наш грустный праздник продолжался до утра и прерывался бесконечными звонками обезумевшей от горя клиентки, которая советовалась со Славой во всём, что касалось похорон. Она не знала, как заказать автобус и где находится бюро ритуальных услуг, а потом она стала советоваться с ним, где лучше устроить поминки в кафе или дома. Надо отдать должное терпению Славы, он даже пообещал съездить с ней на кладбище.

— Ты сумасшедший! Очень тебе это надо. Выключи телефон и давай лучше выпьем, — возмутилась Лада после пятого звонка. — Ты не обязан помогать ей решать её проблемы! Или ты думаешь, она купит квартиру? — вдруг спросила она, хитро прищурившись.

— Лада, Лада, — он обнял её за плечи. — Ну почему же вы, женщины, такие циничные?! Иногда нужно просто помогать, мы же все люди. Один раз поможешь ты, в другой — помогут тебе. Она несчастная женщина, и у неё никого нет рядом, ни родителей, ни друзей, а муж лежит в соседней комнате, в гробу, а в другой комнате спят трое малышей.

Мы все замолчали и, выпив ещё по рюмке, стали собираться по домам. Вдруг я обратила внимание на гору грязной посуды в раковине и предложила её помыть. Конечно, это был просто повод, мне не хотелось оставлять Славу одного. Проводив ребят, я пошла на кухню, а Славу отправила спать: после всего пережитого он еле держался на ногах. Перемывая тарелки, я так задумалась, что не услышала щелчка отворяемой двери и чуть не выронила тарелку, когда увидела внезапно возникшую передо мной маленького роста женщину с кудрявыми, как у Славы, волосами.

— Здравствуйте! — опомнилась я, чувствуя себя нелепо на чужой кухне в чужом фартуке поздно ночью.

— Ирина Сергеевна, Славина мама.

— Наташа, — представилась я и совершенно смутилась. — У Славы развалилась сделка, и мы пришли поддержать его, — неожиданно мой взгляд упал на гору пустых бутылок, оставшихся после нашей гулянки, и я не знала куда-то деться от стыда.

Мама поймала мой взгляд и улыбнулась: улыбка у неё была добрая, как у сына, а лучики морщинок у глаз делали её солнечной.

— Не оправдывайся, я всё понимаю. Ещё помню, как сама была молодой, у нас тоже была хорошая компания. А что же ты одна убираешься?

Я пожала плечами, не зная как объяснить ей мой не совсем даже мне понятный порыв помочь её сыну.

— Наташа, а давай выпьем кофе, если ты не торопишься, — предложила она.

— Вы ничего не подумайте, я только мыла посуду, — зачем-то начала оправдываться я.

Не знаю почему, но мне бы не хотелось, чтобы Ирина Сергеевна думала, что мы с ним здесь чем-нибудь занимались.

— А я и не думаю, — спокойно сказала Славина мама. — И это здорово, что ты перемыла эту гору посуды. Ты же можешь составить мне компанию ненадолго?

Я кивнула и поставила чайник, а она ушла переодеться и принять душ. Появилась она в длинном восточном халате, который делал её крошечной и домашней. К тому времени я уже успела соорудить лёгкий завтрак из остатков нашего пиршества и сварить настоящий турецкий кофе. Ирина Сергеевна вдохнула своим маленьким носиком и счастливо зажмурилась.

— Какой запах! Я просто жить не могу без кофе и не откажусь от него ни за что, несмотря на давление. А ты хозяйственная девушка, не то, что эта его фифа. Как её там, Лада?

— Вы её видели? — удивилась я.

— Конечно, видела, — она сделала глоток кофе и испытывающее посмотрела на меня. — А ты не знала, что они встречаются? Слава говорил: вы дружите.

Я поставила чашку на стол и опустила взгляд. «Какая же я была дура, что сама не заметила», — подумала я.

— Это их дело, Лада не обязана отчитываться.

— Это верно, но всё-таки, почему она тебе не сказала, как ты думаешь? — продолжала допытываться неугомонная маленькая женщина.

— Возможно, не хотела, чтобы на работе знали? — предположила я, проклиная своё дурацкое положение и непонятную боль в груди: мне даже дышать стало трудно.

— Она стесняется его, вот что! — сказала Ирина Сергеевна. — Лада с ним от скуки пока у неё никого нет. А как найдёт бизнесмена, сразу бросит его, дурака. А дурачок мой: Ладочке часики, Ладочке браслетик. Тьфу, — Ирина Сергеевна стукнула сердито чашкой об стол. — Не нравится мне это. Он после этой сделки, которая развалилась, хотел ей машину покупать. Не себе, заметь, не матери, которая по ночам на заводе вкалывает, а Ладочке. Видите ли, она на метро не может ездить, ей душно там.

Кофе показался мне горьким, а ведь эта милая женщина, его мама, полностью права. Лада, действительно, его стесняется, поэтому и мне ничего не говорила.

— Перестаньте, Ирина Сергеевна, — сказала я бодро. — Таким мужчиной надо гордиться, он же у вас лётчиком был, страну защищал, нас с вами. Ну, пусть на пенсии сейчас, так это же из-за перестройки, из-за того, что в армии денег не платят. Он мне

рассказывал всё: и про полёты, и про север.

— Ты хорошая девочка, — Ирина Сергеевна положила свою тёплую ладонь на мою руку. — А ты замужем?

— Нет, — покачала я головой. — Уже была один раз и больше не собираюсь. Можно великолепно прожить и без мужчин, нервы будут целее.

— Ишь, ты какая! — Ирина Сергеевна покачала маленькой головкой. — Феминистка. Мужика тебе надо хорошего, вроде Славки моего.

— А я ему не нравлюсь, — заявила я, — Всем нравятся такие, как Лада.

— Да что в ней такого? — удивилась Ирина Сергеевна. — Крашеная блондинка с большим апломбом.

— А вот вы не поверите, — начала я, чувствуя, что меня явно несёт, но я уже не могу остановиться. — Я когда с ней где-нибудь сижу, ну в кафе, например, и подходят мужчины знакомиться, то оба у неё телефон спрашивают, а на меня ноль внимания. У меня такого никогда не было.

— Странно, ты вроде тоже девушка симпатичная, — протянула Ирина Сергеевна, разглядывая меня.

— Вот именно, вроде симпатичная, а она стильная и держится хорошо, а взгляд у неё такой печальный, как будто сейчас расплачется. Вот мужчинам и хочется помочь ей, утешить, что-нибудь подарить.

Мы обе рассмеялись, и я стала собираться домой.

— Заходи как-нибудь, — пригласила меня Ирина Сергеевна.

— Зайду, — я улыбнулась и поцеловала её в щёку, как родную. Я почувствовала, что понравилась ей, и это было взаимно.

Я пошла пешком, мне хотелось хорошенько подумать над тем, что я услышала от Ирины Сергеевны. От Славиного дома до моего всего одна остановка на метро. Правда, еле передвигая ноги после бессонной ночи, я добралась до родного Новогиреева лишь через час в отвратительнейшем настроении. Конечно, я привыкла за это время к Славиным нежным взглядам на Ладу, но что он ей дарит подарки и познакомил с мамой, я и предположить не могла. Теперь я совершенно не знала, как себя вести и не хотела никого видеть.

— Привет, — грустно сказала я, когда Ира в коротеньком шёлковом кимоно открыла мне дверь.

— Ну, ты даёшь! Совсем нас бросила. Где тебя носит уже второй день? Настя меня уже мамой называет.

— Я познакомилась со Славиной мамой, — сказала я и глупо улыбнулась.

— Да ты что?! Давай с этого места поподробнее. Он что, наконец, соизволил заметить, что ты лучше Лады?

— Нет, лучше Лады для него никого нет, — грустно сказала я. — Даже более того, он собирался ей покупать машину, и у них, то есть у него, по — крайней мере, всё серьёзно.

С чашками кофе мы уселись на кухне. Ира слушала меня, теребя длинную прядь волос, и часто хмурилась, а потом сказала:

— Знаешь что, подруга, поезжай-ка ты в Турцию вместо меня. У меня всё равно путёвка пропадает. Ты там развлечёшься, да и меня от Машки освободишь.

— Да что ты такое говоришь?! — удивилась я. — Ты сама собиралась ехать с девочками?!

— Не могу, — Ирка развела руками. — Приехала делегация, надо с ними заниматься, возить их везде, Красную площадь показывать. Начальница сказала, если уеду, уволит меня, у нас все переводчики в разъездах.

Ира окончила институт иностранных языков, и с тех пор работала переводчицей. Она была одной из тех немногих, у кого после открытия железного занавеса работы только прибавилось: иностранцы хлынули к нам сплошным потоком.

— Вот жалость какая! — расстроилась я за неё. Я знала, как давно Ира не была в отпуске. — Да у меня и денег нет, чтобы поехать. Сделок давно не было, надо работать.

— Слушай, подруга, я тебе говорю, едешь и всё. Детей надо на море свозить перед учебным годом. За неделю твоя работа в лес не убежит, если до сих пор не убежала. А деньги отдашь потом, когда появятся.

— Нет, Ирка, я не могу, — сопротивлялась я.

— Решено и постановлено на семейном совете. Едешь ты, я должна работать. Да и некогда мне с Машкой заниматься. Ты должна помочь: денег за оплаченные путёвки нам никто не вернёт. А потом, Наташка, там пальмы, море, мужчины. Уложила девочек спать, а сама на танцы с симпатичным турком. А приедешь, может, и твой Слава померкнет в твоём сердце, чего тебе искренне желаю.

— У меня нет купальника, а вылетать уже завтра.

— Подожди-ка, — Ира убежала в комнату и вернулась с пакетом. — Здесь ровно семь купальников, по одному на каждый день недели.

— А зачем так много? — удивилась я.

— Чтобы каждый день быть в новом, — невозмутимо ответила Ирка. — Иди, примеряй, у нас с тобой фигуры одинаковые. И больше никаких отговорок.

Поспать в этот день не удалось. Сначала мы вчетвером: Маша и Настя тоже высказывали своё мнение, примеряли Ирины летние наряды, которые я, по её мнению, должна обязательно взять с собой, чтобы предстать перед турками и другими отдыхающими во всём блеске своей красоты. А потом я отправилась в агентство, чтобы договориться с Александром Ивановичем об отпуске и передать мои немногочисленные дела.

Александр Иванович в белой рубашке с коротким рукавом сидел за своим большим столом и читал газету. Видимо, в связи с летним сезоном, во время которого многие клиенты уезжают на дачу, откладывая решение квартирных вопросов на осень, у него тоже не было работы. Увидев меня, он улыбнулся, кивнув, на стул напротив. Думал, что я пришла к нему с вариантом, на котором он сможет заработать.

— Александр Иванович, мне срочно нужен отпуск.

Его маленькие глазки сощурились, и он даже надел очки, чтобы рассмотреть меня, словно был врачом.

— Мне кажется, — начал он вкрадчиво, — ты ещё вчера говорила, что тебе нужна работа и просила денег из кассы взаимопомощи? А это означает, что нужно усерднее трудиться, а не отдыхать, не так ли?

На работе существовала касса взаимопомощи, из которой в случае плохого стечения обстоятельств, агенты брали в долг до следующей сделки. Это было удобно при наших непредсказуемых доходах.

— Да, всё верно, — согласилась я. — Но моя подруга, с которой мы вместе воспитываем детей, уже купила путёвки в Турцию. Так получилось, что из-за внезапно возникших проблем на работе, она не может поехать. А девочкам надо набраться сил перед школой.

Александр Иванович придвинулся ближе, и в его глазах промелькнул интерес.

— Поймите, путёвки уже куплены, нам никто не вернёт за них денег, даже если попытаться их сдать. Конечно, я бы очень хотела работать, но не могу оставить детей без отдыха. Вы тоже отец и должны понимать, как важно побывать ребёнку на море, — продолжала я, вдохновлённая его молчанием. — Это всего одна неделя.

— Ты сказала, что вы с подругой воспитываете детей? — спросил он, снова сняв очки.

— Да, — согласилась я и, заметив недоумение на его лице, попыталась объяснить.

— Понимаете, для женщины очень важно иметь хотя бы поддержку подруги, если с мужем отношения не сложились. Вот мы и скооперировались с моей соседкой, которая тоже разведена. Наши девочки почти как сёстры, мы по очереди водим их в школу и проверяем уроки. Это очень удобно. Когда я на сделке, знаю, что с Настей всё в порядке, потому что она с Иррой, а Ира спокойно работает, зная, что я заберу её дочку из школы и накормлю ужином. А в Турцию собиралась ехать Ира, девочки очень радовались, но получилось, что Иру не отпускают на работе, и я просто вынуждена заменить её.

— Но я никогда бы не подумал, что вы... — начал он и замолчал, а я обратила внимание, что впервые за целый год он назвал меня на вы. Видимо, я удивила его.

— Я даже и не мог подумать, что вы... — он опять остановился, надел очки и вытер лоб белоснежным платком, — вы живёте с подругой, — наконец закончил он, а я расхохоталась, догадавшись, о чём он подумал. Не знаю зачем, но мне захотелось пошутить.

— Александр Иванович, но это же не имеет отношения к работе. Для агентства, важно,

как я работаю, а не мои отношения. Почему я не могу жить с подругой, если мне так удобнее?

— Но вы такая милая девушка, — он посмотрел на меня, и в его глазах было такое разочарование, что я не стала ждать продолжения.

— Мы не живём в том смысле, в котором вы подумали, мы живём в разных квартирах, на разных этажах, и у нас всё в порядке с мужчинами.

— Но вы же говорили, что не замужем? А сейчас говорите, что у вас все в порядке.

— Мне кажется, что для меня самым хорошим состоянием является то, когда в моей жизни нет мужчины, — резко сказала я, неожиданно разозлившись допросом, который он устроил. — Тогда у меня меньше проблем и больше сил, но я не лесбиянка, если вы это хотели услышать. Так могу я взять недельный отпуск или нет?

— Конечно, Наташа, — сказал он и сразу перешёл на «ты», — Только передай все дела Тамаре.

Я вышла из кабинета, едва сдерживаясь от смеха и непонятной злости, и зашла в комнату агентов. Тамара сидела на своём месте, глядя в ежедневник. Я села с ней рядом.

— Тамара, ты заменишь меня? Срочно нужно уехать.

— Хорошо, — она подняла на меня свои грустные глаза. — А когда ты уезжаешь?

— Завтра утром.

— У меня тут вариант есть — они готовы договор подписать. Но там какой-то парень-алкаш, мне бы одной не хотелось к ним ехать. А потом, если получится, будем вместе эту квартиру продавать.

— А что за квартира?

— Вот, смотри, — она придвинула мне тетрадь. Трёшка на Филях, разъезд на две площади. Неплохой вариант. — Может, у тебя найдётся ещё пара часов сегодня, чтобы съездить со мной?

Я вздохнула, больше всего на свете мне бы хотелось, наконец, попасть домой и поспать, но отказать Тамаре я не могла.

— Ладно, поехали, — сказала я и увидела её благодарную улыбку.

По дороге к метро, мы встретили Ладу и Славу. Лада была в новом бежевом костюме, который очень ей шёл. Я подумала, что этот костюм подарил Слава, и мне стало неприятно. Рассеянным взглядом она смотрела по сторонам, не обращая внимания на своего спутника. Наверно, мечтала о лучшем будущем. Мы встретились и после приветствий, я объявила, что уезжаю в Турцию.

— А откуда у тебя деньги? — удивилась Лада.

— Подруга спонсирует.

Глаза Лады завистливо сверкнули:

— Вот это да. Везёт же некоторым, мы здесь остаёмся, в этом ужасном городе. — Лада смерила Славу презрительным взглядом, как будто он был виноват в необычно жарком московском лете.

Он посмотрел на неё:

— Хочешь, поедem на дачу на выходные, там прохладнее?

— На дачу? — глаза у неё округлились, как будто он предложил ей что-то неприличное. — Да что, там делать, на даче твоей? Грядки что ли копать?! Терпеть не могу сельских домиков, там даже помыться негде! Вот Наташка молодец, мужиков нет, так она нашла подругу, которая за всё платит. А отель пятизвёздочный? — спросила меня Лада.

Мне стало смешно, уже второй раз меня подозревали в неформальных отношениях с моей подругой. Слава тоже удивлённо посмотрел на меня, как бы, спрашивая, правда ли это.

— Отель пятизвёздочный, всё включено: напитки и трёхразовое питание. Ирка мне даже семь купальников купила, чтобы каждый день чувствовать себя королевой пляжа, — я посмотрела на Славу, чтобы увидеть его реакцию, — он, смутившись, отвернулся.

— Она тебе даже вещи покупает? — ещё больше поразилась Лада.

— Иногда бывает, — я опустила взгляд. — Жаль только, что не смогла со мной поехать. Но ничего, — я пожала плечами, — кто-то же должен в семье деньги зарабатывать.

— Опаздываем, — Тамара, потянула меня за рукав, а я с удовольствием увидела, как от удивления эти двое не нашли, что сказать.

— Счастливо оставаться, — махнула я им рукой, отчётливо понимая, что вместо Турции с удовольствием поехала бы со Славкой на дачу и плевать мне на отсутствие воды и других удобств.

— А ты здорово её разозлила! — сказала довольная Тамара, когда мы отошли. — Ладка так зубами и скрипела от злости! Ну, до чего же завистлива! Нет, чтобы за подругу порадоваться?!

— Надеюсь, ты не думаешь, что я и в самом деле...

— Ну что, я совсем дурочка?! — Тамара взяла меня под руку. — Стоит только понаблюдать, как ты смотришь на Славу, и сразу становится понятно какая у тебя ориентация.

— К сожалению, ты права, — вздохнула я. — И ведь ничего не могу с собой поделать, как его увижу: совершенно раскисаю.

— Что сегодня мне ничего такого не показалось: ты дразнила их обоих. Правда, повелась только Лада, но Славик тоже заинтересовался, только виду не подал.

Хозяйка квартиры, необъятных размеров молодая женщина в халате, встретила нас у подъезда.

— Вы только не обращайтесь внимания, у меня беспорядок, — предупредила Лена, запахивая халат, пряча застиранную ночную сорочку.

Мы поднялись на второй этаж, и Лена сразу провела нас в комнату. Я поморщилась: удушливый запах, несмотря на открытую форточку, ударил в нос. В маленькой комнатке на одной кровати мирно почивал раздетый до пояса мужчина приятной наружности, а на другой спала девочка. Вероятно, мы её разбудили, потому что она потянулась, соскользнула с кровати и села на горшок, не обращая на нас никакого внимания. Я заметила, что на её кровати не было постельного белья. Она спала прямо в платье на стареньком грязном матрасе.

— Может, здесь неудобно разговаривать? — робко спросила Тамара, показывая на спящего молодого человека.

— Нормально, его и пушкой не разбудишь, — отозвалась Лена. — Давайте подписывать ваш договор.

Тамара уселась на единственный стул и, достав бумаги, начала их заполнять, стараясь не обращать внимания на странную обстановку. Я примостилась на детской скамеечке у окна. Тихий писк привлёк моё внимание, и я заметила на полу большую клетку. Видимо, оттуда и исходил этот ужасный запах.

— Кто это там у вас? — спросила я, чтобы не молчать.

— А это наши мышки, — Лена достала из клетки большую белую мышь с розовым

хвостом. — Хотите поддержать? — спросила она меня, и, не видя энтузиазма на моём лице, добавила: — Она стала мамой два дня назад, и теперь у нас девятнадцать мышат. Они подрастут, и мы продадим их на птичьем рынке.

— Хороший бизнес, — сказала я, едва сдерживая тошноту: Лена пыталась сунуть мышь мне в руки. — Я боюсь, — созналась я, и к моему великому облегчению она, поцеловав ее, засунула ее в клетку. Видимо, Лена испытывала к мышке нежные чувства, как к источнику будущего дохода.

Неплотно прикрытая дверь в комнатку распахнулась, и огромный чёрный ротвейлер почтил нас своим присутствием, шумно обнюхав меня и Тамару. Я, с детства боявшаяся собак, поёжилась, но Лена только махнула рукой:

— Не шевелитесь, и он вас не тронет.

Я так и сделала, но что-то зашевелилось рядом со мной и зевнуло. Мужчина, лежавший в полуметре от меня, и о котором, созерцая животных, я успела забыть, тёр глаза.

— А вот и Костик проснулся, — радостно защебетала Лена. — А мы договор подписываем. Это наши агенты.

— Доброе утро, — произнёс он, несмотря на то, что давно наступило время обеда, — и, окинув нас, мутными со сна глазами, вылез из-под простыни, продемонстрировав семейные трусы в полоску и хорошо развитую мускулатуру.

— Костик, ты бы оделся. У нас всё-таки гости, — сказала ему Лена, глядя на него с любовью.

— Они же пришли на квартиру смотреть, а не на меня, — усмехнулся он и вышел.

— Да, кстати, — спохватилась я, — мы действительно ещё не видели квартиру.

— Я вам сейчас всё покажу, — с готовностью сказала Лена. — Правда, в свою комнату нас бабушка не пустит, она не хочет отсюда уезжать. Зато другую точно посмотрим, если вы не испугаетесь моего пьяного брата.

— А что он может нам сделать? — с опаской спросила Тамара.

— Да, в сущности ничего, — пожалала плечами Лена. — Только если кинет чем-нибудь. Мне он недавно голову пробил бутылкой, но я милицию вызвала, и он сразу присмирел.

— Может, тогда не будем его беспокоить? — Тамара вопросительно посмотрела на меня, но я уже задумалась над тем, как же расселить эту чудную квартиру и как работать с людьми, если с ними даже нельзя побеседовать.

— Лена, а как же просмотры покупателям организовывать? — спросила я.

— Показывать будем, когда бабки с братом дома нет, они дверей не запирают.

— Хорошо, допустим, — согласилась я. — Но как разъехаться, если бабушка не хочет переезжать.

— Всё ерунда, — авторитетно заявила Лена. — Положитесь на меня, я здесь самая главная, всё будет нормально. Я её заставлю. Сами подумайте, сколько можно жить всем вместе. Я снова беременна, мне нужен покой, а с братом сплошные скандалы.

В итоге мы посмотрели только кухню, довольно чистенькую, потому что там убиралась бабушка, и с большим облегчением вышли на улицу. Подписанный договор меня совершенно не радовал.

— Ну что ты обо всём думаешь? — спросила меня Тамара.

— Не знаю, — пожалала я плечами. — Пока ситуация кажется совершенно неуправляемой, но ты же знаешь, в нашем деле всё бывает — может и продадим.

— Давай попробуем, — согласилась Тамара. — Других вариантов нет, а деньги нужны.

— Еще как, — вздохнула я и порадовалась, что целую неделю не буду обрабатывать клиентов и постараюсь забыть о деньгах.

Пятизвёздочный отель в Кемере оказался белой прямоугольной коробкой с балконами без каких-либо архитектурных украшений. Наш номер состоял из одной комнаты с тремя кроватями, телевизором и неким подобием комода с большим зеркалом над ним. Пока я созерцала обстановку, девочки обнаружили бар-холодильник, доверху заполненный напитками.

— Ой, мам, здесь столько баночек. И кола есть, и фанта, — заверещала Настя, вытаскивая жестянки на кровать.

— Поставь всё на место! — строго сказала я. — В номере это стоит в два раза дороже, чем на улице. Меня уже предупредили.

Разочарованные девочки отошли от холодильника, и вскоре я услышала восторженный крик из ванной.

Туалет, совмещённый с ванной, был отделан розовым мрамором, и сверкал блестящей сантехникой. Здесь даже присутствовало биде, которое изумило девчонок. Особенно мне понравилось зеркало во всю стену. Я вспомнила свою пожелтевшую ванную, стены с облупившейся штукатуркой, вечно подтекавшие краны и дала себе слово обязательно заработать денег на ремонт квартиры. Распаковав чемоданы, мы отправились на ужин, но обнаружили, что уже опоздали. Я разозлилась. Этот день был включён в программу отдыха, как первый. Лично я, натаскавшись чемоданов и, устав от двух таможен, просто валилась с ног и больше не чувствовала энтузиазма по поводу предстоящего отдыха.

На территории было много разных кафешек с астрономическими ценами. Пришлось остановиться в одной из них и расплачиваться за три куска пиццы настоящими долларами. Перед сном мы решили искупаться в море. Пляж был самый обычный, галечный, такой же, как на нашем юге от Туапсе до Адлера, только очень чистый и причёсанный. Даже лежаки на нём стояли параллельно друг другу, а входить в воду приходилось, спускаясь с лестницы или ныряя с импровизированной деревянной набережной. В довершении ко всему очень солёная средиземноморская вода попала девочкам в глаза, и они с визгом выбежали из воды. Я взяла себе пиво Эфес и уселась в кресле, гадая, чем же всем так нравится заграничный отдых. Ощущения, что ты за границей совершенно не возникало: турки напоминали абхазцев, а со всех сторон слышалась русская речь.

На следующий же день настроение у нас улучшилось, особенно после обильного завтрака, с бесконечной переменой блюд. Мы провели в столовой целый час, пока не попробовали почти всё, что было выставлено на многочисленных столах. На территории отеля оказался бассейн, и девочки упростили меня остаться там: вода не такая солёная, и они могли сколько угодно нырять и резвиться. Но я всё-таки ходила купаться в море, плавать в бассейне мне казалось большой глупостью.

Большой плюс был в том, что на территории отеля, детей можно спокойно оставить, не беспокоясь за них. Два турецких дядьки в смешных красных футболках, целыми днями приставали к отдыхающим, предлагая сыграть в разные игры, и дети с удовольствием носились за ним. Предоставленная самой себе я валялась на пляже, наслаждаясь солнцем и разглядывая отдыхающих. Не знаю, на что рассчитывала Ира, покупая семь купальников, на мой взгляд — здесь «ловить» было некого: немногие из присутствующих мужчин были с дамами. Но меня это не беспокоило, я терпеть не могла летних романов. Проведя целый

день в одиночестве на море, я почувствовала себя счастливой и отдохнувшей. Когда мы переодевались к ужину, Настя объявила, что они познакомились с девочкой из Москвы.

Папа их новой знакомой подошёл ко мне во время ужина и, представившись Максимом, предложил вместе пройтись, пошутив, что раз наши дети уже подружились, нам тоже стоит познакомиться поближе. Отставив недоеденную тарелку, я последовала за ним на прогулку по территории. Максиму, на мой взгляд, было около тридцати с большим хвостиком. Среднего роста, худощавый, немного сутулый, с начинавшими редеть тёмно-русыми волосами и выразительными умными серыми глазами.

После обмена впечатлениями об отдыхе он предложил на завтрашний день прогулку на яхте. Я начала отказываться: мне ещё не надоело валяться на пляже.

— Наташа, надо обязательно поехать, — вкрадчиво сказал он, слегка касаясь меня рукой. — Экскурсию организует наш отель. Вы и ваши девочки получите удовольствие. Мы выйдем на яхте в открытое море, увидим разные острова и красивые гроты, будем купаться в чистой воде и нырять с палубы.

— Вы так красочно всё описали, что я просто не могу отказаться, — рассмеялась я.

— Так вы согласны?

— Можете считать, что да. А откуда вы так хорошо всё знаете?

— Я уже не первый раз в Турции, у них совершенно одинаковые развлечения, — улыбнулся Максим. — А вы первый раз здесь?

Я кивнула, не желая рассказывать, что я, вообще, первый раз за границей, и спросила, где он работает.

— В данный момент я не работаю, — он смущённо улыбнулся, показав ряд ровных белых зубов. — После перестройки живу за счёт жены. Мне так неудобно, но я никак не могу найти работу. Правда, жена хорошо зарабатывает, и мы ни в чём не нуждаемся, но я устал от такой жизни. Мужчине нельзя быть домашней хозяйкой.

Мне сразу захотелось ему помочь, я хорошо помнила те времена, когда мне не удавалось устроиться на работу. Неожиданно для себя я предложила ему попробовать себя в сфере недвижимости. К моему удивлению он сразу согласился, и весь последующий отдых я развлекала его рассказами о продажах квартир и нашей компании, в которую я была уверена, он хорошо впишется. Между нами сразу сложились дружеские отношения, и пока наши девочки резвились втроём, мы вели длинные разговоры на пляже о смысле жизни и о перестройке, которая нас всех заставила, так или иначе, меняться, подстраиваясь под новые условия. Максим ушёл из института радиофизики ещё два года назад, где трудился конструктором. К этому времени его работа стала совершенно бессмысленной из-за маленькой зарплаты, и жена попросила его временно посидеть с дочкой, которая была слишком болезненной для детского сада. Так совершенно неожиданно он превратился в домашнюю хозяйку.

ГЛАВА 13

Вернувшись из отпуска, я с содроганием думала о возвращении в агентство. Работать-то я хотела, а вот искать клиентов, уговаривать или еще хуже: ждать вариантов, было бы тяжело. Хотелось стабильности и уверенности. Эх, добрые советские времена: аванс и зарплата раз в месяц. Где вы? Собираясь в агентство и желая похвастаться перед коллегами своим загаром, я надела белую открытую майку и короткую юбку. Кто знает, а вдруг всё-таки Славка обратит, наконец, на меня внимание?

— Ты работу с пляжем не перепутала? — спросила меня Ира, уставившись на мои загорелые ноги, когда я зашла к ней, чтобы оставить Настю.

— Да, ладно тебе, — махнула я рукой. — Сегодня нет важных встреч с клиентами, и я хочу показаться во всей своей красе.

— И пусть скрипит зубами тот, кто остался в Москве с бледнолицей блондинкой? — хихикнула Ира.

— Именно, — я поцеловала её в щёку и побежала на встречу с Максимом, которого я сегодня собиралась представить Александру Ивановичу.

Пока я отдыхала, в риэлтерской жизни ничего не изменилось. На улице перед входом в агентство толпилось с десяток агентов с сигаретами. Со всех сторон доносилось: сделка, регистрация, просмотр, сорвалось, нет денег, аванс забрали. Лада со Славой стояли чуть в сторонке.

— Привет всем! — радостно сказала я, подходя к ним. — Знакомьтесь, это Максим. Он хочет работать в нашем агентстве, — объявила я и обратилась к Максиму: — Ты покуришь с нами или сразу пойдём?

— Давай покурим, — ответил он и его взгляд задержался на Ладе, и я могла бы поклясться, что ни разу за всё время отдыха он так не смотрел на меня.

— Хорошо, — я достала «Салем» из сумки и закурила.

Какое-то время мы молчали, пока Лада, медленно подплывая к нам, не выдавила из себя:

— Ты хорошо загорела.

— Мы с Максимом всё время проводили на море, — я посмотрела на Славу, но его лицо ничего не выражало.

— Ты же говорила, что с детьми поехала? — спросила недоумённо Лада, стряхивая пепел.

— Дети нам совсем не мешали, правда, Максим? — спросила я, ласково посмотрев на него.

Он принял мою игру и улыбнулся.

— Это был лучший отдых в моей жизни.

После его слов я снова посмотрела на Славу, и мне показалось, что ему всё это не понравилось.

— А как вы тут? — спросила я. — Что новенького?

— О чём ты? — нахмурилась Лада. — Что может тут быть нового?

— А на дачу съездили? — спросила я и, поймав презрительный взгляд Лады, поняла, что нет.

— Кто эта красивая девушка? — спросил у меня Максим, когда мы поднимались в офис. — Она как-то не похожа на агента по недвижимости.

А я, значит, похожа?!

— Слушай, — я резко остановилась и повернулась к нему. — Может, хотя бы ты объяснишь мне, что вы все в ней находите?

— Ну, она какая-то... — Максим тоже остановился.

— Блондинка, да? — стала ему помогать я.

— Да нет, дело не в этом, — он пожал плечами.

— У неё хорошая фигура, и она стильно одевается? — продолжала я.

— Не знаю, я не заметил, как она одета.

— Тогда почему? — крикнула я. — Почему все мужчины обращают внимание только на неё?

Максим опустил глаза и спросил:

— Не знаешь, она замужем?

— И думать не смей! — ещё больше разозлилась я. — У тебя семья и ребёнок.

— Я просто так спросил, — он посмотрел на меня. — Ты тоже очень красивая, Наташа.

— Неужели?! — ехидно сказала я. — Но только если рядом не присутствует Лада. А если серьёзно, Максим, я тебя сразу предупреждаю, чтобы потом ты не сделал ошибки, за которую можно слишком дорого заплатить. Лада — моя подруга, и я хорошо её знаю. Её не интересуют такие мужчины как ты или Слава, которого ты сейчас видел с ней рядом. Ей нужен определённый тип мужчин, которые могут обеспечить уровень жизни, к которому она привыкла, поэтому даже не пробуй. Агенты по недвижимости не интересуют, только бизнесмены.

— Да ладно тебе, я просто так спросил, — Максим выглядел смущённым и перевёл разговор: — А ты уверена, что меня примут?

— Сюда всех принимают. Во всяком случае, на месяц, а дальше всё будет зависеть от тебя. Некоторые сразу уходят, понимая, что это не для них, другие остаются и работают годами в надежде на лучшее.

— У меня получится, — сказал он уверенно.

— Если бы я видела, что у тебя не получится, не стала бы и предлагать. К тому же у тебя по сравнению с нами, есть один большой плюс.

— Что ты имеешь в виду?

— У тебя есть жена, которая хорошо зарабатывает, и ты не будешь зависеть от сделок и можешь спокойно работать: деньги на продукты и всё остальное есть. Тогда как у нас — мы или отказываем себе во всём и занимаем деньги, чтобы хотя бы как-нибудь продержаться, или шикую на всю зарплату, потому что хочется хотя бы чуть-чуть пожить по-человечески.

— Зато у вас есть хороший стимул для работы.

— С девяносто второго года я сыта этим стимулом по горло, — сказала я резко, и он немного испуганно посмотрел на меня. — Моя жизнь превратилась в сплошное выживание и борьбу с вечно пустым холодильником. Я всё время озабочена добыванием денег, и мне бы очень хотелось пожить так, чтобы кто-нибудь другой зарабатывал, а я бы занялась чем-нибудь для души.

Максим положил мне руку на плечо:

— Я думаю, что ты обязательно встретишь человека, с которым у тебя будет хорошая семья.

— Судя по тому, какие мужчины мне нравятся, скорее всего, он будет тоже из агентства недвижимости, — улыбнулась я. — А чтобы получить солидного мужа, который будет зарабатывать деньги, надо стать такой, как Лада. И давай всё же пойдём, я тебя познакомлю с начальником отдела.

Александр Иванович восседал за своим столом, прижав к уху трубку от телефона. Увидев нас, он и кивком указал на два стула. Мы присели, и я с непонятной тоской стала прислушиваться к знакомым словам, снова слышавшимся со всех сторон. После отдыха в Турции даже слышать не хотелось. Наконец, Александр Иванович закончил разговор и окинул меня внимательным взглядом.

— Прекрасно выглядишь, поездка пошла тебе на пользу.

— Спасибо, — улыбнулась ему я и сразу перешла к делу: — Это Максим, он бы хотел работать у нас.

— Пусть работает, — он бросил равнодушный взгляд на Максима. — Может, ты сама проведёшь ему вводную лекцию и покажешь комнату агентов. Условия те же — испытательный срок месяц и за это время должна быть хотя бы одна сделка.

Мы вышли из кабинета и рассмеялись.

— Вот так приём на работу, — удивился Максим. — Он даже ничего не спросил у меня.

— А зачем ему лишняя информация?! Либо ты приносишь денег, с которых он получит свой менеджерский процент, либо он расстанется с тобой без сожаления и возьмёт другого, а спрашивать кто ты и откуда ему неинтересно.

— Как всё изменилось, — вздохнул Максим. — Раньше к людям относились по-человечески.

Я открыла дверь в нашу агентскую комнату, где стоял жуткий шум. На нас никто не обратил внимания. Я нашла два свободных места и усадила Максима рядом.

— Добро пожаловать в наш кошмар! — сказала я, наблюдая за его растерянным видом.

— И ты считаешь, что здесь можно работать? — спросил он, громче, чем обычно.

— Уверена, — засмеялась я. — К концу дня, если выдержишь, привыкнешь.

Максим сел удобнее и повернулся ко мне:

— А у меня есть варианты? Домашней хозяйкой больше быть не хочу. Так что рассказывай.

— То, где мы сидим: это комната для агентов.

Максим прикрыл рукой правое ухо, чтобы не слышать истошно оравшей женщины, у которой судя по всему срывался аванс, и повернулся ко мне:

— Это адский ад, а не место работы. Но продолжай, я уже готов вкусить все прелести агентской жизни.

Через месяц мы нашли покупателя на квартиру в Филях, и нам с Тamarой осталось самое сложное: подобрать две квартиры под разъезд. И в один прекрасный осенний вечер я поехала разговаривать с Лениным братом, который, как она доверительно мне сообщила, был в этот вечер не слишком пьян.

Дверь мне открыла бабушка, которая сурово меня оглядела:

— Ты кто?

— Я агент по продаже вашей квартиры, — бодро сказала я. — Меня зовут...

— Убирайся! — бабка стала закрывать дверь, но я успела поставить ногу. — Я сто раз говорила, что не буду никуда переезжать! — завизжала бабуля, пытаюсь справиться с препятствием.

Мне повезло, что в прихожую выскочила Лена и оттеснила бабулю.

— Бабка, ты что?! С ума сошла, нашего агента не пускаешь! Иди к себе и не высывайся!

Бабуля гордо удалилась в свою комнату и оттуда прокричала:

— Я не куда не поеду!

— Не обращай на неё внимания, — зашептала мне Лена, подталкивая меня в сторону комнаты брата. — Главное с братом договориться. Бабка только его слушает. Пойдём.

Она заглянула в дверь и пропела:

— Сергей, к тебе Наташа на счёт размена.

Я вошла в комнату и оглянулась: Лена закрыла за мной дверь, оставшись с другой стороны.

Я взглянула на Сергея. Передо мной сидел парень лет двадцати, с довольно приятными чертами лица, голый до пояса со стаканом пива в руке. Я вспомнила страшные истории про него и удивилась. Вид у него был мирный, пока не раскрыл рта.

— Не знаю, чего там моя сеструха подписывала, я здесь ни при чём. Ты зря пришла.

На какой-то момент я почувствовала себя полной дурой, но надо признаться, за время работы агентом, я к этому чувству привыкла, поэтому подавила в себе желание послать всех к черту. Сделок легких не бывает! Я нашла заваленный одеждой стул и села на край.

— Хотя бы выслушай, — сказала я парню незаинтересованным тоном. — У нас есть покупатель на эту квартиру, и у тебя есть шанс получить отдельное жильё.

— С бабкой это не отдельное, — заявил он. — Хотя с ней легче сладить, чем с моей сестрой — шлюхой. Я устал её мужиков отсюда выкидывать.

— Вот и давай разъезжаться, — предложила я. — Сестру не будешь видеть, да и квартира потом твоя будет.

— Достала меня Ленка! — он хлебнул ещё пива и стал разделывать рыбу. — Мне квартира нужна здесь, рядом с речкой. Я рыбу ловлю. — Он достал рыбу из-под кровати и показал мне. — Видал, какая?

— Никогда не думала, что в Москве-реке можно поймать такую рыбу, — проявила я интерес.

— Это ещё маленькая. Я здесь и не такую ловил.

— Расскажи, при каких условиях ты бы переехал? — вернула я его в нужное русло.

— Мне плевать, сколько будет стоить эта квартира, но если мне понравится, то, что ты

мне найдешь, я перееду, — заявил он, наполняя снова стакан пивом. — И только в этом районе, поняла? — он сфокусировал на мне мутный взгляд.

— А с бабушкой проблем не будет? — спросила я.

— Поедет, куда я скажу, она меня боится, — парень хохотнул. — Недавно вякнула не по делу, я ей два яйца разбил об голову: стала как шёлковая.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я поняла, что больше не выдержу общения с этим дегенератом и встала.

— Ладно. Я всё поняла, пойду с Леной поговорю.

— Подожди, — он вытащил из ящика большую вяленую рыбину и бросил мне. Я едва успела поймать её на лету. — Подарок фирме.

— Спасибо, — выдавила из себя я, испытывая желание швырнуть эту отвратительную пахнущую, рыбу обратно.

Но, вспомнив про два яйца об голову бабушки, выдавила из себя «спасибо».

Я вышла и остановилась в коридоре: мне снова хотелось бросить всё к чёрту. Пока раздумывала, не ускользнуть ли, Лена открыла дверь своей комнаты:

— Заходи! — она втащила меня к себе за руку.

Мыши подросли, стали громче пищать и издавать более резкий запах. Я заткнула нос, думая, что потеряю сознание.

— Что он сказал? — требовательно спросила Лена.

— Сказал, что поедет в квартиру только в этом районе, а это означает, что тебе остаётся совсем мало денег, соответственно выбор будет ограничен.

— Вот урод! — сказала она с чувством о любимом брате и потянулась за сигаретами.

— Открой окно, — попросила я. — Очень душно здесь.

— Не всех мышей удалось продать, — пожаловалась Лена, открывая форточку. — А что от тебя так рыбой воняет? Ой, да братец тебя рыбой угостил? — удивилась она, заметив в моих руках вяленого леща. — Значит, что ты ему понравилась. Всё-таки будет сделка.

— Думаешь? — без энтузиазма спросила я, мечтая убраться из этой квартиры.

— Ну какую-нибудь маленькую квартирку мы ему тут найдем, — мечтательно сказала Лена. — Так что все очень даже хорошо, не зря я тебя вызвала.

Я вышла и, жадно глотая свежий осенний воздух, выбросила рыбину в урну. Всю дорогу до дома я была под впечатлением от проведённого времени и серьёзно думала о том, чтобы отказаться от продажи. Если бы только у меня были деньги, но маленький запас таял с каждым днем.

На следующий день я пришла на работу в мрачном расположении духа и долго пыталась переубедить Тамару отказаться.

— Давай вернём аванс покупателю и дело с концом, — предложила я.

— Ни за что! — твёрдо заявила Тамара. — Если ты это бросишь, я буду продолжать одна, но мне будет трудно.

— Тамарочка, они вымотают нам все нервы. — Мы будем рисковать, прокладывая авансы за выбранные ими квартиры. Они же не будут подписывать никаких документов, а если и подпишут, то для них это ничего не значит. Сегодня подписались — завтра заявили, что передумали, и мы будем возвращать деньги из своего кармана.

— Ты не представляешь, сколько раз я ездила показывать эту квартиру, прежде чем объявился покупатель, мне жаль потраченных усилий. Это у тебя клиенты бывшие партийные работники, а для меня эта квартира единственная возможность заработать на

данный момент.

Дорогими квартирами я решила заняться недавно. Эти симпатичные кирпичные домики, выстроенные в восьмидесятых годах для членов ЦК и их семей, привлекли моё внимание тем, что всегда пользовались спросом. В этих домах в подъезде всегда сидела консьержка, которая следила за порядком и не пускала чужих, а двор был огорожен забором. На территории можно поставить машину, не волнуясь за её сохранность. Но самое главное, почему люди готовы платить большие деньги за квартиру в этом доме, был, конечно, престиж. На нашем языке это называлось солидным окружением. Хотя лично я ничего солидного в этих замшелых бабушках, дедушках и их детях с большими амбициями, не замечала. К концу девяностых им жилось также плохо, как и обычным пенсионерам, поэтому многие из них хотели переехать в меньшие квартиры, получив солидную доплату на жизнь.

Началось все так. Как-то устав от безделья и отсутствия вариантов, я распечатала телефоны всех квартир дома под номером пятьдесят четыре, находившемся по улице Вторая Тверская-Ямская и стала прозванивать каждую, предлагая свои услуги, как представителя агентства «Ваш дом». Все коллеги, затаив дыхание, следили за мной. Большинство из них считало это пустой тратой времени, но я знала, что шанс есть всегда и не обращала внимания на их мнение. И в очередной раз, услышав старушечий голосок, я произнесла уже без должного энтузиазма:

— Здравствуйте! Агентство «Ваш дом» предлагает услуги по продаже, обмену и расселению квартир.

— Я много думала об этом, — слабым голосом сказала в ответ старушка. — У нас с мужем очень большая квартира: сто двадцать квадратных метров, а нам столько не надо. Хотелось бы переехать в меньшую с доплатой. Только обязательно в доме такого же уровня, мы не можем жить в обычных домах.

— Мы готовы помочь вам в этом, — сказала я, затаив дыхание. — Как к вам удобно обращаться?

— Мария Ивановна. Если вас не затруднит подъехать, мы можем побеседовать, — предложила она. — Меня зовут Мария Ивановна. Я предупрежу консьержку, что вы придёте.

Договорившись о встрече и положив трубку, я сорвалась с места, как будто мне предстояло побить рекорд скорости в марафоне. По дороге я чуть не сбила Александра Ивановича, степенно поднимавшегося по лестнице.

— Куда ты так несёшься? — спросил он, поймав меня за руку.

— У меня встреча со старушкой в цковском доме.

— Здорово, я буду ждать тебя с нетерпением, — проговорил он, и я увидела знакомый огонёк интереса в его глазках. — На этих квартирках можно хорошо заработать.

Дверь открыла сама хозяйка, пожилая массивная женщина лет семидесяти, но ещё довольно крепкая. Её муж, стуча палкой, с трудом вышел мне навстречу в огромный холл.

— Филипп Васильевич, — сухо представился он.

Сначала они держались настороженно, но мне удалось несколькими фразами расположить их к себе.

— Как вам наш дом? — спросила Мария Ивановна, явно ожидая восхищения.

— Лучше, чем другие дома такого же класса, — на всякий случай сказала я, хотя была первый раз в таком доме. — Особенно мне понравились цветы в холле.

— Наша консьержка, ухаживает за ними, — прошелестела Мария Ивановна, и я

подумала о странном несоответствии её слабого голоса и комплекции. Когда я разговаривала с ней по телефону, представляла её сухонькой старушкой.

— Давайте мы покажем квартиру, а вы скажете, на что мы можем рассчитывать, — вмешался муж. — Квартира двухкомнатная.

— Двухкомнатная? — удивилась я. — Сто двадцать квадратных метров?

— Верно, — улыбнулся он. — Поэтому мы и хотим поменяться тоже на двухкомнатную только поменьше, метров семьдесят пять, наверно, нам хватит.

На протяжении осмотра я не переставала удивляться. В квартире была чудесная большая кухня с лоджией, две квадратные комнаты по двадцать пять метров, два санузла: один большой, а другой очень большой и две кладовки, одна из которых напоминала кабинет без окон.

— Боря Ельцин, — он жил во втором подъезде нашего дома, — превратил эту кладовку в кабинет, — сказал Филипп Васильевич.

— У нас здесь вообще солидное окружение, — добавила Мария Ивановна. — Во втором подъезде живёт Зюганов с семьёй, в третьем...

Мария Ивановна долго перечисляла фамилии, которые должны произвести на меня впечатление, но я плохо слушала её, поражённая необъятностью и несуразностью квартиры. Несмотря на её внушительные размеры, жилая площадь составляла всего пятьдесят метров, всё остальное принадлежало холлам и вспомогательным помещениям.

— Хватит, Маша, — остановил Филипп Васильевич поток фамилий, который продолжала извергать его жена. — Давай расскажем Наталье, — он остановился и спросил: — как ваше отчество?

— Владимировна, но можно просто Наташа.

— Нет, — он строго покачал головой. — Я так не привык. Наталья Владимировна, как вы обратили внимание, в нашей квартире очень много бесполезных помещений, поэтому если бы нашли нам квартирку поменьше, но обязательно двухкомнатную и тоже в доме ЦК, я не могу позволить себе жить в других условиях, мы согласились бы переехать. Но, — он поднял палец — доплата должна быть достаточно солидной.

— Хорошо, давайте подпишем договор и начнем работать, — подошла я к самому важному.

— Договор? — он нахмурился. — Когда я могу подъехать в ваше агентство со своим юристом? — Филипп Васильевич принял важный вид, и я невольно представила как он, сидя в удобном кресле в отдельном кабинете в строгом костюме и галстук отдавал распоряжения своим подчинённым.

— В любое удобное вам время, — мягко сказала я, подумав про себя, что сработаться с ним будет очень трудно.

Видимо, что-то промелькнуло у меня на лице, и Мария Ивановна, провожая меня, шепнула мне на ухо:

— Ты не обращай внимания на моего старика: бывший министр привык командовать.

После её слов многое стало понятно. Люди, занимавшие ранее определённое положение, никак не могли смириться, что, во-первых, они вышли на пенсию и остались не у дел, а во-вторых, после перестройки даже пенсии министра не хватало, чтобы нормально питаться и поддерживать привычный образ жизни.

Максим прижился в нашем агентстве и сделал первую сделку, и помогло ему в этом, как ни странно, знание истории Москвы. Как-то раз, когда мы с ним шли пешком к метро через Александровский сад, я спросила, как ему удалось уговорить клиентку, которая хотела купить квартиру в районе Ходынского поля, переехать в район Речного вокзала.

— Расскажу с удовольствием, — Максим улыбнулся. — Ты же знаешь, что с Верой, так звали клиентку, никто не хотел работать: денег на покупку двухкомнатной квартиры в районе Ходынки у неё не хватало.

— Знаю, я видела её заявку и то же не взялась.

— Вот видишь, а я сразу понял, что смогу её переубедить переехать в другой район. Я выбрал две квартиры для просмотра, на покупку которых денег у нее не хватало с целью встретиться с ней, чтобы переубедить.

— А почему ты был уверен, что переубедишь её? — удивилась я.

— Ты знаешь историю Ходынки? — спросил Максим.

Я отрицательно покачала головой.

— Вот видишь, а ты должна знать историю каждого района, это помогает в работе. На Ходынке во время празднования коронации Николая II погибло очень много людей, пришедших на праздничное гулянье. И всё это в районе 1-го Боткинского проезда.

— Это же одна из улиц, где эта Вера хотела купить квартиру! — воскликнула я.

— Верно, именно на этой улице мы и смотрели квартиры. А потом я напомнил ей об этой истории и спросил: «Вера, а готовы ли вы жить в доме, который стоит на месте, где погибло столько людей?» Вера оказалась очень впечатлительной женщиной и сказала, что никогда не рассматривала покупку квартиры с этой точки зрения.

— А дальше я знаю, что случилось: ты её уговорил поехать подальше от центра в другой район?

Максим засмеялся.

— Да, мы купили чудесную квартиру рядом с метро Речной вокзал, на которую у неё хватило денег.

— Ну, ты молодец, — похвалила его я. — Если бы ты не знал этой истории, скорее всего ты бы с ней не сработался, её запросы совершенно не соответствовали ценам в этом районе.

— И заметь, я ни разу не сказал, что у неё не хватает денег, — добавил явно польщённый Максим.

Вечером, когда я уютно расположилась на диване с чашкой горячего крепко заваренного чая и вазочкой шоколадных конфет, мне позвонила Лада и вместо приветствия затараторила:

— Слушай, подруга, выручай.

— А что случилось? — спросила я.

— Ты же рядом со Славиком живёшь? Сходи к нему и предупреди, что я не приду. Не могу ему дозвониться. У него, наверно, что-то с телефоном.

— Ну уж нет! Я никуда не пойду, устала после работы и хочу провести время с единственным мужчиной, которого люблю больше всех.

— У тебя кто-то появился? — в голосе Лады появился интерес. — Почему ты мне не

рассказывала?

— Ну, во-первых, ты мне тоже не рассказывала, что у вас со Славой серьёзные отношения, а во-вторых, мой любимый мужчина — телевизор.

— А, понятно, — в голосе Лады послышалось облегчение. — А о каких серьёзных отношениях ты говоришь?

— Мне об этом Славина мама рассказала.

— Нашла, кого слушать! — возмутилась Лада. — Да я не знаю, как от него отвязаться, только бы не обидеть его. Он — неплохой парень, но не для меня. Вот сейчас за мной заедет классный мужик на Мерседесе и повезёт ужинать. Директор банка. А я договорилась со Славой приехать к нему вечером в гости. Понимаешь?

— Где ты нашла этого мужика?

— Познакомилась на просмотре. Квартиру ищет пятикомнатную. Представляешь? У него денег куры не клюют. Я хочу быть хозяйкой в этих хоромах.

— Какая ты всё-таки... — я остановилась, боясь её обидеть.

— Да, я стерва, и горжусь этим, — спокойно сказала Лада. — Не могу же я век в этой недвижимости работать, мне уже тридцатник. Пора устраивать свою жизнь. Ещё лет пять и выйду в тираж. Ну, помоги мне, пожалуйста, — её голос стал ласковым. — У банкира друзья есть такие же богатые. Я и тебя пристрою.

— Вряд ли меня это заинтересует, — сказала я спокойно. — А если я не пойду к Славику, что ты будешь делать? — спросила я осторожно.

— Ну не отказываться же от ресторана?! Такие мужики на дороге не валяются.

— А Слава? Он ждёт тебя!

— Ничего, подождёт и перестанет, — сказала она холодно. — Ты не представляешь, как он меня достал со своей любовью.

Я представила Славку, одиноко сидящего в квартире и ждущего Ладу, которая в это время развлекается в ресторане, и поняла, что всё равно не смогу смотреть телевизор.

— Ладно, — согласилась я. — Скажу, что тебе пришлось срочно ехать маме за лекарством.

— Спасибо, — пропела Лада. — Я о тебе не забуду. Сегодня же поинтересуюсь, есть ли у него достойные друзья.

Я повесила трубку и, чертыхаясь, стала натягивать джинсы. В комнату вбежала Настя.

— Ты уходишь? — заныла она. — А обещала, что весь вечер со мной проведёшь. Ты совсем меня не любишь.

Я обняла её за плечи, в её голубых глазах уже стояли слёзы, готовые пролиться в любой момент. Действительно, последнее время, у меня было столько дел, что я поздно приходила домой.

— Хорошо, — я приняла решение. — Одевайся. Мы прогуляемся перед сном и навестим моего друга. К нему обещала приехать девушка и не смогла.

— Он расстроится?

— Думаю, да.

— И ты его успокоишь? — спросила дочка, вытирая глазки.

— Я бы с удовольствием, но... — начала я и остановилась.

Если бы только ему были нужны мои утешения?! К сожалению, он по-прежнему относится ко мне по-дружески и в голове у него одна Лада.

— Тогда я его утешу, — сказала Настя. — Я знаю, как обидно, когда ждёшь, а к тебе не

приходят. Вот я тебя жду, жду, а ты всё время на работе, — обиженно сказала она.

Я присела перед ней на корточки и погладила по кудрявым каштановым волосам.

— Я работаю, солнышко, чтобы купить тебе игрушки, тетрадки и ещё многое другое.

— Ладно, я буду одеваться. Я тоже хочу надеть такие же джинсики, как у тебя.

Настя с ранних лет проявляла повышенный интерес к одежде и неустанно вертелась перед зеркалом. Если нам надо было куда-нибудь пойти, я буквально сходила с ума, пока она собиралась, перебирая все наряды. Я просто недоумевала, глядя на неё. Это было явно не моей чертой, я всегда была равнодушна к вещам. Но Настя?! Из детского мира я выходила нагруженная пакетами с одеждой, игрушки редко интересовали дочку, исключение составляли куклы, которых можно наряжать.

Но в этот раз обошлось, Настя быстро надела джинсы и курточку, и мы пошли к Славиному дому.

Слава распахнул дверь и замер, увидев вместо Лады меня с дочкой. Он был в серых брюках и синей рубашке, которая ему очень шла. Принарядился для свидания, подумала я.

— Привет! — наконец, сказал он и посторонился, чтобы пропустить нас в прихожую.

— Лада попросила меня предупредить, что сегодня не сможет прийти, — выпалила я с порога. — Она поехала к маме отдать лекарство.

— А почему не позвонила? — спросил он, но сам сообразил. — Ах, да, телефон отключили. Ну, проходите, чаю попьем, раз получилось, что вы ко мне попали в гости.

Он присел перед Настей.

— Как тебя зовут?

— Настя, — сразу отозвался мой общительный ребёнок. — Я пришла тебя утешить. — Она вздохнула, и её большие голубые глаза стали серьёзными. — Я знаю, как плохо, когда обещают и не приходят.

Мы оба расхохотались, и моё смущение сразу прошло.

— Откуда знаешь? — спросил он.

— Мама часто так поступает. Говорит, что придёт пораньше, а приходит, когда я уже сплю.

— Ох уж эта мама?! — Слава погрозил мне пальцем и помог снять куртку.

— А кто же тебя спать укладывает, если мамы нет? — продолжал допытываться Слава.

— Тётя Ира, мамина подруга. У неё тоже есть дочка, мы вместе играем. Мама говорит, что это наша семья.

— Понятно, — сказал Слава, но когда Настя отвлеклась, тихо спросил меня: — Слушай, а почему тебе не нравятся мужчины?

Я рассмеялась: вся эта история стала меня забавлять. Да, я еле сдерживаюсь, чтобы не признаться ему в любви и только понимание того, что это бесполезно, удерживает меня от этого шага, а он ничего не замечает.

— Почему же очень нравятся! — я посмотрела ему в глаза. — Ты, например!

— Ну, я, это понятно. Мы же друзья. Ты мне тоже очень нравишься.

Я вздохнула: этот мужчина явно ничего не хотел замечать вокруг себя: ни моей любви, ни равнодушия Лады. Но я по-прежнему верю, что когда-нибудь настанет миг, и он всё поймёт и полюбит меня. Я должна в это верить, потому что странным образом, когда я его узнала, другие мужчины для меня перестали существовать. И не важно, сколько пройдёт дней или лет, уже одно то, что мы часто встречаемся на работе, скрашивало мою, в общем-то, однообразную личную жизнь.

Мы сидели на маленькой кухне, оклеенной советскими моющимися обоями, на маленьком старом диванчике и пили чай с конфетами «Мишка в лесу». Всё это возвращало меня в прошлое, когда я была уверена в завтрашнем дне и увлечена своей работой. Слава с особой нежностью обращался с Настей, и она доверчиво перебралась ему на колени. Наверно, мы утомили её своими взрослыми разговорами, и Настя, положив головку ему на плечо, так и заснула у него на руках. Слава бережно отнёс её на диван в комнату и посмотрел на меня:

— Наташа, может, останетесь? Зачем будить ребёнка?

— Нет, нам надо домой, — я улыбнулась. — Я уже один раз осталась у тебя, чтобы помочь после вечеринки и не знала, как смотреть в глаза твоей маме, которая застала меня на кухне, где я по-хозяйски перемывала тарелки.

Он рассмеялся:

— Ты ей понравилась, она часто спрашивает о тебе. Интересно, о чём это вы с ней тогда говорили?

— Это наш маленький женский секрет. А мне твоя мама тоже понравилась, она такая добрая и светлая.

— Да, она у меня молодец. Ведь одна меня вырастила: отец погиб, когда мне было четыре года. Больше замуж не вышла. У нас с ней всегда были хорошие отношения. Только последнее время... — он остановился.

— И что в последнее время? — спросила я, уже зная ответ.

— Мы ссоримся из-за Лады, — сказал он грустно. — Мама её почему-то невзлюбила, даже не выходит из своей комнаты, когда Лада здесь. Как ты думаешь почему?

— Наверно, ревнует, — предположила я. Не могла же я назвать ему истинной причины.

— Да ладно, она, наоборот, хочет, чтобы я снова женился. Только, наверно, я не женюсь.

— Это ещё почему?

— Лада ясно дала мне понять, что не выйдет за меня замуж. А я не могу без неё, — серьёзно добавил он.

Я с трудом удержалась, чтобы не погладить его по кудрявым волосам. Когда Лада его бросит, для него это будет настоящей трагедией.

— Да перестань. Всё проходит. Неужели Лада единственная на свете?

— Для меня — да, — сказал он твёрдо, и мне стало совсем грустно.

Я засобиравшись домой, но Слава не дал мне разбудить Настю и всю дорогу до нашего дома нёс её на руках. Дочка даже не проснулась, когда я раздевала её, чтобы положить в кроватку.

ГЛАВА 16

Ночью меня разбудил телефонный звонок. Я включила свет: без пяти минут два.

— Наташа, я не знаю, что мне делать? Ваш Сергей только что приходил ко мне и стучал в дверь, — услышала я отчаянный женский голос.

Спросонья я никак не могла ничего понять.

— Кто это? Какой Сергей?

— Ну ваш клиент, вы с ним приходили вчера.

Я стряхнула остатки сна и начала соображать. Накануне мы внесли аванс за квартиру, которая понравилась нашему алкоголику Сергею. Хозяйкой квартиры и была эта молодая женщина, Надя, которая звонила мне.

— Надя, успокойтесь и расскажите, что произошло.

— Сегодня вечером он пришёл ко мне и попросил ещё раз посмотреть квартиру. Я открыла ему дверь, он сидел у меня часа два, уверяя, что вы сказали, что эта квартира уже принадлежит ему.

— Всё было не так. Я сказала, что мы внесли только аванс, и он может быть уверен, в том, что квартира останется за ним. Но он, видно, понял это по-своему.

— Потом он ушёл и дал мне время на сборы, сказав, что вернётся позже. И вернулся. Он пьян в стельку и с ним двое его дружков, таких же, как он. Что мне делать? — её голос дрожал от страха. — У меня маленький ребёнок, дверь трещит от их ударов.

Я чуть не застонала, так и знала, что не стоило связываться с этой квартиркой.

— Не бойтесь его, он просто глупый пьяный мальчишка, и вам ничего не угрожает. Если он ещё раз придёт — припугните его милицией.

— Наташа, я не знаю, как дальше иметь дело с вами. Вы представляете, он так может приходить каждый день: да я с ума сойду.

— Надюша, — я старалась её успокоить. — Завтра с ним будет проведена соответствующая работа, и я обещаю, что больше этого не повторится, — твёрдо сказала я, хотя в душе чувствовала, что вряд ли Сергей будет меня слушать после такой весёленькой ночки, но как только протрезвеет, я напущу на него сестру.

Мы пожелали друг другу спокойной ночи, и я, выключив свет, долго пыталась уснуть, взбудораженная разговором.

Рано утром я опять проснулась от телефонного звонка. На этот раз звонил Филипп Васильевич из квартиры в доме ЦК.

— Наталья Владимировна, мы нашли квартиру, в которую хотели бы переехать, — сообщил он строгим голосом.

Я села в постели и посмотрела на будильник: семь тридцать утра. Да что же ему, не спится что ли?!

— Это несколько преждевременно, у нас ещё нет покупателя на вашу квартиру, — сонно ответила я.

— Но мы хотели бы сначала видеть квартиру, в которую мы будем переезжать, а потом уже продавать свою — сказал он с нажимом. — Просмотр назначен на десять часов. Ваше дело достать машину, так как я очень плохо передвигаюсь. Мы вас ждем, — в трубке раздался щелчок и короткие гудки.

Я бросила трубку на рычаг и задумалась. Конечно, можно было послать его к чёрту, но тогда не будет продажи этой квартиры, а комиссионные агентства около десяти тысяч долларов, соответственно, моя зарплата составляла никак не меньше трёх тысяч долларов, а для меня это была астрономическая сумма. Да я никогда даже не держала таких денег в руках. Нет, я не могу потерять эту квартиру. Значит, надо где-то искать машину. Я позвонила Максиму и собиралась уже рассыпаться в извинениях за свой ранний звонок, но в трубке послышалось его бодрый голос. К своему удивлению, я узнала, что Максим каждый день встаёт в семь, так как возит дочку в спортивную школу, которая далеко от дома. Выслушав меня, он спокойно сказал:

— Ничего не поделаешь, деда надо везти. Я отвезу Дашу в школу и заеду за дедом, а ты спокойно собирайся и подъезжай к его дому.

Отчаянно зевая, я вошла под холодный душ, размышляя, что моя жизнь превращается в ад и совершенно не удивительно, что многие из агентов по недвижимости не состоят в браке. Вторая половина вряд ли сможет вынести эти совершенно неконтролируемые звонки клиентов в любое время дня и ночи.

Квартира, которую выбрал Филипп Васильевич, находилась тоже в доме ЦК на Олимпийском проспекте. Построенный буквой «П» из светлого кирпича, дом, хотя и не был огорожен, имел уютный маленький дворик внутри. Широкий, светлый подъезд с цветами и консьержкой удивил Максима. Он выбрал момент и шепнул мне, что тоже хотел бы здесь жить. Дверь нам открыла девушка с крашеными светлыми волосами, назвавшаяся Людмилой. Молодой человек, позже оказалось, что это её муж, выехал на инвалидном кресле в прихожую. Я изо всех сил сдерживалась, чтобы не смотреть на него с жалостью. Он был ещё так молод, лет двадцать пять, не больше.

Эта планировка не была такой бесполезной, как в квартире, принадлежавшей моим клиентам. Метров здесь было всего семьдесят пять, что по моим понятиям всё равно было слишком много для двухкомнатной квартиры. Две комнаты разделены кухней, что давало возможность спокойно спать в спальне, если в гостиной веселились гости и небольшая кладовка, в которую можно было складывать ненужные вещи. Кухня обладала просторной лоджией.

— Конечно, маловато метров, — сказал капризно Филипп Васильевич, когда мы закончили осмотр.

Я даже не нашла, что сказать, а Людмила переспросила:

— Вы считаете, что семьдесят пять метров мало для двухкомнатной квартиры?

— Но, видите ли, у нас двухкомнатная — сто двадцать метров, — сказал он с достоинством и посмотрел на жену: — Как ты думаешь, мы сможем здесь разместиться?

За этот год работы я перевидало многое, в основном люди живут очень плохо, в одной комнате по несколько человек, да и не все ещё выехали из коммуналок и честно говоря, мне было странно слышать этот разговор: смогут ли два старика разместиться в двух комнатах.

После того, как Людмила спросила большая ли у них семья и, узнав, что их только двое, она только развела руками, не найдя, что сказать.

— Меня смущает ещё один момент, Филипп Васильевич, — вдруг сказала Мария Ивановна. Нахмутив брови, он вопросительно посмотрел на жену, и она продолжила:

— Здесь всего один туалет!

— Один? — переспросил он.

— А зачем вам два? — уже не выдержал муж Людмилы.

— Дело в том, молодой человек, что мы привыкли, что в квартире есть две ванны. Это очень удобно — не приходится ждать друг друга.

Максим сделал большие глаза, а мне стало смешно до чего же могут дойти люди! Два старика, которым абсолютно некуда спешить, не могут помыться по очереди.

— Вы знаете, — вдруг сказал муж Людмилы. — Мне приходилось бывать во многих квартирах в домах ЦК, и мне кажется, что в двухкомнатных квартирах почти не бывает двух санузлов, поэтому у вас есть два выхода — или остаться в вашей квартире или, — он развёл руками, — смириться с тем, что у вас будет всего лишь одна ванная.

Я с удовольствием посмотрела на него, молодой человек говорил достаточно вежливо, и в то же время, в его глазах сверкали весёлые искорки: он явно издевался над ними.

— Да, — совершенно не заметив подвоха, грустно сказал Филипп Васильевич. — У нас настала такая жизнь, что во многом придётся себя ущемлять.

Мы с Максимом переглянулись, и я решила, что пора уходить. Я еле сдерживалась от смеха и какого-то презрения, смешанного с жалостью.

— Филипп Васильевич, Мария Ивановна, давайте поедem, — я встала. — У вас есть ещё время всё обдумать, нас никто не торопит.

Они послушно поднялись и вышли из квартиры. Когда мы отвезли их домой, Максим посмотрел на меня и похлопал по руке:

— Сочувствую, Наташа. Не знаю, как у тебя получится убедить их писать в один унитаз. Совершенно невозможные старики.

Я с тоской посмотрела на него:

— Слушай, Макс, а я, наверно, рада, что не принадлежу к так называемым сильным мира сего. Я бы с ума сошла, если бы у меня были такие бабушка с дедушкой.

— А где они у тебя? В Москве?

— Нет, они живут на Волге, недалеко от Саратова. У них свой дом, огород, с которого они кормятся, потому что пенсия небольшая. Но они живут! Каждый вечер летом ходят на реку, купаются, ловят рыбу. У них там компания таких же милых и добрых старичков. Они собираются вместе, поют песни под баян и всегда шутят. С ними весело! А туалет, кстати, у них на улице, а зимой нужно топить печку, потому что никакого отопления и в помине нет. И они никогда не видели другого и, тем не менее, счастливы, даже не хотят в Москву приезжать к нам в гости. Говорят, здесь нечего делать.

— Да, разные истории, разные судьбы. Но в нашей работе клиентов выбирать не приходится. А чтобы улучшить твоё настроение, я приглашаю тебя в кофейню, выпить кофе с твоими любимыми пирожными.

— Спасибо, Максим, — я посмотрела на него с благодарностью, — если проведу эту сделку, такой праздник устрою! Гулять будем всю ночь.

ГЛАВА 17

На работе меня встретила возбуждённая Лада. Её глаза светились, и она сразу же утащила меня в курилку, чтобы рассказать новости. Но я итак знала, что раз она выглядела счастливой, свидание прошло хорошо. Я вздохнула: скорее всего, она не будет больше встречаться со Славиком. Со своими жалкими агентскими комиссионными он явно не потянет такие удовольствия, которые может предоставить ей новый знакомый.

— Как хорошо, что здесь никого нет, можно спокойно поговорить, — Лада достала сигарету и с наслаждением затянулась. — Ты не представляешь, как я вчера провела время?!

— Я догадываюсь.

Лада посмотрела на меня с сомнением.

— Нет, ты даже и представить не можешь! Поэтому слушай и завидуй. Сначала он заехал на шикарной Ауди и повёз меня в ресторан на Тверском бульваре. Как же всё это не похоже на те жалкие кафешки, в которые мы ходили последнее время! Мы пили французское вино, ужинали и танцевали.

— А потом поехали к нему, — продолжила я.

— Нет, — Лада сморщила свой хорошенький носик. — Я не собираюсь так рано сдаваться. — Сначала он должен ухаживать по полной программе: каждый день развлечения, рестораны, может быть, казино, потом подарить что-нибудь шикарное: украшение или шубку, и пригласить на романтический уикенд в Европу. И только, когда тянуть дальше будет невозможно, я неожиданно сдамся в каком-нибудь пятизвёздочном отеле, например, в Праге.

— Нашла дурака, — расхохоталась я. — Зачем ему так долго за тобой ухаживать?

— Ты не понимаешь! — недовольно сказала Лада. — Настоящие мужчины всегда так делают, потому что быстро уложить в постель можно дешёвую шлюшку, а я женщина дорогая. К тому же эта игра доставляет мужчинам удовольствие. Я дала ему понять, что он мне нравится, но я хочу узнать его поближе.

— Слушай, а он случайно не женат?

— Мы это не обсуждали, — Лада отвернулась.

— А я бы спросила. Терпеть не могу женатых мужиков, развлекающихся на стороне.

Лада спокойно посмотрела на меня:

— Ну почему же?! Если у него хватит денег и времени на меня и на жену, я не возражаю. Это его личное дело.

Я пожала плечами: не мне воспитывать Ладку. Надеюсь, она знает, что делает. Мы пошли обратно в офис, и вдруг я вспомнила про Славу. Лада даже не поинтересовалась: сходила ли я к нему, и как он пережил её отказ.

— Я была у Славы, — сказала я. — Между прочим, он ждал тебя ужинать. Я вспомнила маленький журнальный столик в комнатке с обоями в цветочек, куда нас не пригласили даже зайти.

— Конечно, купил бутылку какого-нибудь дешёвого вина, да?

Я остановилась. Мне захотелось накричать на неё, может быть, поссориться с ней, чтобы как-то испортить ей настроение. Ну, нельзя же быть такой жестокой!

Лада тоже остановилась и взяла меня под руку:

— Прости, что вчера выдернула тебя из дома, — её огромные карие глаза смотрели прямо на меня, — но без тебя я бы не справилась. К тому же, — она улыбнулась — я узнала, что у нового знакомого есть друг, и мы в пятницу пойдём вчетвером ужинать. Так что я позаботилась и о тебе, подружка.

Я отвела взгляд, внезапно осознав, что бесполезно ей объяснять, как будет переживать Славка, который действительно её любит. Лада так тянется к бутикам, ресторанам и красивым машинам, что не остановится ни перед чем, чтобы обладать всем этим.

— Единственное, о чём я тебя прошу: пожалей Славу. Он будет очень переживать из-за вашего разрыва.

— Мне тоже жаль его, — на её лицо набежала лёгкая тень, но оно и так же быстро прояснилось. — Но риэлтор Славик не для меня, и я много раз говорила ему об этом.

— Однако это не мешало ему надеяться, что ты передумаешь.

— Знаешь, Наташ, — Лада задумчиво посмотрела на меня: — ты как-то слишком переживаешь из-за него, а должна бы радоваться.

— Чему же?

— Он теперь будет свободен, и если он тебе нравится...

— Знаешь что, — я выдернула руку и пошла вперёд, сделав вид, что обиделась.

А на самом деле от разговора с Ладой у меня разрывалось сердце, я чувствовала себя так, словно бросили меня, и мои чувства были втоптаны в грязь колёсами заграничной Ауди.

Я никогда не верила в гороскопы и старалась держаться подальше от гадалок и предсказателей, но в этот раз сама судьба устроила нашу встречу. Гадалка, колдунья, прорицательница с достаточно редким именем Наина, вошла в мою жизнь, потому что собиралась разменять четырёхкомнатную квартиру. Её взрослый сын женился, и она хотела, чтобы молодые жили отдельно. Наина позвонила в агентство «Ваш дом» по рекламе, а я случайно сняла трубку телефона. К моему удивлению уговаривать её работать с нашим агентством не пришлось, она сама предложила мне приехать.

Наина жила в Брюсовом переулке. Дверь мне открыл симпатичный парень лет двадцати пяти, одетый в чёрные джинсы и белую футболку.

— Вы, Наташа? — спросил он, внимательно вглядываясь в моё лицо.

— Да.

— Моя мама сказала, что придёт Наташа, которая займётся нашим разменом. Она достаточно точно вас описала.

— Но мы же не встречались раньше.

— Моя мама всё знает, — он хитро улыбнулся. — Кстати, меня зовут Алексей. Пойдёмте, выпьем чаю. Мама освободится через десять минут. Он провёл меня на чистую светлую кухню, где уже был накрыт стол для чая.

— Не удивляйтесь, мама добрая волшебница. Она никогда не делает людям плохо, только помогает. Вы даже представить не можете, как долго она вас искала. Она обзвонила десяток агентств, прежде чем нашла вас. Она сказала, что нашим обменом будет заниматься только очень светлый человек, потому что всё, что связано с домом очень важно.

— Весьма польщена, — улыбнулась я, — но мы сказали друг другу всего несколько слов, и она сразу предложила мне приехать.

Алексей откинул со лба волнистую прядь волос и засмеялся:

— Вы думаете, ей нужны слова?! Она сразу видит человека.

— Но она меня не видела! — продолжала возражать я.

— Она слышала ваш голос, в данном случае этого достаточно. Да вы сами всё скоро увидите. Совершенно неожиданно к ней приехала её школьная знакомая. У неё проблема — муж подал на развод, а она любит его безумно.

— И что, ваша мама сделает приворот и вернёт его обратно? — вспомнила я рекламу из газет.

— Приворот — навязывание человеку чужой воли. Это нехорошо. Но мама обязательно найдет решение. Возможно, муж вернётся сам, после того как она что-то поймёт, а возможно ей суждено встретить другого человека, который ей больше подходит.

— А из-за чего они разводятся? — заинтересовалась я.

— У них проблема, прожили в браке три года, хотят детей, а не получается. Знаете, о чём говорит?

— Лечиться надо, — предположила я.

— Да нет, оба здоровы. Закон Кармы. Космос даёт подсказку, которую не каждый готов услышать: твой ли это человек по судьбе. Если оба из родителей здоровы, то почему нет детей? А вот расстанутся: и у каждого будут дети. В этом случае очень важно расстаться вовремя. Если ребёнок всё-таки родится, он будет нести карму своих непутёвых родителей.

— Интересный подход, — сказала я скептически. — А если есть ребёнок, а родители всё равно разводятся, то это о чём говорит? — вспомнила я свою историю.

— Это вам мама может рассказать, если захотите. Она говорила, что у вас какие-то проблемы и обязательно вам поможет. Вы же неслучайно встретились.

Я уже собиралась сказать, что не верю в гадания, как в прихожей послышались приглушённые голоса, хлопнула входная дверь, и Наина появилась на кухне. Светлые длинные волосы с прямой чёлкой, очень пронизательные серо-зелёные глаза, на груди разные амулеты и медальоны, руки в перстнях с камнями, кисти в браслетах. Я не смогла определить: сколько ей лет, только в глазах светилась какая-то особенная мудрость, словно Наина и на самом деле видела то, что другим не дано.

Я встала из-за стола и сделала к ней шаг навстречу. Мы внимательно смотрели друг на друга, а потом она сказала:

— Родная.

— Что? — удивилась я.

— Твоё имя Наталья означает родная. Мама правильно тебя назвала.

— Ваш сын мне уже всё рассказал: вы гадаете и помогаете людям.

— Всё правильно, но я не буду тебе пока гадать, — у неё была грустная улыбка человека, который слишком много знает.

— Почему? — удивилась я.

— Ты придёшь ко мне сама, когда будешь готова, а сейчас давай покажу тебе квартиру.

У них была хорошая квартира, с высокими потолками, уютным балконом, а из окна видна церковь.

— Не жаль переезжать отсюда? — спросила я.

— Нет, Наташенька, время пришло. Сын женится, ему надо жить отдельно. В доме должна быть одна хозяйка.

— Мама нас выгоняет, представляете, Наташа, — вмешался сын, услышав последние слова. Он остановился на пороге, ласково глядя на мать.

— Сынок, милый, ну какая со мной жизнь? У меня каждый день люди приходят со своими бедами, а молодой семье это вовсе не нужно. Вам нужен уют и покой, и я очень хочу

внуков. Теперь тебе можно их иметь.

— А раньше было нельзя? — спросила я.

— У Алексея по отцовской линии очень тяжёлая карма: родовое проклятье, ребёнок или бы умер или был бы несчастлив всю жизнь.

— И от этого есть средство?

— Да, очень действенное, — Алексей посмотрел на меня: — она отправила меня на год в монастырь.

— И помогло?

— Это всегда помогает, у него даже взгляд стал другим, — ответила Наина с любовью глядя на сына, и я тоже посмотрела на Алексея. Глаза у него на самом деле были чистые и ясные.

— Жизнь меняется полностью, если год посвятить служению Богу. Вы не представляете, как много я понял. В Библии и молитвах заключена большая мудрость.

— А ваша жена? Она тоже была в монастыре?

— Нет, — ответила за него Наина. — Но он бы никогда не смог себе позволить встречу с ней, если бы не изменился. Она была слишком хорошей для него. Но сейчас, — она потрепала сына по волосам, — всё по-другому.

Я посмотрела в окно и задумалась. Таких людей я ещё не встречала. Они жили совершенно по другим правилам, далеким от моих. Я запуталась в отношениях с отцом своей дочери и потеряла себя где-то вскоре после перестройки среди рынков, коммерческих палаток и кооперативов в вечной погоне за длинным рублём.

— Ты найдёшь ответы на свои вопросы, — Наина легко положила мне руку на плечо. — Но тебе надо спешить.

— Куда спешить?

— Ты должна всё сделать до тридцати шести лет, наша жизнь делится на витки по двенадцать лет. 12, 24, 36, 48 и так далее. Если ты этого не сделаешь, то после 36 упадёшь в пропасть и начнёшь медленно подниматься только в 42.

— Если бы я знала, что делать?!

— Ты знаешь. У тебя, как и у каждого человека на земле есть своё предназначение.

— Но я не знаю его. Чувствую, что потерялась, и если бы не дочка, я бы даже не знала, для чего я живу. — Но, — я посмотрела на часы, — мне, к сожалению, нужно бежать, девочек забирать из школы. Как мы с вами договоримся?

— Мы сделаем, как ты скажешь. Ты выставишь нашу квартиру за ту цену, которую считаешь нужным, а потом, когда найдёшь покупателя, будем подыскивать квартиры для нас. Проблем с нами не будет, Наташенька. Мне мало что надо, только было бы место, где людей принимать. А район, да любой район, люди на край света приедут, чтобы судьбу свою исправить.

В этот момент, я вспомнила своих старичков из квартиры в ЦК, которым было мало одного туалета на двоих. Какие же всё-таки разные люди! В прихожей Наина внимательно посмотрела на меня:

— Мы ещё поговорим о твоей судьбе. А если хочешь погадать на кого-нибудь, то мне нужна его фотография.

Я сразу подумала о Славе, вот бы узнать — будем ли мы когда-нибудь вместе?! Наверно, это было единственное, из-за чего я бы рискнула заглянуть в будущее.

— А можно я в следующий раз принесу фотографию?

— Конечно, и ещё мне нужно знать год, день и желательно час рождения.

Я легко сбежала по лестнице, не пользуясь лифтом. Бывают такие мгновения, когда я очень люблю свою работу, хотя на самом деле она мне не нравится. Я ненавижу домоуправления, опекунские советы и всю остальную бюрократию, которая возникает при оформлении сделки, но я люблю общаться с людьми. Каждый новый человек приоткрывает передо мной маленький уголок своей души: его дом и обязательно рассказывает историю своей жизни, и только это мне по-настоящему интересно.

Перед офисом стояло несколько курящих агентов, в том числе и Света. Это уже был нонсенс: Света курила в самых крайних случаях. Все что-то увлечённо обсуждали, не обращая на меня внимания. Я остановилась рядом со Славой, достала из кармана "Салем" и тихо спросила у него:

— Что случилось-то?

— Я сама тебе расскажу, — повернулась ко мне Светлана, и я заметила, что глаза у неё красные.

— У меня сорвалась сделка, но это сейчас не важно. Сегодня в агентство пришла мама моей клиентки Риммы, чтобы забрать документы. Представляешь, Римма умерла!

— Как умерла? — поразила я, сразу вспомнив женщину, о которой она упомянула. — Когда она приехала в агентство, Светы не было, и я вместо неё заполняла договор.

Молодая женщина лет двадцати пяти пришла к нам с просьбой разменять свою однокомнатную квартиру на две комнаты. Достала вражда с собственной матерью, которая к тому же полгода назад привела в квартиру нового мужа. Римма с трёхлетней девочкой была вынуждена переехать на кухню. Постоянные скандалы с матерью и её новоиспечённым отчимом продолжались каждый день.

— Отчим слишком сильно стукнул её во время пьянки, она ударилась головой и умерла на месте.

— Какой ужас! — воскликнула я. — А ведь им осталось подождать до сделки совсем немного, и жили бы отдельно.

— А вот и нет — вступил в разговор Слава. — Опекунский совет, который должен был защищать права детей, отказал им в размене.

Это было ещё одним странным законом, который был принят после перестройки. Во время приватизации квартиры родители были вынуждены включать несовершеннолетних детей в число собственников и при продаже или обмене не могли обойтись без опекунского совета. К тому же ребёнку при переезде полагалось иметь столько же метров, сколько ему причиталось на прежнем месте. Соответственно, родители не могли теперь переехать, например, в меньшую квартиру, если даже она находилась в лучшем районе, потому что в этом случае у ребёнка было бы меньше метров, чем ему положено по закону. В связи с этим возникали разные курьёзные случаи: родители, имея на троих с ребёнком трёхкомнатную квартиру в Выхино, не могли переехать в двухкомнатную в центре, даже если она была дороже. Зато могли переехать в Подмоскovie в четырёхкомнатную, которая стоила дешевле, но зато имела больше метров.

— Но это же не правильно. Ребёнка невозможно вырастить в такой обстановке. Римма даже дни считала до сделки, — возмутилась я.

— Мы нашли им хорошенькую комнату, все были счастливы, а опекунский совет отказал. Мотивируя это тем, что ухудшаются права ребёнка, в этой комнате на два квадратных метра меньше, чем было в той квартире, где он жил с матерью на кухне, — продолжала Света. — Я им даже взятку предлагала, всё бесполезно. А Римма как услышала, что они остаются снова вместе с матерью, начала биться в истерику. Я её насилу увела из опекунского. А потом произошло следующее: она с горя напилась, пришла домой, где был только пьяный отчим мать: уехала куда-то в деревню. Римме не понравились какие-то слова

отчима, и она накинута на него с вилкой, а он стукнул ее по голове табуреткой. Когда мать вернулась: нашла свою дочь в морге, а муженька в камере по обвинению в убийстве её единственной дочери.

— А где ребенок? — спросила я, вспомнив очаровательную крошку с большими бантами.

— Девочку забрали Риммины подруги, но сейчас она уже дома с бабушкой.

— Это не укладывается в голове, — сказала я. — Ведь если бы не наши законы, которые можно повернуть в любую сторону, они бы спокойно разъехались с матерью по разным комнатам и жили, что называется долго и счастливо, правда в коммунальных квартирах, но зато отдельно друг от друга.

— Вот так у нас защищают права детей! — сказал Слава, и мы грустно поплелись в комнату агентов делать нужные звонки.

Когда я вошла, заметила Тамару, опустошенно глядящую перед собой.

— Ты слышала Светкину историю? — спросила я.

— Да, но наша с тобой песня, хотя и не с таким печальным концом не лучше, — она посмотрела мне в глаза.

— Что случилось? Фили?

— Сергей теперь не хочет переезжать.

— Так он же только недавно ломился в свою будущую квартиру? — удивилась я, вспомнив звонок среди ночи.

— Передумал! Говорит, что мы его обманываем.

— Так мы же внесли аванс две тысячи долларов, чтобы оставить эту квартиру за ним.

— А ему то что? Он этих денег не платил, это наша с тобой ответственность. Он так и сказал, вы за меня деньги дали, вы их и вернёте, а я больше не хочу переезжать.

— Боже мой! — я устало опустилась на стул. — Нам же никто не вернёт этих денег, если не выйдем на сделку.

— Прости меня, это я во всём виновата. Ты правильно говорила: не надо связываться с ними. Я отработаю эти деньги и уйду из агентства. Не могу больше этим заниматься! Когда учила детей, я была на своём месте, а на этой работе у меня всё валится из рук, и я чувствую себя несчастной, — она спрятала лицо в ладонях.

Какое-то время, я молча сидела рядом с ней, пытаюсь найти выход из положения, а потом решительно подвинула к себе телефон. Ну не могу я позволить, чтобы из-за какого-то непутёвого парня у меня развалилась сделка. Я костыми лягу, но заставлю его изменить своё решение, тем более что это верное решение проблемы и для него и для остальных членов его семьи. Кто знает, если они будут жить отдельно и перестанут перешивать свои проблемы друг на друга, их жизнь может измениться к лучшему?

К моему удивлению Сергей меня понял сразу и даже извинился. Видимо, ему передался мой настрой.

— Как тебе это удалось? — Тамара восхищённо смотрела на меня. — Ты, наверно, создана для этой работы. Люди тебя слушают.

— Нет, Тамарочка, я всегда хотела другого. Для меня это всего лишь очередной переходный этап. Надеюсь, что скоро я пойму для чего же я всё-таки пришла в этот мир.

— Ого! — Слава, который сидел впереди, видимо услышал мои последние слова и повернулся ко мне. — Какая ты оказывается серьёзная, Наташка, а я раньше и не замечал.

— А мужчины вообще имеют обыкновение не замечать, что творится у них под

носом, — сказала я.

— Ты о чём?

— Да так, — я пожала плечами. — Долго объяснять. Когда-нибудь сам поймёшь.

У входа в метро меня остановила Лада. В новом чёрном коротком пальто и замшевых тёмно-малиновых полусапожках, она стояла передо мной, светясь от счастья.

— Ну, как я выгляжу?

Она без сомнения ожидала, что я начну восхищаться её новой дорогой одеждой. Она действительно хорошо выглядела, и я без тени зависти была рада за неё, хотя способ, каким она получила эти обновки, был мне не приятен.

— Просто великолепно, — выдавила я комплимент.

— Куда ты спешишь? — спросила Лада.

— В кондитерский магазин за конфетами, чтобы поднять настроение.

— Какая ты сладкоежка! Постоянно ешь шоколадки и не поправляешься, — Лада покачала головой, она строго следила за фигурой и не позволяла себе лишнего, опасаясь лишних килограммов. — Пойдём, выпьем кофе, мне надо столько тебе рассказать.

— А ты не пойдёшь на работу? — спросила я. — Ты не была там уже несколько дней.

— Не могу себя заставить. Такая тоска — продавать квартиры. Меня тошнит от клиентов, которые вечно что-то хотят и от всего нашего коллектива, где все разговоры о недвижимости, как будто поговорить больше не о чем.

— Тогда зачем ты меня тянешь в кафе, если я тоже буду надоедать тебе разговорами о квартирах?

— Не обижайся, Наташ. Ты другая, я чувствую, ты не такая как они, — Лада ухватила меня за локоть. — Идём скорее, пока Славка не вышел с работы: я совершенно не хочу с ним встречаться.

Мы заняли столик у окна в кафе и взяли по чашечке крепкого восточного кофе, а я ещё заказала себе два пирожных, чтобы разговор был не такой горький.

— Наташка, какой мужик! Ты не представляешь! Какой темперамент! — начала Лада, как только официантка отошла от нашего столика.

— А какой кошелёк! — я покосилась на её новые сапожки.

— Да, с этим всё в порядке, — не обиделась Лада. — Знаешь, куда он возил меня на выходные?

— Куда? — спросила я с набитым ртом.

— Мы были в Праге. Сказочный город. Жаль только, что мы пробыли там всего три дня. Но каких! Он выполнял все мои желания. Я давно не была так счастлива!

— Рада за тебя! Вижу, что всё шло по задуманному сценарию — Прага, ресторан, шикарный отель, и ты сдалась, верно?

— Ты меня осуждаешь или завидуешь? — спросила Лада.

— Нет, Ладка, не завидую и не осуждаю. Это только твоё дело и если ты счастлива, я за тебя рада.

— По тебе этого не заметно, — Лада обиженно надула губки. — Я, наконец, встретила мужчину моей мечты, а моя подруга за меня не рада. Кстати, завтра мы ужинаем вчетвером. Приехал его друг, очень богатый дядечка, и я хочу тебя познакомить.

— Спасибо, Лада, но я не хочу. Я простая девушка, и мне не надо этих ресторанов, подарков и всего такого. Мужчины такого сорта меня не привлекают. К тому же я ненавижу, когда меня приводят для знакомства.

— Ты уже не можешь отказаться, — заявила Лада. — Сходим, поужинаем, он отвезёт тебя домой на машине и всё. Если ты не захочешь, ничего не будет. Просто я уже обещала. К тому же тебе полезно развеяться. Да и жизнь пора тебе устраивать, подруга. Ты хотя бы о дочке подумай. Сможешь ей всё купить, да и себе тоже. Посмотри, как ты одета?! Одни джинсы и пара свитеров. Мужчин надо использовать! Неужели ты думаешь, что, работая в агентстве, ты получишь такие деньги?

— Нет, не думаю, — ответила я, слегка задетая её замечанием о моём гардеробе. — Просто я не хочу ни от кого зависеть.

— И не надо! У тебя какие-то извращённые понятия о честности и порядочности. Ты как будто из другого века. Посмотри вокруг — мир изменился, всё вертится вокруг денег. Если у тебя есть деньги — ты можешь купить всех. Прошли те времена, когда люди работали за идею! Эти мужики где-то наворовали денег, вот пусть и поделятся с нами, а мы подарим им несколько часов своего внимания.

— Знаешь, на что это похоже? — я отодвинула недопитую чашку кофе. Зря я всё-таки пошла с ней, последнее время у нас нет того понимания, которое было. Стоило Ладе попасть в другую среду, как она мгновенно изменилась, — стала высокомерной и заносчивой.

— Понятие выгодной партии для женщины существовало всегда. А я собираюсь выйти за него замуж, а не ходить у него всю жизнь в любовницах.

— Хорошо, хорошо, — я устало махнула рукой и посмотрела на часы. — Мне надо в школу, дочку забирать, — соврала я, чтобы прекратить бесполезный разговор. Кто я такая чтобы её осуждать?

— Так как насчёт завтра? Ты меня подведёшь, если откажешься.

— Только ради тебя, — согласилась я.

Я понимала: Лада хотела меня познакомить из своих лучших побуждений, потому что действительно хотела, чтобы я устроила свою жизнь. Но у нас оказались совсем разные взгляды на отношения между мужчиной и женщиной. Я верила в рай в шалаше с любимым и понимала, что никакие подарки не удержат меня в золотой клетке.

Дома мне позвонила Людмила. Та самая девушка из квартиры в доме ЦК, у которой муж был прикован к инвалидному креслу. Голос у неё был тихий и подавленный.

— Наташа, у меня изменились обстоятельства, и я хочу срочно продать квартиру. Вы можете мне помочь?

— Вы знаете, — начала я осторожно. — У вас очень хорошая квартира, но цена на неё непомерно завышена, а ваш муж против снижения, поэтому я...

— Он умер, — сказала она, еле сдерживая слёзы. — Он умер несколько дней назад, и теперь я всё решаю сама и готова снизить цену.

— Примите мои соболезнования.

Она всхлипнула:

— Вы, наверно, думаете, что это к лучшему. Какая жизнь у калеки?

— Нет... — попыталась что-то сказать я, но Людмила перебила меня.

— Вы поймите, когда с ним случилась эта беда — его ранили в позвоночник, для меня ничего не изменилось. Он мне был нужен в любом состоянии — больной, неподвижный, слепой, только бы он был рядом. Вы не представляете, как с ним было интересно. Мне многие говорили — тебе двадцать лет, бросай его. Зачем тебе муж калека? А я даже представить себе не могла жизни без него. Конечно, обидно, что так получилось, что он смог перемещаться только в инвалидном кресле, но он был жив, и мы были вместе, понимаете? Мы всё равно были вместе, я просыпалась и благодарила Бога, за то, что он оставил его в живых. Подумаешь, без ног? Просто немного больше проблем, а так всё осталось как раньше. Мы даже машину переделали, чтобы он мог помещаться там вместе с креслом. Мы продолжали работать и вести активный образ жизни. А теперь его нет, и я не знаю, зачем мне нужен этот мир без него! Хочу уехать из этой квартиры, где мы были счастливы вместе и попытаться начать жизнь заново. Я должна это сделать, хотя бы ради сына и его матери, которую я, конечно, не оставлю одну.

Ну что я могла ей сказать? Такие женщины всегда восхищали меня. И, слава Богу, что на свете есть ещё люди, которые так думают и так живут. Мало кто продолжал бы любить мужа, неожиданно ставшего инвалидом, и вряд ли кто остался бы жить с его матерью после его смерти.

Я сказала ей что-то ободряющее и пообещала помочь продать её квартиру.

Мне нужно было искать нового покупателя для неё, моим старичкам из ЦК она не подходила, у них появилось новое требование — их новая квартира должна была быть с дорогим ремонтом, и я иногда думала, что просто зря трачу на них время.

После нашего свидания, которое устроила Лада, я чувствовала себя отвратительно. Осталось впечатление, что меня вывалили в грязи, хотя внешне всё было в рамках приличий. В таком удручённом состоянии я просто не могла остаться одна. Как я благодарна судьбе за то, что у меня есть Ира, которая всегда выслушает и поймёт.

— Наташка, ты почему так поздно? — испуганная сонная Ира стояла в дверях, придерживая накинутый халат, из-под которого виднелась ночная рубашка.

Только сейчас я осознала, что уже была ночь, и Ира, уложив девчонок, мирно спала, а я подняла её с постели.

— Прости, — я виновато посмотрела на неё. — Я не знала, что так поздно.

— Проходи, я сейчас посмотрю: не разбудила ли ты девочек.

Я прошла на её маленькую, уютную шестиметровую кухню, где мы обычно обсуждали наши проблемы. Ира вернулась в том же домашнем коротком халатике, только уже застёгнутом на все пуговицы с собранными в аккуратный хвост волосами. Она всегда была жуткой аккуратисткой: её день начинался с мытья полов, а за все годы знакомства я не видела у неё небрежного маникюра.

— Ну, выкладывай, что случилось?

В домашней знакомой обстановке я чувствовала всё произошедшее пару часов назад дурным сном и глупо молчала, не решаясь начать.

— Давай, давай. Ведь ты бы не явилась ко мне просто так в два часа ночи, если бы ничего не произошло?!

— Мне плохо, — сказала я и уронила голову на руки.

— Я же тебя предупреждала, чтобы ты не пила!

— А я и не пила, просто меня не покидает чувство гадливости.

— Что ещё ты натворила?

— Ты же знаешь, что я пошла на свидание с Ладой, её кавалером и его другом? — Ира молча кивнула. — Я тебе честно скажу, согласилась на это с одной единственной целью: хотела посмотреть на мужчину, на которого Лада променяла моего Славку.

— Ты называешь его своим, это интересно, — Ирка усмехнулась. — Он по-прежнему в неведении, что он твой?

— Не перебивай меня, — возмутилась я, как только поняла, что сболтнула лишнее. Просто я привыкла думать, что он мой, или будет моим когда-нибудь. Так вот, знаешь, что меня поразило в первую очередь? Ладкиному кавалеру, у него ещё имя такое дурацкое, Самвел, больше пятидесяти лет. Он ей в папы годится.

— А тому, которого привели для тебя? — спросила Ира.

— Приблизительно столько же. У него все волосы седые, как у моего дедушки, но он хотя бы русский, а Самвел грузин, с носом таким большим. Они повели нас в какой-то крутой джаз-бар, и эта музыка так действовала мне на нервы. Я поняла, что ненавижу джаз. Конечно, ужин был превосходен, но терпеть таких мужиков из-за того, что у них есть деньги?! Я просто не понимаю Ладу. Он её покупает, и все об этом знают. Из-за этого дедушки носатого она бросила Славку! Да у меня это в голове не укладывается. Мне даже казалось, что в ресторане на нас смотрели, как на проститутку.

— Ну а тот, который был для тебя приглашён? Ухаживал за тобой?

— Я бы так не сказала, мне даже показалось, я его не заинтересовала. Но потом, когда мы ехали домой в его машине, он таким обыденным голоском сделал мне гадкое предложение: стать его любовницей и рассказал мне как у него много денег, которые он готов на меня потратить.

— Ну а ты?

— Сказала, что меня не интересуют деньги, я хочу серьёзных отношений и любви. На это он сказал, что у него хорошая семья, и он не собирается разводиться.

— Просто прелесть! Значит, любовницу содержать можно, это семье не мешает, а вот развестись нельзя. Ненавижу таких! Ты правильно сделала, что послала его.

— Конечно, правильно, но всё равно так гадко, — я закурила сигарету. — Ну, вот скажи мне — почему Слава влюбился в Ладу? Она продала его за ужин и пару сапожек.

— Я думаю, что он просто не знает, какая она на самом деле, а когда узнает, ему будет

стыдно даже за само это чувство. Когда я любила своего мужа, ты знаешь, он был алкоголиком, я сама себя презирала. И только когда решилась на развод, смогла начать себя уважать. Всегда очень больно любить недостойного.

Я вспомнила эту историю. Вовка вдруг начал пить. Сначала чуть-чуть для поднятия настроения, а потом втянулся. Бросил работу и либо пил, либо валялся в отключке. Ира одна работала и воспитывала ребёнка, а он умудрялся пропивать её зарплату. Неделями у них нечего было есть, но она боролась за него до последнего, выводила из запоев, устраивала на работу, договаривалась об анонимном лечении. И лишь после того как убедилась, что ничего не помогает — решилась на развод, просто потому что так жить было невозможно. Когда он ушёл, Ира впала в жуткую депрессию и даже не обращала внимания на маленькую Машу, которую я вынуждена была забрать к себе. Но потом всё прошло, и однажды Ирина пришла ко мне, в её глазах уже не было той тоски: она смогла начать жить заново.

Мы молча курили, а потом Ира сказала:

— Не переживай, Наташ. Славка будет с тобой. Просто дай ему время всё понять.

Я улыбнулась, даже помечтать об этом было приятно, но прежде чем это будет, нам придётся пройти через боль. Казалось бы, я должна радоваться, что Лада его бросила, но я страдала и ничего не могла с этим поделать. А потом я отправилась домой и улеглась в постель, предварительно выключив вилку телефона из розетки, чтобы выспаться. Последнее время из-за бесцеремонных звонков клиентов мне всё чаще приходилось это делать, чтобы остаться в своём собственном мире.

Я сидела на работе, изучая «любимую» газету «Из рук в руки», исподтишка наблюдая за Славой. Он явно нервничал, постоянно смотрел на часы, куда-то звонил и односложно отвечал на вопросы. Я понимала, что это из-за Лады, она уже пару недель не встречалась с ним и не появлялась на работе. Но я знала, что сегодня она обязательно придёт, чтобы готовить документы для регистрации сделки. Моё шестое чувство подсказывало мне, что именно сегодня произойдет объяснение. От одного взгляда на Славкино открытое лицо, у меня сжималось сердце. Сегодня она ему скажет. Несколько раз вздохнув, Слава взял куртку и вышел. Я молча последовала за ним через пару минут, мне не хотелось оставлять его одного.

Мы курили у входа, молча глядя перед собой. На улице было морозно, и некоторые зыбкие прохожие уже оделись в меха. Лада появилась в новом норковом коричневом полушубке, который удивительно гармонировал с её печальными большими карими глазами. Светлые волосы волнами рассыпались по меховому воротнику, а маленький носик был надменно вздёрнут. Она подошла к нам и поздоровалась.

— Где ты была? — спросил её Слава, взяв за руку. — Почему ты не отвечала на мои звонки?

Лада слегка небрежно высвободилась.

— Почему я должна отчитываться перед тобой?

— Но я... — он выглядел сбитым с толку её холодным тоном. — Но я волновался. Ты не ходила на работу, а твоя мама постоянно говорила, что тебя нет дома. Что случилось? Почему ты избегаешь меня?

Лада встретила со мной взглядом и неожиданно спросила:

— Ты не рассказывала ему, что у меня появился другой мужчина?

Я почувствовала, что покраснела, как всегда в неловких ситуациях.

— Ты знала и молчала? — в Славкиных глазах отразилась такая мука, что я отвела взгляд и молча кивнула, не в силах оправдываться.

— Значит, ты нашла другого, да? — он посмотрел на Ладу и заметил её дорогое полупальто, которое не могло быть куплено на комиссионные от сделки. — И эта шубка и всё остальное: конечно его подарки. Ведь ещё совсем недавно ты жаловалась, что тебе нечего носить зимой. Значит всё правда, ты такая, как мне говорили. А я-то, дурак, не верил, даже начал деньги откладывать, чтобы купить тебе что-нибудь для зимы. Скажи, Лада, а ты любишь его?

— Конечно, люблю, он мне такие подарки делает, — усмехнулась Лада.

— Хватит! — закричал Слава, — хватит говорить о деньгах! Я всё понял, ты была со мной от скуки, потому что никого не было рядом, а как только подвернулся подходящий ухажер, ты исчезла без объяснений. Так?

Лада опустила глаза и теребила норковый манжет. Я чувствовала себя лишней, но никак не могла заставить себя сдвинуться с места.

— Но я же ничего никогда не обещала! — попыталась она оправдаться, но казалось, что он весь ушёл в себя и не слышал.

Повисла пауза, а потом Лада, не говоря ни слова, застучала каблучками к входу в офис.

Мы остались вдвоём: я достала пачку сигарет и протянула ему, но он посмотрел на меня

с неприязнью.

— Ты всё знала и не могла мне рассказать! А я считал тебя своим другом!

— Это ваше дело, я не хотела вмешиваться.

— Все вы такие, — Слава обречённо махнул рукой и, ссутулившись, пошёл в сторону метро.

— Куда ты? — крикнула я, но он даже не повернулся, а у меня ещё остались остатки гордости, чтобы не побежать за ним следом, поэтому я дождалась, пока он свернёт за угол, и медленно поплелась в сторону Гоголевского бульвара. Холодный ветер насквозь пронизывал мою лёгкую курточку, но я всё равно решила не возвращаться на работу, несмотря на то, что там остался мой шарф и перчатки, которые бы мне оченьгодились, и ежедневник, где были все нужные телефоны клиентов, которые ждали моих звонков. Но впервые за два года на меня напало какое-то безразличие, мне было всё равно, что будет с моей работой, в голову даже приходили мысли завязать с недвижимостью совсем, чтобы больше никогда не видеть Славку. Гуляла я очень долго и только, когда почувствовала, что окончательно замёрзла, спустилась в метро.

Ночью я проснулась и сразу поняла, что заболела. Знобило, саднило горло, словно накануне я ела стекла. Я с трудом доплелась до кухни и, выпив таблетку аспирина, повалилась в постель. Утром Ира, которая пришла забрать Настю, чтобы отвезти в школу, вызвала мне врача, который прописал мне покой, горчичники и тёплое питьё. Я валялась на диване, уставившись в потолок, чувствуя себя сломленной физически и морально, но, тем не менее, моя болезнь отвлекала меня от грустных мыслей о Славе и позволяла ничего не делать.

В агентстве я появилась только через две недели, и с удивлением узнала, что Слава тоже всё это время не ходил на работу.

— А кто-нибудь пробовал с ним связаться? — спросила я Тамару.

— Я много раз звонила ему, но никто не брал трубку. Всё это очень странно, тем более что его клиенты тоже не могут до него дозвониться. Он всегда был таким обязательным, а тут... — Тамара развела руками. — Может, ты попробуешь зайти к нему? Вы рядом живёте.

— Нет, я не пойду, — отрезала я. — Иди сама, если хочешь.

— Не узнаю тебя, Наташ, — Тамара с удивлением посмотрела на меня. — Мне казалось, что тебе должно быть интересно, куда он пропал.

— Мне неинтересно. Он взрослый человек и пусть делает всё, что хочет.

— Знаешь что, дай мне его адрес, у меня сегодня свободный вечер, и я съезжу к нему. Во-первых, надо узнать, что с человеком, а во-вторых, Александр Иванович просил выяснить — будет ли он работать. Иначе он раздаст все его договора. А у тебя есть время подумать, пойдёшь ли ты со мной.

Позже когда мы остались с ней вдвоём, я рассказала ей, что произошло у Славы с Ладой и о том, что он упрекал меня.

— Слушай, так тебе и надо его утешать. Сколько таких случаев знаю из жизни: переживает из-за одной, а потом женится на той, которая его утешает и живёт с ней счастливо до конца дней своих.

— Я так не хочу, — вздёрнула я нос. — Я хочу, чтобы по мне, понимаешь, по мне, с ума сходили от любви, а не потому, что я оказалась под рукой. У меня же тоже есть гордость. Мне лучше выкинуть его из головы и всё.

— Зря ты так думаешь. Вы же созданы друг для друга.

— Только он этого не знает. А уже прошло два года! Два! А годы идут. Я верю только в любовь с первого взгляда, а с первого взгляда он полюбил Ладу, хотя и подошла к нему я.

— Лада, Лада, — проворчала Тамара. — Твоя Лада помешана на чувстве собственной значимости. Видела бы ты, как её сейчас понесло. Каждый день надевает на себя всё новое и смотрит на нас свысока, потому что у неё шмотки из лучших магазинов. Стала содержанкой у богатого мужика, а ведёт себя так, как будто... — определения изменившемуся поведению Лады Тамара не нашла. — Даже слушать о ней ничего не хочу. Наверно, за то время пока ты болела, она ни разу тебе не позвонила?!

Я промолчала. Лада действительно с головой ушла в свой роман и забыла всех нас, но я не ждала от неё звонков. Скорее наоборот: подсознательно не хотела с ней общаться. Мне были ближе такие люди, как Тамара и моя Ирка.

— Слушай, а ты когда к Наине идёшь? — вдруг спросила Тамара.

— Сегодня у нас в пять просмотр. А что? Хочешь, чтобы я договорилась, и она тебе погадала?

— Не мне, а тебе. Помнишь, ты рассказывала, что она по фотографии может сказать: подходит тебе этот человек или нет? — я молча кивнула, и Тамара затараторила дальше. — Вот и покажи ей Славкину фотографию, если она скажет, что он — твоя судьба, тогда и будешь за него бороться, ну а уж если нет, тогда выбросишь из головы, как собиралась.

— У меня нет его фотографии.

— Зато у меня есть. Я вас вместе сфотографировала, когда вы танцевали на моём дне рождения, — Тамара порылась в сумке и достала пакет с фотографиями.

Нужная мне лежала сверху. Я взяла её и стала рассматривать. Он смотрел на меня и улыбался. У меня же было счастливое выражение лица. Тамара ловко улучила момент. На этой фотографии казалось, что мы влюблены друг в друга.

— Ну, как? — спросила она.

— Хорошая фотография, — я вздохнула. — Но это вышло случайно.

— Случайностей не так много в жизни, бери и покажи своей колдунье, если мне не веришь. Я положила фотографию в ежедневник и несколько раз во время работы, когда мне казалось, что никто не видит, смотрела на неё.

После просмотра Наина попросила меня задержаться.

— Я вижу, что тебе плохо, — сказала она внимательно глядя на меня. — Могу ли я помочь тебе?

— Только если скажете, выкинуть мне любимого из головы или бороться за него.

— Пойдём в комнату, — она легко коснулась моей руки, и я повиновалась.

— Садись, — Наина показала мне на кресло и стала доставать свои атрибуты. — Перед просмотром я всё убрала, потому что не все люди заходят жить в квартире колдуньи, — улыбнулась она.

На столике появились карты Таро, обычная колода и ещё какая-то колода карт, названия которых я не знала. Наина зажгла свечи и выключила свет, в комнате стало загадочно темно и уютно.

Я сидела в кресле, наблюдая за её приготовлениями.

— При свечах лучше гадается, — объяснила она. — Давай сначала начнём с твоего дня рождения. Лунный день, когда человек появляется на свет, очень важен и может рассказать о многом.

Она замолчала, перелистывая страницы какой-то потрёпанной книжки, а я почувствовала неожиданный интерес к происходящему.

— Ну, конечно, — довольно сказала Наина. — У тебя первый лунный день. Во многом жертвенный. Очень чистый день, но не надо придумывать дела, которые кажутся реальными, а на самом деле приносят неудачи. Люди этого дня всегда ждут чего-то великого, но могут и не дожидаться, если ничего не делать.

— Наверно, я ничего не делаю, — пробормотала я.

— Ты когда-нибудь читала что-нибудь о своём имени? — спросила Наина.

— Нет, — покачала я головой. — Я в это не верю. То есть раньше не верила, — исправилась я.

— О, — засмеялась Наина, — не бойся меня обидеть. Ты сама проверишь всё, что я скажу. Так вот о твоём имени. Девушки, названные Натальями, редко удачно выходят замуж с первого раза, хороший брак у них получается в основном в зрелом возрасте. Редко вступают в случайные связи, потому что признают сексуальные отношения только с тем, кого считают своей судьбой, — Наина посмотрела на меня.

— Это точно, — согласилась я.

— Всё в имени твоём. Кстати совпадает с гороскопом лунного дня. Тебя правильно называли Натальей. Ну, давай фотографию и его день рождения. А то я вижу, это тебя волнует больше всего. Я протянула фотографию и вся замерла в ожидании. Наина спросила его день рождения и опять стала копаться в книге. Потом долго смотрела на фотографию.

— Он подходит тебе по судьбе, но чтобы сказать точнее, мне надо разложить на картах на него и на тебя.

— Правда? — обрадовалась я.

— Правда, да ты сама об этом знаешь. Иначе бы не встречалась с ним два года.

— Тогда почему он влюблён в другую?

— Сейчас посмотрим, — Наина разложила карты. — Это его учительница, она была нужна ему, чтобы сбить с него гордыню. После развода он слишком стал много внимания

уделять деньгам, раньше для него это было не важно, он любил дело, которым занимался. А, приехав в Москву, просто заикнулся на деньгах. Вот и встретила ему такая женщина. Но она уйдёт, урок окончен. Больше ничего не будет.

— Да, она его бросила, — удивилась я.

— Ему очень плохо, он пытается решить проблему с помощью алкоголя. И ты должна помочь ему.

— Славка пьёт? — удивилась я. — Но... Хотя он не ходит на работу и не подходит к телефону.

— У него сложный лунный день, 17, хотя и неплохой в целом. Он родился на распутье, пойдёт по низшему пути, может спиться. Тебе надо идти к нему и помочь. Другого выхода нет.

Наина посмотрела на меня.

— Когда идти? — спросила я.

— Чем скорее, тем лучше. Он, может и сам справиться, но с тобой будет быстрее.

Сейчас посмотрю, что будет, если вы будете врозь. Наина взяла карты Таро и стала раскидывать, сначала на него.

— Ничего у него не будет, так случайные связи, одинокая старость, мало интересного. Теперь на тебя раскинем. У тебя будет людское признание, ты станешь очень известной, в какой области не скажу. Должна сама знать. Но семьи кроме него, ты не с кем не создашь. Только с ним. Так что выбирай.

Наина посмотрела на меня мудрым печальным взглядом, а я подумала, как это тяжело так много знать и видеть то, что не доступно другим.

— Ты знаешь, где сейчас твой отец? — вдруг спросила она, глядя на карты.

— Я никогда его не видела. Мама умерла, когда мне было три года — утонула в реке. Меня вырастили бабушка с дедушкой.

— Карты показывают вашу встречу с ним.

— Этого не может быть! — воскликнула я. — Мы никогда не встречались, он даже не знал, что мама была беременна. Они очень любили друг друга, потом поссорились, и он уехал куда-то далеко, несколько раз писал, умолял простить его, но мама отправляла его письма нераспечатанными. Так мне бабушка рассказывала. Он не знает, что я существую.

Наина взяла другую колоду карт.

— Твоя мама любила отца, но была очень гордой и не смогла простить обиду. За это и была наказана. За гордыню там, в небесной канцелярии, наказывают очень сильно. Но она умерла, и ты сейчас отдаёшь её долги, но ты другая, и ты уже свою карму отработала. Ты развелась с мужем из-за того, что он любой вопрос он решал кулаками.

Я вздрогнула. За те годы, которые я прожила одна, я запретила себе вспоминать об этом. Моя семейная жизнь была ужасна, а иногда я бывала в таком виде, что не могла даже пойти на работу. Но я любила его, как своего первого мужчину и как отца своего ребёнка, и всё надеялась, что он изменится, тем более что он каждый раз просил прощения и стоял передо мной на коленях. Но когда я поняла, что годы идут, а ничего не меняется, то подала на развод. И тогда его мать пожалела меня, и, разменяв трёхкомнатную квартиру, отдала нам с Настей однокомнатную. Так я оказалась в Новогиреево.

— Всё будет хорошо. Ты намного сильнее, чем себе представляешь, и если тебе казалось, что твоя жизнь была несчастливой, то это потому, что ты должна была пройти через эти испытания. И ты прошла через них с честью. Теперь всё будет хорошо.

— А моё предназначение? Вы говорили, что меня ждёт признание. Это вы о чём?

— Ты сама должна это понять. Подсказывать не имею права.

— Но я всю жизнь ищу и никак не могу найти. Сначала мне казалось, что если бы осталась программистом, была бы счастлива. А теперь понимаю, что это тоже было не моё и недвижимость не для меня, и я всю жизнь работаю не там и живу не так. Как я могу найти, если всё время ошибаюсь?

— Ты найдёшь, — уверенно сказала Наина. Я хотела что-то ещё спросить, но в комнату заглянул Алексей.

— Мам, тётя Оля пришла, как вы договаривались.

— Путь проходит, — сказала она, ласково посмотрев на него. — А ты иди, девочка родная, — обратилась она ко мне. — Тебе ещё думать и думать над тем, что я тебе сказала. И если решишь всё же быть с ним: не медли. Помни, он стоит на распутье, и если свернёт с пути, то возвращать его будет намного сложнее.

Алексей проводил меня до двери, и я вышла на улицу. У меня было такое ощущение, что занавес, который мешал мне видеть, упал, и я теперь лучше вижу свой путь, и хотя многое ещё было в тумане, я знала, что надо сделать в первую очередь

От Наины я сразу отправилась к Славе и на выходе из метро увидела Тамару. Расстроенная, она спускалась по лестнице, не заметив меня в толпе. Я схватила её за руку, и она вздрогнула от неожиданности.

— Наташка, как хорошо, что я тебя встретила?! Представляешь, Слава не открыл мне дверь.

— Что значит, не открыл дверь?! Может, его дома нет?

— В том-то и дело, что он дома. На кухне открыто окно, и мне показалось, что я видела какую-то тень из-за занавески.

— Тогда почему он даже не узнал, кто к нему идет? — удивилась я. — Вдруг это Лада. — А-а, поняла, ему стыдно выйти в таком виде.

— А в каком он виде?

— Наина сказала, что он пьёт.

— Пьёт?! — удивилась Тамара. — Но я не замечала за ним, чтобы он увлекался спиртным: а у нас было столько вечеринок. По-моему, он всегда оставался самым трезвым из нас.

— Но сейчас ему плохо, а горе часто заливают алкоголем. Давай вернёмся и попробуем ещё раз. Мне кажется, я знаю, что надо сделать.

— Ну, хорошо, — Тамара послушно пошла со мной. — Скажи, а почему ты вдруг переменяла решение?

— Наина гадала на нас, оказывается он и есть тот единственный, и я должна помочь ему. Ты, конечно, можешь считать, что я сошла с ума, но я ей верю. Она рассказывала мне такие вещи из моей жизни, которые никто не знает.

— Не нужно ходить к гадалкам, чтобы увидеть, что вы со Славиком созданы друг для друга, — довольно сказала Тамара.

— Ну теперь надо заставить и его поверить в это.

Перед подъездом я подняла голову и посмотрела на окна. Всё верно — окно на кухне открыто, а шторы везде спущены. Я представила полумрак в квартире и его, несчастного и брошенного, желающего утопить своё горе в вине. «Ничего, милый, мы справимся с этим вместе. Любовь не выбирает, она просто сваливается нам на голову. Я тоже часто ошибалась», — мысленно сказала я ему.

Мы поднялись на второй этаж, и я настойчиво нажала на звонок. Звонила минут пять, но дверь не открывали. Я чувствовала, что он дома и даже постучала в дверь ногой: в квартире было подозрительно тихо. На шум вышла старушка из соседней квартиры.

— Что вы так шумите? — спросила она.

— Извините. Вы не знаете, Слава дома?

— Видела его сегодня на балконе, — сказала старушка. — Курил. — А что случилось?

— Дверь не открывает, к телефону не подходит. Мы боимся, вдруг ему плохо, — придумала я на ходу. — У него, знаете, иногда бывало с сердцем нехорошо.

— Он мне показался каким-то странным сегодня, но я решила, что ошиблась, — испугалась старушка.

— А где его мама? — спросила Тамара.

— В отпуск уехала, ей путёвку дали. Заходила ещё перед отъездом, просила

присмотреть за Славиком, — сообщила бабушка, выходя к нам на площадку. — Как будто он маленький.

— Как бы нам попасть в квартиру? — спросила я.

— А у меня ключ есть, я сейчас принесу, — сообщила соседка. — Мне его мама оставляла, чтобы я цветы поливала, ещё год назад. С тех пор и лежит. Если они замок не меняли, подойдёт, — она ушла, прикрыв за собой дверь.

Вернулась быстро, неся ключ на голубой ленточке.

— Попробуйте, а то я вижу плохо.

Я взяла ключ, вставила его в замочную скважину. Замок легко открылся: мы вошли. В нос н ударил застоявшийся запах алкоголя и табачного дыма. Я осторожно заглянула в комнату. Слава лежал на диване и спал. На журнальном столике перед ним стояли недопитые бутылки водки и вина, валялись остатки еды. Несколько пустых бутылок валялось на полу, в пепельнице гора окурков.

— Ужас какой! — прошептала старушка. — Славочка же не пил никогда. Да как же это такое?! — начала она причитать, и я решительно вывела её из комнаты. — Да как же мать приедет?! Горе-то какое! А какой хороший парень-то был, — продолжала она.

— Тихо-тихо, — сказала я в полголоса. — У него были неприятности, вот он и не сдержался. Ничего страшного, у мужчин бывает. Я останусь здесь и дождусь, пока он проснётся, а вы идите домой.

— Нет, я тоже останусь, — заявила старушка. — Как же я уйду, если я вас не знаю?! — немного запоздало всполошилась соседка.

— Хорошо, — согласилась я. — Давайте пойдём на кухню, вы пока посидите, а я всё приберу. — Оставшиеся бутылки на всякий случай давайте отнесём к вам, чтобы у него не было соблазна больше выпить.

— Я сама, — заявила старушка. — А с чего это вы так о нём заботитесь? — спросила она, подозрительно глядя на меня.

— Слава мой друг, — сказала я, честно глядя старушке в глаза. Ну не могла же я рассказать, как я на самом деле к нему отношусь. Если бы здесь никого не было, я бы села на краешек дивана и смотрела бы на него, пока он не проснулся. А потом.... Да, что толку об этом думать. Уж лучше заняться уборкой. Наверно, час мы с Тамарой добросовестно убирались в его маленькой квартирке, а соседка сидела на кухне и смотрела сериал по телевизору. Потом Тамара поехала домой, а старушке захотелось ужинать, и она, скрепя сердце, оставила меня одну, сказав, что скоро придет. Я зашла в Славину комнату и села на стул рядом. Во сне у него было трогательное выражение лица, на лоб свесился непокорный тёмный завиток. Поддавшись искушению, я погладила Славика по волосам, и он неожиданно открыл глаза.

— Наташа?

Я улыбнулась.

— С пробуждением. Добро пожаловать в новый день.

Слава привстал на постели, оглядывая комнату, видимо вспоминая, что произошло. Воспоминания не были светлыми: между бровями залегла горестная складка, губы сжались в тонкую линию.

— Как ты сюда попала? — он непонимающе посмотрел на меня. — Ведь я, кажется, — он увидел пустой стол, и потряс головой. — Ничего не понимаю.

— Меня впустила твоя соседка. Ты заснул, после того как немножко выпил, — мягко

сказала я.

— Ничего себе немножко, — он поморщился, — голова до сих пор трещит. — А где бутылки?

— Я всё убрала.

— Зачем?

— Пора возвращаться к жизни. Ты уже достаточно погрустил, есть более важные дела.

— Почему Лада так поступила?

— Она не та девушка, которая тебе нужна. У вас разные пути.

— Но я люблю её.

— Я тоже любила своего мужа, Настиного отца. Я любила его так, что прощала ему измены и побои. Надеялась, что он одумается ради нас, а потом неожиданно встала утром и поняла, что не хочу так больше жить. Пусть лучше останусь одна, чем буду терпеть такое унижение. Так что тебе проще. У вас нет детей, и Лада не твоя жена. Пройдёт время, и ты перестанешь вспоминать её.

— Я не знал, что ты такое пережила. Иногда мне стыдно за мужиков. Мне очень жаль, что я не знал тебя тогда и не смог защитить. Где он сейчас?

— Умер год назад. Убили в пьяной драке.

— Мне очень жаль.

— Ничего, всё прошло, — я подошла к окну. Уже было поздно, и мне давно надо идти домой.

Слава тоже подошёл к окну и вздохнул:

— Боже мой! Какой же я был дурак! Просто идиот! Она околдовала меня. Я ничего не видел!

— У Лады есть что-то такое, от чего мужчины теряют голову. Не вини себя. Постарайся понять: она недостойна тебя. У тебя ещё всё будет хорошо, — сказала я.

— У тебя тоже. Ты такая хорошая!

— Ты тоже! — улыбнулась я. — А теперь, если ты обещаешь мне больше не пить и завтра прийти на работу, я побегу домой. Настька уже заждалась маму.

— Я сейчас умоюсь и провожу тебя. Свежий воздух пойдёт мне на пользу.

Через двадцать минут мы мирно шагали к моему дому и говорили о каких-то пустяках. Нам всегда было легко друг с другом.

Очередной кризис вызвал резкое падение цен на недвижимость. В нашем агентстве всё бурлило. Продавцы срочно сняли свои квартиры с продажи, потому что психологически не были готовы, что теперь не получают тех денег, на которые рассчитывали. А покупатели надеялись на новое падение цен и приостановили свои поиски или покупали те квартиры, которые стояли ниже рыночной цены. Так совершенно неожиданно мы остались без работы и, соответственно, без денег.

— Это какой-то кошмар, — пожаловалась мне Тамара, когда мы вышли на улицу покурить. — В школе собирают денег на классные нужды, а я даже не знаю, на что молока купить, чтобы сварить кашу. — Наверно, надо увольняться и идти куда-нибудь. Хотя бы полы мыть.

— Подожди, это когда-нибудь наладится, — сказала я без особого энтузиазма.

Моё положение было лучше лишь тем, что я могла занять денег у Иры, которая работала на окладе и, зная о моих тяжёлых временах, всегда выручала меня. Но это не могло продолжаться долго. В то же время мне так не хотелось уходить и снова искать работу, я привыкла к агентству, как к родному дому. Здесь были мои друзья, здесь я хотя бы иногда виделась со Славой.

— Как у тебя со Славой? — спросила Тамара.

— А ты знаешь, никак, — вздохнула я. — Он больше не говорит о Ладе, но я не уверена, что он о ней не вспоминает. Мне кажется, что я так и останусь для него другом.

— Да ладно тебе. Времени ещё прошло мало. А что, если нам устроить какое-нибудь совместное чаепитие, чтобы поддержать друг друга? — спросила она.

— Давай, — согласилась я. — Уйдём сегодня пораньше и поедem к кому-нибудь домой.

В этот момент к агентству подошли Максим и Слава. Я сразу заметила, что Слава сегодня особенно хорошо выглядел, на нём была новая кожаная чёрная куртка с меховым воротником, которая очень ему шла.

— Ого! — сказала Тамара. — В такое сложное время некоторые ходят в обновках.

Слава смутился.

— Да я подработал. Сделал ремонт в квартире маминой сотрудницы, ей так понравилось, что она мне ещё дала несколько телефонов своих знакомых. Так что будем жить, ремонтируя квартиры.

— Ну вот, — грустно сказала я. — Значит, ты теперь уйдёшь из агентства?

— Ну, уж нет, я с вами не расстанусь, — он обнял нас с Тамарой за плечи. — Кстати, чтобы вас подбодрить, я решил пригласить всех к себе. Мама сегодня уезжает на выходные на дачу, и мы можем славно повеселиться. Мы так давно не собирались вместе.

— Вот и я предлагала чаю попить с тортиком, — сказала Тамара.

— Какой торт, девчонки? — возмутился Максим. — Купим водки: кризис в стране нужно отметить.

— Было бы что отмечать, — фыркнула Тамара. — Денег нет даже на продукты. Последние сто долларов, полученные с предыдущей сделки разменяла, а когда новая будет и вовсе неизвестно. Телефоны молчат, сегодня и последние покупатели отказались смотреть квартиру. Говорят, подождём, вдруг цены ещё упадут.

Мы молчали, пуская дым, и вдруг Славка полез в карман и, достав двести долларов,

протянул Тамаре:

— На, возьми, отдашь, когда заработаешь.

— Я не могу, — покачала головой Тамара.

— Возьми, я тебе говорю, в долг. Кризис не будет длиться вечно, а дети не должны сидеть голодными. Он положил деньги Тамаре в карман и повернулся ко мне:

— У тебя тоже денег нет?

— У меня есть, я живу с подругой, а она хорошо зарабатывает, — засмеялась я своей старой шутке.

— Если надо будет, говори не стесняйся.

Я кивнула, подумав, какой же замечательный мой Славка, и пусть он даже не знает, что он мой, мне всё равно хорошо даже просто от того, что он стоит рядом. Но наша идиллия была нарушена прекрасным видением. В коротком полушубке из чернобурки, открывающей стройные ноги в новых замшевых сапожках, появилась Лада.

Возникло молчание. Её не было на работе уже месяц, и мы думали, что она уже не появится.

— Всем привет! — сказала она. — Пришла попрощаться. — А что вы такие молчаливые? Работы нет?

— А у тебя есть работа? — спросил Максим.

— Да, я ухожу на фирму к своему будущему мужу. Ему нужен помощник, которому он может доверять.

— Не знаю, почему он выбрал тебя для этой цели, — съехидничала Тамара.

— А кого выбирать, тебя что ли, мышку серую? — не осталась в долгу Лада. — Ну ладно, я пришла не ссориться, хочу вас куда-нибудь пригласить отметить мою новую работу.

— Я занят, — буркнул Слава и грустно, скользнув по Ладе взглядом, будто прощаясь, пошел в агентство.

— Ну а вы? — она посмотрела на нас.

— Я тоже не могу, жена просила приехать пораньше, — отозвался Максим.

Мне стало жалко Ладу, наша компания её намеренно игнорировала — первый раз все от неё отвернулись, и, наверно, было за что, но я не могла её бросить, мы всё-таки с ней дружили. Я взяла её за локоть.

— Пойдём, я тебя провожу до метро.

Лада чуть не плакала и моргала сильно накрашенными ресницами.

— Почему они со мной так?

— А ты не знаешь? — мягко спросила я.

— Они мне завидуют, да? — в её больших карих глазах стояли готовые пролиться слёзы.

— Нет, Лада. Всё не так. Тебе никто не завидует, потому что, — я посмотрела на неё: — здесь нечему завидовать. Лично мне тебя бесконечно жалко, несмотря на твои красивые наряды.

— Тебе меня жалко?

— Жалко, из-за того, что ты не поняла: какой замечательный человек тебя любил. Ты связалась с мужчиной намного старше тебя, не потому что он тебе нравится или ты его любишь, а потому что он тебя купил.

Лада вздёрнула подбородок и остановилась:

— Да, купил! Ну и что! Пусть платит! Я хочу иметь всё самое лучшее, а вы сидите в дерьме в этом агентстве и получаете свои гроши! А я ещё хотела вас пригласить в кафе.

Голодранцы!

Неожиданно мне стало смешно и грустно. Как меняются люди, когда к ним приходят деньги. Впрочем, Лада всегда была такой, но когда она была бедной, была лучше и добрее, и тогда мы находили общий язык.

— Пока, — я посмотрела на неё с улыбкой. — Удачи тебе.

Лада застучала каблучками к метро, ветер развевал её хорошо уложенные светлые волосы. Я некоторое время смотрела ей вслед, вовсе не сожалея, что она ушла из моей жизни.

Я занималась обедом, когда зазвонил телефон. «Как всегда не вовремя», — проворчала я, но сняла трубку, присматривая за четырьмя горелкам. Поскольку на готовку жаль времени, а вкусно поесть люблю, я старалась совместить стряпание первого блюда и второго, а иногда и десерта. Нельзя сказать, что настырные клиенты, по вине которых что-нибудь пригорало, способствовало вдохновению. Но последнее время я всегда боялась пропустить важный звонок. А вдруг звонит важный клиент по рекомендации, кому нужно срочно продать квартиру? Или моя сделка рушится, и последний шанс спасти положение решить вопрос немедленно. У меня больше не было личной жизни: я всегда находилась под напряжением и не была уверена, будет ли завтра у меня работа, и, соответственно, деньги на жизнь. Знакомые, наблюдая, как посреди вечеринки раздаётся телефонный звонок, и я, бросая гостей, ухажу успокаивать какую-нибудь пожилую леди, которая не может заснуть перед сделкой; или, ещё того хуже, меняю планы, чтобы нестись на другой конец города показать квартиру, которую клиент может посмотреть именно сегодня, всегда советовали расстаться с такой работой. Я отшучивалась, что ещё не сделала свою главную сделку, которая поможет мне изменить мою жизнь и начать своё дело: например, открыть киоск рядом с домом.

— Наташа, это ты? — уточнил незнакомый женский голос в трубке.

— Да, — подтвердила я, помешивая пригорающий лук на сковородке.

— Твой телефон мне дала Нина Ильинична, твоя бабушка, когда мы были на Волге. Я твоя троюродная сестра, но мы никогда не встречались.

Я что-то не могла вспомнить никакой троюродной сестры, но это вполне могло быть правдой.

— Это здорово, — сказала я без должного энтузиазма, пытаясь понять, что же ей от меня понадобилось.

— Меня зовут Алина, — представилась она. — Нам надо познакомиться поближе, тем более что у меня к тебе дело.

— И какое же? — поинтересовалась я, пропустив идею о знакомстве. По работе я вижу столько людей, что теперь у меня начисто отсутствует желание расширять свой круг общения.

— Мы с мужем решили купить квартиру. Надоело тратить деньги на съемную. У нас двое детей и третий в проекте: пора уже иметь свой угол.

— Да, конечно, — согласилась я, подумав, что с этого не мешает начинать семейную жизнь.

— Единственная проблема, которая возникла: у нас мало денег.

Я вздохнула, эта проблема была стара как мир, денег не хватало почти у всех, во всяком случае, на то, что хотелось купить.

— Какой суммой вы располагаете? — спросила я.

Ответ так меня удивил, что я чуть не выронила трубку. Сумма была достаточной, чтобы купить квартиру из ста квадратных метров в центре Москвы, о чём я ей и сообщила, и мы договорились встретиться в агентстве, чтобы обсудить подробности.

— Забыла предупредить, мой муж — англичанин. Может, ему нельзя иметь недвижимость в Москве?

— Сколько угодно, сейчас даже налоги отменили, — сказала я.

Это было на самом деле: иностранцы начинали скупать шикарные квартиры, преимущественно недалеко от Кремля, чтобы сдавать их. Для них это было выгодно и называлось красивым словом инвестиция. Они брали у себя в банке кредит под хорошие проценты, приезжали в Москву, где для них всё было дёшево и, купив и отремонтировав квартиру, с выгодой сдавали. А из-за того, что цены неуклонно шли вверх, выигрывали на повышении. Бывали другие варианты: они продавали одну квартиру у себя на родине и покупали здесь несколько. Но обо всём этом я слышала только краем уха, а теперь в моей жизни наступал новый этап.

Конечно, мне было интересно посмотреть на Алину, которая отхватила себе мужа англичанина. Стало модным выходить замуж за иностранцев. Считалось, что они лучше обеспечивают, лучше заботятся, и многое другое, что, к сожалению, не делают наши русские мужчины. Лично для меня это был нонсенс: мне иностранцы казались существами с другой планеты. Я никак не представляла, как можно жить с иностранным мужем, рожать от него детей и постоянно преодолевать барьеры двух языков и границы двух совершенно разных государств.

Алина оказалась обыкновенной женщиной. Единственное её преимущество заключалось в естественности, которая шла к её облику: никакой косметики на бледном личике с мелкими чертами лица, природный русый цвет волос, закреплённых заколкой в обычный хвост, розовые, коротко постриженные ногти, как у ребёнка. Среднего роста, немного полновата, как и должно быть, когда счастлива в семейной жизни и любишь хорошо готовить. Её одежда была выдержана в блёклых тонах и казалась бесформенной.

Троюродная сестра поцеловала меня в щёку и представила своего мужа. Его звали Ричард, но имя не к нему не шло. В моём представлении мужчина с таким именем должен выглядеть воинственно или хотя бы мужественно, а мой троюродный зять был высоким, чуть-чуть сутулым, лысоватым блондином с бледно-голубыми глазами и формой черепа, напоминавшей яйцо. Брови и ресницы казались незаметными, на щеках веселился младенческий румянец, что не гармонировало с дорогим тёмным костюмом и белой рубашкой с галстуком и запонками. Выглядеть деловым джентльменом у него не получалось: между внешностью и костюмом было какое-то несоответствие, словно он ещё не дорос до него.

— Мы очень надеемся, Наташа, что вы нам поможете, — сказал он с лёгким акцентом после заполнения нашего типового договора.

— Я постараюсь, а с кем связываться, когда я найду подходящие квартиры? — задала я дежурный вопрос.

— Конечно, со мной. Ричарду мы покажем тот вариант, который мне понравится, — ответила Алина. — Ведь ты же занят, милый? — обратилась она к нему.

— Да, связывайтесь с женой, — на минутку обнял ее. — Я считаю, что дом важнее для Алины, чем для меня. Я всё время на работе, и мне, в общем-то, всё равно где жить, главное, чтобы было удобно до офиса добираться, желательно пешком.

— Вы не ездите на машине? — удивилась я.

— Машину я ему не даю, Ричард больше любит метро, — поспешно сказала Алина.

Я подавила смех: это было одно из первых моих общений с иностранцем, и здесь было о чём подумать. Он предоставлял жене возможность выбирать квартиру, в то время как многие из наших, особенно это касалось богатых клиентов, не считали нужным даже советоваться с женой, а иногда и показывать квартиру до сделки, мотивируя это тем —

приведу, и будет жить, никуда не денется. Да и с машиной тоже было странно, она, видите ли, ему не давала машину, купленную на его же деньги, поэтому на работу он ездил на метро, а между тем на его визитке было написано, что он генеральный директор известной фирмы, связанной с компьютерами.

Я проводила их к выходу и зашла полупустую — многие агенты после кризиса разбежались — и с тоской подумала, что надо готовить просмотры для родственников. Не знаю почему, но последнее время я стала испытывать какую-то неудовлетворённость работой. Не могу сказать, что я когда-то была ей увлечена, но всё же относилась с большим терпением. А теперь всё стало просто валиться из рук: и сделки редко, и люди стали раздражать. Хотелось забиться куда-нибудь в угол или уехать на море и, глядя волны, отдохнуть от всего. Единственное, что меня радовало: мы с Наиной нашли две замечательные квартирki — одну для неё, рядом с метро Полежаевская, а другую для сына в Строгино. Ему нравилось, что рядом залив и летом можно купаться, не выезжая из Москвы. После новоселья, на котором я присутствовала, как почётный гость, я попросила Наину погадать мне.

Мы пошли в её рабочий кабинет, если можно так назвать таинственную комнату, оформленную в бордово-чёрных тонах со спущенными шторами на окнах, полную зеркал, таинственных амулетов и книг. Я уселась в кресло, и Наина раскинула карты.

— Не переживай, скоро всё изменится, — сказала она.

— Неужели Слава, наконец, влюбится в меня? — спросила я.

— Нет, этого в ближайшем времени не будет. Зато ты найдёшь своё призвание и встретишь своего отца.

Я недоверчиво посмотрела на Наину. Сама до сих пор не знаю, как я отношусь к её предсказаниям, — мне и хочется верить и не получается, хотя Наина ни разу не ошиблась. Именно она однажды предсказала, что моя сделка развалится, и я действительно не продала ту квартиру с капризными стариками. Деда неожиданно положили на операцию, и клиентка побоялась покупать квартиру по доверенности. Так и не получила я тех трёх тысяч, с которых собиралась ремонт сделать, только зря время потратила.

— Призвание?! Вот было бы славно, а то я что-то устала от продажи квартир.

— А перспектива встретить отца тебя не радует? — улыбнулась Наина.

— Да как же я его встречу, если ни разу в жизни не видела?

— Встретишь и не сомневайся! — Наина выглядела уверенной.

Приближалось лето, и я забыла о нашем разговоре. В моей жизни по-прежнему ничего не происходило и депрессия, которой у меня не было и в худшие времена, стала овладевать мной всё чаще. Когда мои клиенты уехали из города, я договорилась с Александром Ивановичем о недельном отпуске, и мы с Настей поехали на Волгу к бабушке с дедушкой.

Здесь ничего не изменилось, разве что домик перестал выглядеть таким ухоженным как раньше, видимо у дедули стало меньше сил, да меньше грядок в огороде. Я зашла в свою комнату: здесь всё было по-прежнему, мой старенький письменный столик у окна, где цвела яблоня, узенькая кровать, застеленная вышитым покрывалом. Пока Настя развлекала старичков, я уселась за свой стол и задумалась. Как много лет прошло с тех пор, как я сидела здесь и делала уроки. Из приоткрытого окна доносился еле уловимый запах цветущих яблонь. Ну и, конечно, воздух, здесь был потрясающий, не то, что в пыльной Москве.

Я открыла ящик: там лежали мои школьные тетрадки и учебники. Я вынула стопку и стала их рассматривать. Среди обычных тетрадок по математике и физике одна тетрадь,

привлекла моё внимание. Открыла её. Когда-то в школе я любила писать, вела дневник, записывала свои впечатления и даже пробовала написать роман. Я перевернула страницу: написанная моим детским почерком, передо мной лежала недописанная история детской безответной любви к моему однокласснику, конечно значительно приукрашенная. Неожиданно я почувствовала небольшое волнение, как будто стояла на пороге какого-то открытия. Я схватила тетрадку и, прижав её к груди, побежала к Волге. Легко спустившись по крутой лестнице, нашла свою любимую скамейку, на которой часто сидела в одиночестве и мечтала. Я вспомнила себя прежнюю: какой чистой и мечтательной была тогда эта девочка, выросшая на Волге, которая с такой надеждой смотрела в будущее. Что же случилось со мной? Где я? Растеряв мечты и пройдя школу жизни, я больше уже не ждала ничего хорошего от жизни. Вздохнув, начала читать.

Когда перевернула последнюю страницу, вспомнила, почему бросила писать. Мальчик, который послужил героем моего романа, всё-таки влюбился в меня, и мы стали встречаться. Первая любовь захватила меня без остатка, и жизнь стала казаться интереснее моих записок. Потом были экзамены в школе, и я уехала, забыв эту тетрадку со своим недописанным романом и его героем на Волге. Я подошла к самой реке и долго стояла, задумавшись. Неожиданно я вспомнила слова Наины: скоро я найду своё предназначение. Да, я нашла его. Я поняла, что же я хочу делать: я хочу писать. Я засмеялась, через месяц мне исполнится тридцать один год, а я решила стать писательницей. Конечно, поздновато, но ведь если у меня есть талант, можно писать до старости, так что впереди у меня десятилетия. Мою хандру как рукой сняло, я нашла то, что так долго искала. И если бы у меня была возможность, я бы бросила надоевшую работу в агентстве, сидела бы дома и писала, писала, писала. Но, к сожалению, жизнь диктует свои права и придётся вновь продавать квартиры и просыпаться от звонков клиентов, но сейчас я, по крайней мере, знаю, что это временно. Я верю, что настанет такой день, когда я смогу заниматься только любимым делом, но для этого нужно много работать.

Вернувшись, домой, сразу же стала писать. Пока была на Волге, в моей голове родился сюжет для небольшого авантюрного романа.

Моя жизнь изменилась, вернее, изменился мой взгляд на жизнь: всё вокруг вдруг стало необычайно интересно. Я наблюдала прохожих на улицах, пассажиров в метро, влюблённых в скверике, пока гуляла с Настей. Иногда я специально садилась рядом с компанией молодёжи — мне нужно было знать, о чём и как они говорят, и что их волнует. На работе мне неожиданно стало легче: захотелось написать книгу о риэлторах. В моей сумке вместе с ежедневником лежал блокнот, в котором я записывала все, что приходило в голову.

Я стала много читать: открыла для себя русских классиков. Теперь я училась у них, и мне всё было интересно: и описания, и стиль, и знаки препинания. Иногда у меня был такой отрешённый и мечтательный вид, что меня спрашивали «Уж не влюбилась ли я?» В ответ я качала головой и улыбалась: то, что происходило со мной, было лучше влюблённости и никак не зависело от другого человека, но я решила молчать, пока не напишу свою первую книгу.

Может потому, что моё внимание было занято другим, дела на работе вдруг пошли хорошо. Мы нашли Алине квартиру на Рождественском бульваре, которой она была очень довольна и, хотя Ричарду хотелось купить другую, уже с готовым ремонтом, он беспрекословно уступил давлению жены. Вообще, всё это время я с интересом наблюдала за их браком. Их семейные отношения строились по принципу, что муж должен всё: приносить деньги, причём Алина не собиралась вникать, откуда он их берёт, отводить детей в детский сад, он же всё равно рано встаёт, ходить по магазинам, улаживать конфликты в семье и многое другое. Она даже не могла сама оплатить мобильный телефон и спокойно вызывала Ричарда с работы, если ребёнок раскапризничался, а она не могла с ним справиться. Ко всему прочему прилагались няня и домработница. Когда обо всём этом я рассказывала Ирке, та только руками разводила и говорила, что моей сеструхе сказочно повезло.

— Вот пусть Алина тебе и присмотрит мужа среди его друзей, — предложила она как-то мне, во время нашего чаепития.

— Да ты с ума сошла?! — я чуть не подавилась эклером. — Не хочу я за замуж за иностранца. Они какие-то... — я замолчала.

— Какие? — поинтересовалась Ирка.

Я задумалась, А правда, какие же они?

— Какие-то холодные что ли. И кажутся смешными. Они всё делают странно, поговорить с ними не о чем.

Я вспомнила наши совместные обеды, на которые приглашала меня Алина. Честно говоря, я с трудом досиживала до конца. Английский обед казался мне слишком пресным, а их отношения скучными и лишёнными всякой романтики.

— Ну что ты хочешь, у них же там всё по-другому, — согласилась Ира. — А всё-таки ты подумала бы?! Чем носиться по просмотрам, может, лучше выйти замуж за иностранца?

— Нет, Ира, — я покачала головой. — Я точно знаю, это не для меня. Кстати, Ричард сделал мне деловое предложение.

— Какое?

— Он будет находить мне клиентов-иностранцев среди своих знакомых, а я буду искать

им квартиры. Комиссионные пополам.

— Ну и гусь! — удивилась она. — Он, значит, только языком будет трепать, а ты будешь бегать и сделки делать, а он половину заберёт.

Я засмеялась.

— Можно ещё отказаться: я сказала, обсужу это с начальством.

— Ну, ты ещё чего придумала, — возмутилась Ирка. — Твоё агентство от этой половины ещё, сколько денег заберёт?

— Агенту платят максимум сорок процентов в любом агентстве, — объяснила я ей.

— Да, жуки они все, — сказала моя практичная подруга. — Слушай, а зачем тебе агентство, если ты умеешь сама сделки делать, а клиенты у тебя будут?

— Это называется левые сделки, они страшно наказуемы.

— Насколько страшно?

— Выгоняют из агентства.

— Ну и наказание, — рассмеялась Ира. — Я бы на твоём месте давно оттуда ушла. Обдирают вас как липок.

— Я не могу, — вздохнула я. — Понимаешь, я к ним так привыкла. Они мне как семья. Как я буду без Тамары, без Макса...

— И что будет с моей бедной подругой без Славика, — продолжила Ира. — Значит, придётся всё скрывать. Работай и в агентстве, и с Ричардом.

Я задумалась: обманывать и хитрить я не любила, но что, если действительно попробовать. Если с иностранцами дело пойдёт, можно и из агентства уйти. За эти годы я вполне смогла убедиться, что все эти обещаемые высокие заработки не получаются на практике.

Мы вчетвером сидели в нашем кафе и отмечали очередную сделку Максима. Совершенно неожиданно ему стало везти: он нашёл свою нишу. Продав удачно квартиру женщине среднего возраста еврейской национальности, он стал тем маклером, которого буквально передавали из рук в руки. Эти люди не верили рекламам в газетах и слащавым словам агентов, обещавших золотые горы, они верили исключительно друг другу. Ели Ася Абрамовна говорила своей подруге Саре, что Максим ей помог, и она осталась всем довольна, то Сара записывала его домашний телефон для себя и своих знакомых.

Максим потягивал пиво и даже пытался шутить, но я видела, что настроение у него плохое. Месяц назад его жену уволили с работы и с тех пор, равнодушная и безучастная ко всему, в том числе и к Максиму с дочкой, она каждый день выпивала. Решив развеселить его, я стала рассказывать о моих приключениях.

— Представляете, назначаю встречу и надеюсь встретить очаровательного английского джентльмена, а появляется чудо в старом пуховике, в ботинках, которые выглядят, как с помойки, да ещё весь в перьях. Зовут Джеймс. Зато полностью свободен и собирается прикупить недвижимости в Москве на полмиллиона баксов.

— Так что же он одежду не может себе купить приличную? — удивляется Тамара.

— А зачем ему одежда, если за него итак любая пойдёт? — грустно говорит Слава, видимо, основываясь на собственном печальном опыте.

— Неправда, Наташка не пойдёт. Она останется верна своей любви. Правда, Наташ? — Тамара смеётся и выразительно смотрит на Славу.

Я наступаю ей на ногу под столом, а Слава по-прежнему ничего не замечает. Мне становится смешно и вдруг, наклонившись к нему, я предлагаю потанцевать. Он слегка удивлённо смотрит на меня, хотя в нашем кафе играет музыка, мы обычно не танцуем, а сидим, пьём пиво и разговариваем.

Мы выходим на середину, я кладу ему руки на плечи, и мы медленно кружимся под какую-то печальную мелодию. «Как же мне хорошо с ним», — думаю я. Вдруг в голову приходит шальная мысль: а что, если признаться ему в любви? Сколько можно ждать?! Я поднимаю голову и смотрю ему в глаза.

— Знаешь, Славка, — говорю я, — и с ужасом понимаю, что сейчас сделаю своё самое важное в жизни признание. — Он смотрит на меня, а я набираю в грудь побольше воздуха и ныряю, словно в ледяную воду: — Давно хотела сказать, что люблю тебя.

В его глазах удивление, перемешанное с сомнением. Он как будто не верит мне, и я повторяю, чтобы уже не было больше сомнений, потому что больше не могу это носить в себе.

— Я люблю тебя.

Он касается губами моих губ, и я умираю от нежности, забывая, что Тамара и Максим, да и остальные посетители, наверно, наблюдают за нами. Мы стоим посередине площадки и целуемся, как будто школьники. Когда мы, наконец, возвращаемся к нашему столику, оказывается, что Максим с Тамарой уже деликатно удалились, а официант приносит нам шампанское, которое они для нас заказали. Наверно, это был самый счастливый вечер в моей жизни: мы пили шампанское и держались за руки, как дети. А потом взяли такси и поехали ко мне домой. В этот вечер Настя ночевала у Иры. Мы не спали всю ночь, и мне

казалось, что никогда в жизни я не ощущала такую связь с другим человеком, я была готова раствориться в нём без остатка. Уставшие мы заснули, а утром я проснулась от его взгляда, и в нём уже не было той нежности. Или это было просто утро?!

— Почему ты так на меня смотришь? — спросила я.

— Ты спала, и во сне у тебя было счастливое лицо.

— А я и счастлива, — тихо сказала я, уже понимая, что он мне скажет.

— Наташа, я очень хорошо к тебе отношусь... — он остановился и вымученно посмотрел на меня.

— Ну, продолжай!

— Мне бы хотелось быть с тобой честным. Такая девушка, как ты, заслуживает самого лучшего, а я не могу это тебе дать.

— Ты меня не любишь? — уточнила я.

— Нет, — он грустно посмотрел на меня. — А впрочем, не знаю. Мне кажется, что я уже никого не люблю.

— Ты всё ещё любишь Ладу? — спросила я, стараясь казаться спокойной, хотя его слова разрывали мне сердце.

— Это не совсем так. Я уже это пережил, но пока не чувствую себя готовым к новым отношениям.

— Понятно. Ну, я думаю, что в том, что сегодня случилось, нет ничего страшного. И ты, и я оба свободны, так что... — я пыталась казаться развращённой дамой, для которой нет ничего необычного, чтобы привести мужчину к себе.

На самом деле такое случалось крайне редко в моей жизни. Слава провёл рукой по моим волосам, наверно, он тоже это знал и в этот момент жалел меня.

— Наташка, ты прости меня. Ты ведь, наверно, меня за дурака считала, а я с первого дня понял, как ты ко мне относишься. Просто делал вид, потому что... — он замолчал.

— Потому что любил другую, — закончила я за него.

— Мне нравится с тобой разговаривать, мне нравится...

— Знаешь, что? — перебила его я. — Давай мы закончим этот разговор. Я поняла всё, что ты хотел сказать, и давай сейчас я сварю кофе, и мы по-прежнему останемся старыми, добрыми друзьями.

Я накинула халат и пошла в ванную. Меня душили слёзы, но я изо всех сил сдерживалась, чтобы не дать ему понять, как обидны его слова. Мы выпили кофе и даже о чём-то поболтали, а потом он ушёл. А я, прижав к себе подушку, которая ещё хранила запах его туалетной воды, зарыдала. Я потеряла его. Потеряла навсегда, потому что он меня не любит.

В таком состоянии меня нашла Ира.

— Наташка, ты что?! — она бросилась ко мне и крепко обняла, а я снова заплакала, хотя мне уже казалось, что слёз у меня уже не было, но какие-то рыдания вырывались у меня из груди. Мы долго валялись на моей постели, пока я ей всё рассказывала.

— Вот идиот! Да выкинь ты его из головы. И в агентство это не ходи.

— Как это: не ходи? — удивилась я. Честно говоря, я не представляла себя без любимого агентства и без ребят.

— Начнёшь работать самостоятельно. Давно пора стать взрослой девочкой. Клиентов тебе Ричард найдёт.

Обдумывая этот вариант, я даже успокоилась. Ира отправилась к себе за бутылкой

коньяка и девочками, а я в это время пообещала привести себя в порядок. Я приняла душ, сначала горячий, потом холодный, потом снова горячий и холодный. Это меня немного взбодрило, и я вошла в комнату, чтобы прибраться, и мой взгляд упал на купленный со сделки ноутбук. Я вспомнила, что решила стать писательницей. Мне сразу стало легче, я поняла, что смогу написать красивый роман о моей безответной любви и это меня спасет.

Прошло три месяца, я ушла из агентства и стала работать с Ричардом. Мои дела сразу пошли лучше, и я действительно смогла убедиться на собственном опыте, что работать на себя гораздо выгоднее, чем на фирме, несмотря на то, что мы весь доход делили пополам. Теперь я стала так называемым чёрным маклером, и мне это нравилось. Если у меня были клиенты, я ездила с ними, и мы смотрели квартиры, если работы не было: сидела на диване с ноутбуком и писала свой роман. Находясь дома, я успевала приготовить вовремя обед и забрать Настю с Машей из школы. Моя дочь, наконец, перестала жаловаться, что я уделяю ей мало времени. Ирина в шутку назвала этот период моей жизни — невероятные приключения иностранцев в Москве. Они, а я в основном, имела дело с англичанами, были действительно забавными. Взять, например, Джеймса: из экономии он выбрал из всего центра относительно дешёвый район Цветного бульвара, где были старые постройки. Я рассказала об этом Максиму.

— Наташа, то, что район Цветного бульвара дешевле, чем другие, имеет своё историческое обоснование. В девятнадцатом веке он считался одним из самых неблагонадёжных районов. В переулках, выходящих на Цветной бульвар, находилось много публичных домов. Подъезды этих заведений, выходящих на улицу, освещались обязательным красным фонарём, а в глухих дворах ютились притоны проституции, где никаких фонарей не полагалось, а окна завешивались изнутри. Эти годы, вообще, считались расцветом такого рода заведений. Так что трущобный мир на Цветном бульваре блаженствовал, а полиция занималась в основном вылавливанием революционеров, в то время как в колодезь подземной Неглинки спускали трупы, убитые здесь же, на тёмных аллеях Цветного бульвара.

— Ну, тогда ничего удивительного, что там такие странные домишки, особенно всякие Колобовские переулки. Там до сих пор вечером неприятно ходить, — я вспомнила своё позднее возвращение с просмотра.

— Так что твой Джеймс просто не знает нашей истории.

— Не думаю, что бы его это смутило. С тех пор многое изменилось. Да, ещё кроме Цветного бульвара, он ещё предпочитает Сухаревку.

— Это ничуть не лучше, — рассмеялся Максим. — Раньше, напротив здания Шереметьевской больницы, был самый знаменитый рынок, где сбывали краденое. Там можно было купить всё что угодно, от полотен известных художников до крайне редких книг. Там...

— Хватит, хватит, — я замахала на него руками. — Рядом с тобой я чувствую себя тёмной и необразованной.

— Просто ты, как и многие москвичи, совершенно ничего не знаешь о городе, в котором живешь. А в остальном ты замечательная, — он как-то особенно нежно посмотрел на меня, и я поспешно перевела разговор на другую тему.

После этого разговора, когда меня особенно доставал Джеймс своими претензиями, я про себя посмеивалась, что он не знает истории так горячо любимого им Цветного бульвара.

Сначала мы купили ему одну квартиру, потом другую, которую он стал сдавать, а потом он вдруг решил, что ему нужен офис. Мы посмотрели несколько вариантов, из которых он выбрал, на мой взгляд, самый неподходящий. Самое смешное началось после, когда он стал требовать, чтобы я договорилась с другим жильцами о продаже квартир. На мой вопрос

«зачем ему столько квартир в одном доме» он ответил, коверкая русские слова:

— Я поставлю двухъярусные койки в каждой комнате и буду сдавать своим соотечественникам посуточно.

— И сколько будут стоять сутки? — поинтересовалась я.

— Двадцать пять долларов, — ответил он, не моргнув глазом, а я подумала: «какие же они всё-таки капиталисты».

Пришлось нам с Ричардом, которого я взяла в качестве охраны, познакомиться с остальными жильцами. Мне удалось продать ему три квартиры из этого дома, но остальные три семьи никак не хотели уезжать. Но Джеймс ничего не хотел об этом слушать. Придя в очередной раз после переговоров, я сидела у Иры расстроенная и злая.

— Никак не могу отделаться от ощущения, что, работая с иностранцами, я стала так же глупо выглядеть, как они, — пожаловалась я ей. — Мне кажется, что у меня даже появился акцент в русском языке.

— Уж лучше бы ты, подруга, разговаривала с ними по-английски, заодно бы язык выучила.

— О чём ты? С моими-то школьными знаниями? Мы итак друг друга не понимаем. Вот что мне делать с гостиницей? Завтра Ричард будет ждать ответа, как прошли переговоры о продаже. А жильцы всем довольны и не хотят уезжать.

— Слушай, а они, эти англичане, считают, что все должны выехать только потому, что Джеймс хочет сделать гостиницу в их доме?

— Джеймс считает, что деньги могут всё, — вздохнула я. — И если он сделал им выгодное, с его точки зрения предложение, они должны немедленно собирать вещи.

— А предложение действительно выгодное?

— Да нет, конечно. Где ты видела, чтобы от иностранцев поступали выгодные предложения? Они считают деньги вовсе не хуже, чем наши товарищи.

— Да уж, тяжела твоя доля, — Ира подлила мне ещё кофе. — Но не расстраивайся ты так, что-нибудь решится. — Слушай, а этот Ричард тебе в чём-нибудь помогает, кроме как телефоны клиентов даёт?

— Ну, он иногда ходит с нами на просмотры, если клиент плохо говорит по-русски и держит их за руку во время сделки.

— Как за руку?

— У них случается нервный шок, когда они понимают, что оставили свои кровные в нашем русском банке, а документы на квартиру будут только через две недели. А на руках у них только какой-то банковский договор, в котором написано, что в случае, если квартира не зарегистрирована в регистрационной палате, они могут забрать свои денежки обратно. Только они всё равно не понимают, почему во всём мире деньги перечисляют со счёта на счёт, а у нас надо везти в чемоданчике в тот банк, в который тебе скажут. Для этого и нужен Ричард, он хлопает по плечу и говорит: «Это Россия. Здесь все так делают. Клади доллары в этот ящик, а ключ от него можешь взять себе, только ты всё равно не сможешь взять деньги раньше, чем через две недели. Да, это Россия, здесь все так делают. Верь мне, я англичанин. Всё будет хорошо».

Ира улыбнулась.

— А почему они верят этому Ричарду, как родному?

— Ну, ты бы тоже верила русскому в Америке, разве нет? У них выхода нет другого.

— Забавная у тебя теперь работёнка и времени стало много свободного.

— Да уж, только знаешь, я всё равно скучаю по ребятам.

Ира грозно посмотрела на меня:

— И по Славе тоже?

— Нет, уже нет.

— Честно?

— Ну, если честно, то почти нет. Я скучаю по всей нашей обстановке, даже по Александру Ивановичу и Светке, не говоря уже о Максиме и Тамаре. Ты не поверишь, не когда я прозваниваю квартиры из дома, мне не хватает того галдёжа, который стоял у нас в комнате агентов. И, вообще, всё это было так весело. У меня никогда не было такого хорошего коллектива. Когда я уходила, Александр Иванович сказал, что я могу вернуться в любой момент.

— Конечно, у них там, как на помойке, всех принимают. Они же вам зарплату не платят.

Я хотела защитить любимое агентство, но вдруг зазвонил мой мобильный, который я недавно смогла позволить себе купить.

— Привет, Наташа, — услышала я голос Максима. — Мы сидим в нашей кафешке и отмечаем Тамирину сделку. Она стала взрослой девочкой и расселила большую коммуналку. Теперь мы пропиваем её денежки и хотим, чтобы ты в этом поучаствовала.

— А кто там с вами? — спросила я.

— Мы двое, Светка, а вот Славик куда-то умотал, мы ему не можем дозвониться.

— Если вы не будет ему дозваниваться, то я буду у вас через час?

Максим замолчал, он не понял, почему я не хочу видеть Славу, как вдруг я услышала голос Тамары в трубке:

— Давай приезжай. Его не будет, он последнее время с нами не ходит.

Я вскочила с места.

— Забери Настю из школы, а? Я так по ребятам соскучилась, — взмолилась я, глядя на Иру, которая собиралась заняться другими делами, поскольку девочек собиралась забрать я. — Славы не будет.

— Ладно, беги уж. Придется отложить все дела ради твоей пьянки, — проворчала Ира. — Могли бы и заранее предупредить.

Наша пирушка в кафе отличалась от предыдущих только тем, что в ней не принимал участия Слава, чему я была искренне рада. После моего неудачного признания в любви мы вряд ли бы смогли общаться, как раньше. Новостей было так много, что мы досидели до самого закрытия кафе, а потом, проводив Тамару и Свету до метро, пошли вдвоём с Максимом прогуляться по ночной Москве. Когда живёшь в таком отдалённом районе, как Новогиреево, то совершенно забываешь о том, что живёшь в столице. Дома там все одинаковые, белого или серого цвета, одной и той же прямоугольной формы, отличающиеся друг от друга лишь количеством этажей. А в центре ощущаешь себя причастной к величественному и красивому городу. Здесь я никогда не устаю удивляться причудливости архитектуры и могу подолгу стоять перед каким-нибудь зданием, удивляясь его красоте и представлять, как здесь когда-то давали балы и к парадному подъезду подъезжали кареты. Но всё-таки, наверно, моё самое любимое место — Александровский сад. Мне нравится здесь в любое время, особенно вечером. Мы долго шли молча, но у клумбы с красными тюльпанами я замедлила шаг, и Максим предложил посидеть. Я села рядом с ним на скамейку. Сегодня он был какой-то особенно молчаливый, даже грустный, и я подумала, что

ему будет лучше, если он выговорится.

— Как у тебя дома? — спросила я, чтобы начать разговор.

— Мы решили развестись, — спокойно сказал Максим.

От удивления я не могла заставить себя сказать что-нибудь утешительное. Конечно, я слышала, что у них с женой сложные отношения, которые ещё усугубились из-за того, что она, потеряв работу, стала пить. Но в то же время я знала, что он просто боготворил свою дочь.

— А как же Даша? — спросила я.

— С этим всё в порядке, она не возражает, чтобы Даша жила со мной. У меня есть квартира, которая мне осталась от бабушки, так что мы скоро переедем туда.

— Правда? — я повернулась к Максиму. — Она не хочет забрать собственного ребёнка?

— Мы решили, что пока так будет лучше для Даши. Ты знаешь, ведь она так и не научилась за ней ухаживать. Я до сих пор готовлю, вожу её в школу, делаю с ней уроки. Моя жена даже не представляет, что это такое.

— Не расстраивайся, ты можешь утешать себя тем, что ты один из тех редких мужчин, с которым после развода остаётся ребёнок.

— Да, это главное. Не представляю, чтобы я делал без Даши, это смысл моей жизни.

Я задумалась и вдруг почувствовала его руку на своём плече. Он и раньше часто обнимал меня по-дружески, но в этот раз что-то изменилось. Я быстро посмотрела на него, и он смущённо положил руку на спинку скамейки.

— Я хотел бы поговорить с тобой.

— Да?

— Я не делал этого раньше, потому что был женат, и это не имело смысла. Но теперь, когда наши отношения с женой определены, я хочу тебе сказать, что давно люблю тебя и хотел бы, чтобы ты вышла за меня замуж. Конечно, после моего развода, — добавил он поспешно.

Я повернулась к Максиму. Всё произошло так быстро и неожиданно, что я не сразу поняла, что уже нахожусь в его объятиях, а он целует меня. Ситуация напоминала ту, когда я признавалась Славе в любви, только теперь всё было наоборот: в любви признавались мне, а я за долгие годы одиночества и забыла, что это может быть приятно. Но, тем не менее, я мягко освободилась.

— Максим, милый, подожди, пожалуйста. Всё это так неожиданно.

Он послушно отпустил меня, и я начала первой.

— Я не знаю, как тебе сказать...

— Ты меня не любишь, — перебил он и взял мои холодные, несмотря на тёплый вечер, руки. — Не надо ничего говорить. Я всё знаю, Наташенька. Знаю и то, что ты до сих пор любишь другого. Но это пройдёт, а я хочу заботиться о тебе. Позволь мне любить тебя, и я верю, что заслужу твою любовь.

— Но...

— Тсс... — он прижал палец к моим губам. — Послушай меня. Я столько мечтал о тебе, так устал всё скрывать, встречаться с тобой только на работе, видеть твой грустный взгляд, устремлённый на другого. Но я терпел, потому что был женат, но сейчас, когда уже всё решено, я хочу быть с тобой. Я прошу только одного — позволь мне пока быть рядом. Давай будем встречаться, ходить в театры и кино, познакомим наших девочек. Пожалуйста, — он так крепко сжал мои руки, что мне стало больно.

Мои чувства были в полном смятении. Я хорошо относилась к Максиму, мне нравилось его общество, он был интеллигентным, добрым, но... Неужели я всё ещё надеюсь, что Слава вернётся ко мне? Я понимала, что если не хочу остаться одна, то мне нужно согласиться и выходить за Максима замуж. Вдвоём нам будет лучше и тогда, может быть, пройдет то чувство одиночества, которое стало появляться у меня всё чаще и чаще с тех пор, когда я запретила себе думать о Славе. Я подняла на Максима глаза и улыбнулась.

— Могу я хотя бы подумать? Ведь, несмотря на то, что мы давно знакомы, я совсем не знаю тебя.

— Конечно, я не жду твоего согласия сегодня, но имей в виду, что мои намерения очень и очень серьёзны.

Мы долго гуляли по ночному городу и разговаривали. Впервые за долгое время у меня было так удивительно спокойно на душе, что я решила серьезно обдумать его предложение.

Я проснулась от телефонного звонка. Посмотрела на часы: девять утра. В это время мог звонить только один человек — Ричард. Я сняла трубку.

— Наташа, привет! Как дела?

Уверена, что мои дела его совершенно не интересуют, а таким образом он завуалировано пытался выяснить, когда же будет сделка, и я принесу ему денег.

— Нормально, — отозвалась я, пытаюсь сообразить, что же ему сказать, накануне Настя приболела, и я всю ночь отпаивала её то горячим чаем, то молоком и поздно легла спать.

— Ты ещё спишь? — спросил он и в трубке послышался смех.

Обычно я встаю рано, потому что отвожу Настю и Машу в школу, но однажды после весёлого дня рождения я поздно легла и не услышала телефонного звонка. Настя взяла трубку и сказала, что мама спит. Всё! Теперь Ричард изо дня в день, независимо от того звонил ли он в девять или в двенадцать дня, спрашивал меня: «Ты спишь?» и довольный собой хохотал. Наверно, это был тот самый знаменитый английский юмор.

— Нет, не сплю, — раздражённо сказала я, недоумевая, зачем звонить так рано, если ты думаешь, что человек может спать.

— У меня хорошая новость. У Джеймса есть клиент, он хочет купить квартиру.

— Это хорошо, — сказала я, пытаюсь не зевнуть в трубку.

— Значит так, Джеймс договорился на комиссионные три процента от стоимости квартиры. Один процент он хочет для себя, один мне, один тебе. Или это тебе не выгодно? — поинтересовался он сладким голосом.

Я прикинула, что мои комиссионные составят уже не половину, а только треть, иными словами как в агентстве, а делать всё буду я одна, но всё же решила не отказываться.

— Ладно, давай его телефон.

— Нет, Джеймс сказал, что сам приведёт его ко мне. Так что тебе придётся подойти к нам, и мы обсудим, как будем действовать. Ты можешь ему что-нибудь уже предложить? — поинтересовался он.

— Если ты мне скажешь, что он хочет купить, — я откровенно зевнула в трубку, если у меня всего одна треть комиссионных, так я, по крайней мере, не буду сдерживаться.

— Ты всё-таки спала?! Я был прав! — засмеялся Ричард. — Ну это твоё дело. Он хочет купить двух-трёхкомнатную квартиру внутри Садового кольца в хорошем доме и обязательно с красивым видом из окна. Так что просыпайся, выпей кофе и принимайся за работу.

Я бросила трубку на рычаг. Работай! Тоже мне директор! Да разве это работа! Надо открыть газету «Из рук в руки», лучше в электронном виде, так удобнее, не надо страницы переворачивать, задать поиск за две недели и прозвонить все варианты. Понятно, почему в агентствах стало так мало клиентов, желающих купить квартиру. Зачем платить комиссионные агенту, если ты можешь взять газету и прозвонить сам? К сожалению, прошли те времена, когда у агентств были свои варианты, которых не было в печати. Сейчас, особенно если у тебя есть компьютер и выход в Интернет можно сделать всё самостоятельно. Почти все варианты печатаются в прессе. На различных сайтах, посвящённых недвижимости, даётся вся необходимая информация. Если так пойдёт и дальше: зачем вообще будет нужна такая профессия, как риэлтор?

Мой взгляд упал на компьютер, мой роман близился к завершению, ещё день-два и я его

закончу. Я всегда так счастлива, когда пишу. Вымышленный мир моих героев гораздо интереснее моего собственного, и я погружаюсь в него с головой, забывая обо всём на свете. Неужели бывает такое счастье, что человек может писать, а ему ещё и платят за это?

Подготовив необходимую информацию, я отправилась к Ричарду домой. Джеймс и его знакомый уже сидели в гостиной за столом переговоров. Представив нас друг другу, Ричард вернулся к прерванной беседе, а я стала разглядывать Пола, нашего нового клиента. Иногда мне казалось, что все иностранцы похожи друг на друга, но этот отличался от остальных. Может быть, потому что он был из Шотландии. На мой взгляд ему было около сорока, и его чёрный костюм и безупречно отглаженная белая рубашка не вызывали сомнений, что он приобрёл их в дорогом магазине, а не у нас на распродаже. У него была такая же, как у всех англичан, яйцеобразная форма головы. Черты лица показались мне приятными. Пол с большим вниманием смотрел на Ричарда, который как я поняла, что-то «заливал» ему о том, как хорошо мы работаем. Джеймс кивал головой, в подтверждение его слов, а я радовалась, что не понимаю подробностей, потому что когда Ричард начинал рассказывать о процессе купли-продажи по-русски, мне приходилось прикладывать всё своё умение, чтобы исправить те глупости, которые он наговорил, чтобы не испортить дело. Ричард, вспомнив о моём присутствии, решил перевести мне последнюю фразу:

— Наташа, я рассказал Полу, что наша фирма по поиску квартир находится на начальном этапе организации.

Я еле удержалась, чтобы не спросить, так ли это на самом деле, но ограничилась кивком головы. И Ричард попросил меня зачитать варианты квартир, которые могут быть интересны нашему клиенту, что я и начала делать, а Ричард переводил на английский. После чего Пол, с характерным акцентом, сказал по-русски:

— Не надо, я пять лет работаю в Москве и хорошо всё понимаю. Переводить не надо.

Чашка с кофе замерла в моей руке — если он хорошо говорит по-русски, тогда какого чёрта надо было приглашать меня на переговоры и говорить по-английски. Встречались бы сами и разговаривали сколько угодно. Наверно, это какая-то особенность их хваленной английской вежливости. Покончив с квартирами и выбрав те, которые будем смотреть, я задала Полу ещё некоторые интересующие меня вопросы и замолчала. Ричард повёл Пола показывать свои апартаменты, а я осталась с Джеймсом. Джеймс был в своём репертуаре: одет в вытянутый джемпер непонятного цвета, на левом носке красовалась огромная дыра. Он налил себе ещё чаю и предложил мне рулетик, причём его глаза были необычайно весёлые. Он показывал на одиноко лежащий на огромном столе подсыхающий рулет, купленный, наверно, ещё неделю назад.

— Ричард пригласил нас выпить чаю? — он захохотал и потыкал пальцем в рулет, явно привлекая к нему моё внимание.

Я улыбнулась: издевался над гостеприимством Ричарда. Несмотря на мой скромный доход, если бы я принимала клиентов дома, то купила бы торт или пирожных. Я стала разглядывать гостиную: стильная мебель, картины на стенах, домашний кинотеатр — засохший рулет на столе рядом с дорогими фарфоровыми чашками. Мне стало смешно и даже немного стыдно за Ричарда, по нашим русским обычаям так гостей не принимают. Мы переглянулись с Джеймсом, и он стал отрезать себе кусочек рулета, продолжая посмеиваться.

Наше одиночество было прервано, когда Ричард с Полом вернулись, и Пол сообщил, что ему надо идти. Мы вместе с ним вышли на улицу. Он сказал, что ему было приятно со мной

познакомиться и, усевшись в припаркованный у обочины джип, укатил, даже не предложив подвезти меня до метро, что по моим книжным представлениям, должен был бы сделать английский джентльмен. Я шла по бульвару и думала, что за время работы с англичанами мои представления о джентльменах претерпели некоторые изменения не в лучшую сторону. Неожиданно я вспомнила, что на одном просмотре — я тогда была с Ричардом и Джеймсом — хозяйка квартиры отвела меня в сторонку и попросила:

— Ты не могла бы как-нибудь устроить, чтобы они ещё раз пришли, я тебе заплачу.

— Зачем? — удивилась я.

— Я бы хотела организовать чай и познакомить с ними мою дочь. Хочу, чтобы она вышла замуж за иностранца.

Лично я бы никогда этого не пожелала ни себе, ни своей дочери, ни своей подруге. Эти люди из другого мира никогда не смогут нас понять. А я не представляла себе семейного счастья без откровенных разговоров и полного взаимопонимания.

Мы стали встречаться с Максимом. Мне нравились наши отношения, тем более что он держал слово и не торопил меня. Мы гуляли, ходили по театрам и кино. Надо признаться, что Максим был более культурным и образованным человеком, чем я, кроме того, что он много читал, посещал все модные премьеры, ходил на выставки и вернисажи. Коренной москвич, он хорошо знал и любил родной город, и именно с ним я по-новому взглянула на знакомые улицы и бульвары. Он знал много историй про разные знаменитые дома и события, происходившие в них, и я часто шутила, что ему было бы лучше работать экскурсоводом, чем носиться по просмотрам квартир.

По выходным Максим брал с собой Дашу, а я Настю, и девочки быстро подружились. Моя дочь, которой не хватало мужского внимания, стала приставать ко мне, чтобы я поскорее выходила замуж. Даша была изумительным ребёнком, у неё казалось, напрочь отсутствовали обычные детские капризы. Она никогда ничего не требовала и слова «хочу» не было в её лексиконе. Я бы даже сказала, что она была слишком взрослой для своего возраста. Ну и, конечно, Даша очень переживала из-за предстоящего расставания с матерью, и как бы Максим ни старался заменить ей и маму и папу, у него это не получалось. Иногда в самый разгар нашего веселья она могла замкнуться в себе и начать грустить о том, как плохо её мамочке в одиночестве. Тогда у Максима тоже портилось настроение, и мне приходилось успокаивать его и говорить, что он не виноват в том, что их жизнь сложилась так, что они вынуждены расстаться. Конечно, я не могла не осознавать какая ответственность ляжет на мои плечи, если мы поженимся и станем жить вместе. Честно говоря, я не была к этому готова и до сих пор не знала, правильно ли я поступаю, позволяя Максиму надеяться. Я чувствовала, что он любит меня, но я всё время вспоминала стихотворение Евтушенко, где были такие строчки:

Нет, недотроги я не корчу,

Но лишь тогда не уходи,

Когда какой-то колокольчик

Забьётся, может быть, в груди.

Но в моей груди никакой колокольчик не звенел. Наверно, поэтому я и делала всё возможное, чтобы отдалить нашу физическую близость, а, может быть, сама того не осознавая, ещё хранила верность своему любимому, которого по-прежнему не могла выбросить из головы. Только теперь я поняла, что должен был чувствовать Слава, когда я обрушила на него своё признание в любви. Видимо, у него было ко мне такое же отношение,

как у меня к Максиму, и я подумала о том, что Слава был более честен со мной, когда просто ушёл, чем я, которая запуталась сама и теперь не знала, как выйти из положения.

Зато, что касалось работы, шло как по маслу, и я даже стала приходить к выводу, что покупать квартиры иностранцам намного легче, чем нашим соотечественникам. Они не были так капризны, и обычно после шести — восьми просмотров что-нибудь подбирали. Так произошло и с Полом. Мы находились в очень интересной квартире в доме на Каретном ряду. Кооперативный дом Большого Театра. Подъезд обычный, чистенький, но без консьержки: иностранцев, как правило, не вдохновляла эта сплетница-старушка, которая знала все компрометирующие истории про жильцов и при случае с удовольствием их рассказывала.

Главным критерием покупки квартиры для Пола был красивый вид из окна и я, к своему удивлению, обнаружила, что квартир с панорамным видом в центре Москвы на продажу выставлено мало. Но в этой квартире, переделанной в студию, и, в общем-то, достаточно бестолковой планировки, вид был потрясающий. Подойдя к окну, мы замерли: с одиннадцатого этажа, в свете огней, перед нами предстали: уютный сад Эрмитаж с фонарями, Петровский монастырь и даже видневшийся вдали храм Василия Блаженного. У этого окна, казалось, можно стоять вечно и находить что-нибудь интересное, а ещё лучше устроиться в кресле с чашечкой кофе и, глядя на Москву, мечтать о чём-нибудь.

Даже я, повидавшая множество квартир за годы работы, была потрясена. Я уже знала, что Пол возьмёт эту квартиру, несмотря на то, что кроме вида в ней не было ничего особенного. Пол справился у хозяйки о цене, и она смело назвала шестизначную цифру и сразу добавила, что торг не уместен, у неё очередь из покупателей. Я посмотрела на неё подозрительно: она выдержала мой взгляд и, неожиданно перейдя на английский, стала что-то оживлённо обсуждать с Полом, который не мог оторваться от окна. Я посмотрела на контрагента: полную даму среднего возраста с приятным лицом, которая представляла хозяйку, бодро изъясняющуюся по-английски с моим клиентом.

— Вы не волнуйтесь, — она подошла ко мне и зашептала на ухо, — ничего плохого она ему не скажет, просто ей лишний раз приятно поупражняться в английском, она преподаватель в университете иностранных языков.

— Я не волнуюсь, это мне кажется не очень приличным, — пожала я плечами. — Но главное, чтобы они договорились, потому что ваша цена кажется мне завышенной.

— Да какая нам-то с вами разница? — она с надеждой посмотрела на них. — Ваш-то серьёзный покупатель?

— У нас прямая покупка.

— А он откуда?

— Из Шотландии.

— Татьяна Диадоровна, обожает иностранцев. Думаю, она отдаст ему предпочтение перед другими.

В том, что Татьяна Диадоровна обожает иностранцев, я сразу же убедилась, из её слов рашн пельмени, на которые она стала зазывать Пола.

Я подошла к ним, демонстративно глядя на часы:

— Мы опаздываем. У нас ещё один просмотр.

— Хорошо, Наташа, — Пол пытался отделаться от Диадоровны, но она вцепилась в его рукав, и я даже разобрала, что она приглашает его не только на пельмени, но и ещё на борщ.

«Не думаю, что ты в его вкусе, дорогая», — подумала я, глядя на её маленькую птичью

фигурку в очках.

— Совсем стыд потеряла, — шепнула мне агентша на ухо, — у неё муж моложе её, а она этого в гости приглашает.

— Дамочка хочет сразу двух зайцев убить, и за квартирку деньги получить и в ней жить остаться.

Агентша посмотрела на меня, видимо желая защитить свою клиентку, но потом, сообразив, что я просто шучу, сказала:

— Главное, чтобы он купил, а всё остальное нас не касается.

Наконец, совместными усилиями нам удалось оторвать Диадоровну от Пола, а Пола от созерцания панорамы вечерней Москвы.

Мы вышли из подъезда, и я пошутила:

— Я не знала, что вы пользуетесь таким успехом у дам.

— Это нечто другое, Наташа, — сказал он медленно. — Считается, что иностранцы богаты.

— Ну а как же любовь?

— Любовь зависит от количества денег. Если красиво ухаживать, можно получить любую русскую девушку.

Я не стала его в этом разубеждать. За последнее время я убедилась к своему глубочайшему сожалению в том, что наши люди, особенно женщины, относились к иностранцам излишне подобоострастно, что и давало им основание чувствовать себя хозяевами в нашей стране и считать, что за их доллары можно купить всё и всех.

— Наташа, — отвлѣк меня Пол от моих мыслей. — Завтра я иду в театр Новая Опера, который находится в Саду Эрмитаж, потом погуляю вокруг, и если я надумаю покупать эту квартиру, вам перезвоню.

— Что вы будете смотреть в театре? — спросила я, удивлѣнная тем, что он посещает подобные заведения.

— Я буду слушать Реквием Моцарта.

«Так он ещё и эстет», — подумала я, но его увлечение мне понравилось.

В субботу мы с Максимом и девочками отправились в театр Немировича-Данченко на балет «Золушка» После спектакля, воспользовавшись, что оказались в центре, решили прогуляться в сторону Кремля. Не пройдя и триста метров, у Максима зазвонил мобильный: срочно нужно ехать на встречу с капризной клиенткой, чтобы помочь определиться с выбором квартиры.

Максим расстроился, а я только улыбнулась:

— Такова участь риэлтора. Поезжай, а мы выполним нашу программу без тебя, а потом отвезем Дашу домой.

— Как хорошо, что моя будущая жена тоже риэлтор и все понимает.

Пропустив упоминание о жене, от которого меня слегка покорило, я бодро произнесла:

— Не представляешь, как я хочу избавиться от этой профессии?!

— Надеюсь когда-нибудь я смогу найти что-нибудь получше, чтобы обеспечивать вас всех, — Максим нежно и посмотрел на меня и перевел взгляд на девочек, уверенно шагавших впереди нас по тротуару и оживленно разговаривая. Даша вовсе не расстроилась: главное, что моя Настя, к которой она сильно привязалась, оставалась с ней.

Мы погуляли по Красной площади, съели в ГУМе мороженое и отправились к Даше домой. На всякий случай, договорились, что побудем у подъезда, пока Даша не помахает нам в окно, что все в порядке. Ее окна находились на третьем этаже прямо над подъездом, на кухне горел свет.

Скоро испуганная девочка вернулась в слезах.

— Я боюсь. Мама опять пьет и сказала, чтобы я убиралась, откуда пришла. Пожалуйста, пойдёте со мной. Я возьму учебники, и мы поедem к вам.

Конечно, мне не хотелось вмешиваться, но пришлось подняться. Даша отперла дверь своим ключом. Мы сняли обувь, Даша нырнула в комнату, Настя следом, а мне пришлось проследовать на кухню, откуда донесся пьяный возглас:

— Ну, кого там еще принесло?

Я никогда не видела жены Максима, знала только имя. Лида сидела на кухне с полупустой бутылкой водки на столе в длинном шелковом халате. Как мне показалось, она была абсолютно пьяна. На столе разбросаны остатки еды, раковина заполнена грязными тарелками, а в крохотной кухоньке стоял душливый запах спиртного. Мой взгляд снова вернулся к хозяйке. Лиде было немного больше тридцати, и, несмотря на отсутствие макияжа, растрёпанные немытые волосы и мешки под глазами, она казалась красивой. Мутный взгляд остановился на мне, и она кивнула на свободный табурет.

— А ты, значит, Наташа?! — я кивнула. — Сядь и выпей со мной, раз пришла.

Лида налила водки в другой стакан и посмотрела на меня:

— Это всё из-за тебя, да?

— Нет, — покачала я головой. — Это из-за тебя.

Я подвинула табуретку и села.

Лида никак не отреагировала на мои слова, продолжая меня разглядывать.

— А, в общем-то, я Макса понимаю, ты очень даже ничего.

— Дело не во мне, а в тебе. Максим никогда бы не решился на развод, если бы ты не

пила.

— Это тоска, — она подняла стакан и хотела со мной чокнуться, но я не подняла стакан и тогда она залила водку в рот и поморщилась, пробормотав, что закусить нечем.

— Если хочешь, то давай поговорим. Я могу сварить тебе кофе.

— Кофе там, — она махнула в сторону шкафа. — Ты любишь его?

— Ты о Максиме? — спросила я, пытаюсь найти кофе в шкафу, и не зная как ответить на этот вопрос, который много раз задавала себе.

— Максима, конечно, ведь не из-за денег же ты за него замуж выходишь. У него их как не было, так и нет. Он не умеет зарабатывать.

— Лида, — я оставила попытки найти кофе и снова села. — Давай поговорим откровенно. Ты можешь мне не верить, но у нас ничего не было. Мы пока просто присматриваемся друг к другу, и я не могу тебе сказать, что люблю его. Мне интересно с ним общаться, но... — я остановилась и снова посмотрела на неё.

Наверно иногда так бывает. Только сейчас я поняла, что никогда не выйду замуж за Максима. Я просто не смогу, потому что он должен быть не со мной, а с этой запутавшейся женщиной, его женой и матерью его ребёнка. Да, она не права, что пьёт и мало времени уделяла ребёнку, но ему нельзя от неё уходить. У них ещё всё может наладиться, если он поможет. Лида не хочет развода, я была в этом уверена.

— Почему ты пьёшь? — спросила я.

— Я потеряла работу, — она посмотрела на меня так, словно это был конец света.

— Я знаю, у тебя была хорошая работа, но ты сможешь найти другую. У меня, например, никогда не было хорошей работы, но я же не пью.

— Макс всегда хорошо отзывался о тебе. Говорил, что ты такая... — Лида замаялась. — Он никогда не считал меня такой хорошей, как тебя. Он говорит, что я плохая мать, а ты обожаешь своего ребёнка.

Я усмехнулась:

— Если хочешь знать правду, то Максим слишком носится с Дашей, поэтому возможно у тебя и возник этот комплекс, что ты плохая. Лично я считаю тебя очень сильной: ты могла одна обеспечивать семью несколько лет, а уж я-то знаю, как это трудно. Гораздо труднее, чем сидеть дома с ребёнком.

В её глазах промелькнул интерес.

— Ты хорошо говоришь. Но я потеряла эту работу и теперь абсолютно бесполезна. Максим хорошо справляется со всем и без меня.

— Ты сможешь найти новую работу.

— Я пью. Кто возьмёт на работу пьяницу?

— Ты можешь бросить пить.

— Ради чего? — в её глазах была грусть. — Мне одной ничего не нужно. Я делала это для них, чтобы у них все было.

Я услышала тихие шаги и оглянулась: к нам на цыпочках шла Даша.

— Иди сюда, — сказала я ей. — Ты хочешь, чтобы мама осталась с папой?

Даша перевела испуганные глазёнки с меня на маму и быстро закивала.

— Вот видишь, — сказала я Лиде. — Тебе есть ради кого это сделать.

Лида посмотрела на дочь и в её глазах заблестели слёзы.

— Мы ещё немножко поговорим с твоей мамой, а ты иди к Насте, — сказала я Даше, и она убежала.

— Ей будет лучше с тобой, чем со мной, — сказала Лида сквозь слёзы, убирая со лба падающую прядь. — Я плохая мать. Я не знаю, как заниматься с собственной дочерью. Я так много работала, что даже не заметила, как она выросла.

Я опять почувствовала к ней жалость и подумала, что, наверно, кто-то, а, скорее всего, Максим, очень долго внушал ей эту мысль и она в неё поверила. Лично я не сомневалась, что Лида любит своего ребёнка, просто не знает, как выразить любовь.

— Не говори глупостей. Никто не может заменить ребёнку ни отца, ни тем более матери. Я посмотрела на бутылку: — Давай я вылью эту водку, она тебе больше не нужна.

Лида еле заметно кивнула, и я вылила остатки в раковину. Я видела, её мозг ещё затуманен алкоголем, но она уже начинала трезветь.

— Лида, давай заключим пари. Ты бросишь пить, а я больше никогда не буду встречаться с Максимом. Тебе есть за что бороться. За свою семью. Ты не сможешь без них, а им будет плохо без тебя.

— Почему ты делаешь это? — спросила она.

— Я не люблю твоего мужа, и только сейчас поняла, что было ошибкой позволить ему уйти из семьи.

В моей сумке зазвонил телефон, и я сняла трубку.

— Ну, как ты? — голос Максима был весёлым. — Я освободился. У вас всё в порядке?

— Да, я пока у тебя дома. Когда приедешь, позвони, я выйду.

Максим, хотя и удивился, но не стал задавать вопросов.

Я посмотрела на его жену.

— Это был Максим. Я скажу ему, что мы больше не будем встречаться. Обещаю. А ты мне тоже кое-что пообещай. — Лида вопросительно посмотрела на меня: — Вымой голову и свари себе кофе. Я надолго его не задержу. Когда он приедет, ты должна хорошо выглядеть, чтобы он поверил, что ты хочешь измениться. Ты же красивая, Лида. Пожалуйста, будь сегодня красивой, ладно?

— Я ещё увижу тебя? — вдруг спросила она.

Я вытащила из сумки визитку:

— Вот мои телефоны, ты можешь мне позвонить.

— Ну, конечно, «Агентство недвижимости Ваш дом», это же ты устроила туда Максима.

— Я уже ушла оттуда, — сказала я поспешно. — Это старая визитка, сейчас я работаю частным образом, но там есть мобильный и домашний телефоны.

— Ну и как это выгодно, работать в недвижимости?

— В агентстве нет, выгодно работать самостоятельно, но для этого нужна своя клиентура.

Лида, подперев голову рукой, задумчиво изучала визитку.

— Вот и у Макса получается не очень, как я считаю.

— Может, ты попробуешь? — неожиданно предложила я. — Вдруг у тебя получится?! Да и с Максимом будет общее дело. Я знаю многие семьи, которые работают вместе.

— У меня всегда было хорошо с бизнесом, — сказала она и улыбнулась. — Я ещё девчонкой, умудрялась делать деньги на своих одноклассниках.

— Тогда тем более, добро пожаловать. Кстати, в агентство принимают всех, наверно, поэтому там встречается так много случайных людей и этому не нужно учиться, всё постигается в процессе работы.

— Я подумаю, — сказала Лида.

Я позвала Настю и вышла из квартиры. Всё! Я сделала всё, что могла. Теперь надо поговорить с Максимом.

Максим уже ждал меня на улице и нервно ходил взад вперёд. Ветер развеивал длинные полы его чёрного плаща. Вероятно, ещё по моему голосу он почувствовал, что все изменилось. Я оставила Настю у киоска рассматривать книжки и быстро подошла к нему.

— Что случилось? — он схватил меня за руки.

— Я была у тебя дома. Ты должен вернуться к Лиде. Ты нужен ей.

Максим смотрел мне в глаза и пытался понять: не шутка ли это. Я старалась говорить уверенно, мне хотелось донести до него то, что я поняла сама, когда смотрела на Лиду.

— Ты не можешь оставить Лиду в таком состоянии. Если сейчас ты её поддержишь — всё у вас пойдёт по-другому.

— Но я люблю тебя, Наташка. Я мечтал о тебе.

— Это мечта, а это жизнь, — я грустно улыбнулась. — Ты сам знаешь, так будет лучше. Помоги своей жене. Сделай это ради Даши.

Мы стояли, глядя друг на друга, по-прежнему держась за руки. Нам обоим было грустно, но мы знали, что поступаем правильно.

С бутылкой шампанского и распечатанным первым романом я появилась у Иры на пороге.

— У нас какой-то праздник? — поинтересовалась она.

— Я закончила свою первую книгу и принесла тебе её почитать.

На её открытом миловидном личике было написано любопытство и удивление.

Она бережно взяла мой роман и посмотрела на меня:

— Слушай, подруга, а у тебя это серьезно?

— Серьезнее чем ты думаешь. Моё самое большое желание — стать писательницей. И мне даже всё равно, если меня не будут печатать, я всё равно буду продолжать писать, и верю, что настанет день, когда я напишу такое произведение, которое не посмеет отвергнуть ни одно издательство. Но ты мой первый читатель, и я прошу тебе сказать мне правду о моём романе. Для меня это очень важно, а критика только пойдёт мне на пользу.

Ира покачала головой.

— Ну, кто бы мог подумать, что моя лучшая подруга решит заняться этим ремеслом! Но всё равно спасибо, что удостоилась чести быть первой. Открывай шампанское — выпьем за твоё новое увлечение.

Я откупорила бутылку, и мы уютно устроились за кухонным столом. Потягивая шампанское, я заметила, что Ира чем-то озабочена.

— Что-нибудь случилось?

— Нет, — она поставила бокал на стол и потянулась к моим сигаретам, а это было тревожным признаком — курила Ира только когда была расстроена.

— Ладно, рассказывай, — потребовала я, помогая ей прикурить.

— Отец письмо прислал: приезжает через неделю, — бросила она и замолчала.

У нас давно были откровенные отношения, но этой темы она предпочитала не касаться. Когда я первый раз спросила ее о родителях, она неохотно сказала, что мать с отцом давно расстались. Сейчас они оба жили за границей. Её мать уехала с новым мужем в Германию, а отец, он так и не женился, жил в Америке.

— Ты не хочешь его видеть? — спросила я осторожно.

— Не знаю, Наташка, — Ира вздохнула и в её глазах появилась грусть. — После развода я приняла сторону матери и перестала с ним общаться. Он много раз звонил, предлагал встретиться и объясниться со мной, но я ничего не хотела слушать. Мне было очень жаль мать, которая сильно переживала из-за развода, и я обвиняла его во всём. Потом он уехал за границу и начал писать мне письма. Сначала я их рвала, но он продолжал мне писать, и я стала читать. Он просил у меня прощения за то, что так поступил с нами и рассказывал о какой-то девушке, которую любил в молодости. Они расстались, он женился на маме, но так и не смог её полюбить, потому что любил ту, несмотря на то, что она давно умерла.

— Какая трагическая история, — вздохнула я. — Жаль, что у твоих родителей так получилось семьи. Но мне кажется, ты можешь простить отца. Твоя мама удачно вышла замуж, а вот он остался один, и ты нужна ему.

— Раньше надо было думать, — сказала Ира и вдруг с удивлением посмотрела на меня. — Слушай, у меня есть идея. Я тебе никогда не рассказывала, что мой отец писатель, кстати, достаточно известный в Америке. Его печатают и даже переводят. Вот ему-то мы

твой роман и дадим почитать. Если у тебя есть талант, то он может тебе помочь с публикацией.

— Ты сама сначала прочти, — я старалась казаться спокойной, но на самом деле была взволнована.

— Я прочту, только он лучше в этом разбирается и не сможет мне отказать, если я его попрошу. Да, у него вышла новая книга: он прислал её. Хочешь почитать?

— Конечно, хочу, — загорелась я. — А ты сама-то прочитала?

Ира покачала головой.

— Он мне всё время присылал свои книги, но я их не читала. Злилась на него. Вся эта история с его первой любовью казалась мне такой глупой. У него была нормальная семья — жена, ребёнок, а он... Да ладно, дело уже прошлое, — Ира встала и вскоре вернулась с книгой. — Почитай, мне всё равно некогда.

— Некогда прочитать то, что написал твой отец?! — я укоризненно посмотрела на подругу. — Ирочка, милая! Ты просто не представляешь, что значит жить без отца вообще и даже не зная, как он выглядит. Я плохо помню маму, со мной всё время были только бабуля и дедуля. Я очень их люблю, но мне так хотелось, чтобы у меня был хотя бы кто-то один из родителей. А ты сама лишила себя общения со своим отцом. Да мало ли что там было у твоих родителей, ты никогда не узнаешь, кто из них был прав и кто виноват. Тем более, судя по всему, твой отец интересный человек, раз он сумел стать популярным писателем.

— Все писатели чокнутые! Ты вон, до сих пор о Славе грустишь, а этот всю жизнь о своей какой-то ошибке толкует, — раздражённо сказала Ира, но я понимала, что на самом деле ей стало стыдно. — Вы бы уж с ним друг друга поняли!

— Наверно, — я рассмеялась. — И всё-таки, милая подруга, ты теперь взрослая, пора забыть детские обиды и простить отца.

— Ладно, только ради того, чтобы он помог тебе в твоей писательской карьере, — сказала недовольно Ира, наматывая длинную прядь своих волос на палец.

Я держала в руках книгу. Александров Владимир Николаевич представляет свой новый роман «Замки из песка». Я задумалась об Ирине и её сложных взаимоотношениях с отцом, которые она от меня скрывала. Хорошо, что он приезжает. Мне бы хотелось, чтобы они помирились. Пора положить конец этой странной истории. Мужчина, который всю жизнь любил одну женщину. Наверно, он сентиментален и романтичен. Мне бы хотелось с ним познакомиться, тем более что он писатель.

Я открыла первую страницу и решила почитать перед сном. Какой там сон?! Действие, разворачивающееся на страницах романа, захватило меня целиком, и я остановилась только когда прочла последнюю страницу. Я сразу поняла, как он талантлив. Потрясающе красивое описание пейзажей и действующих лиц, хорошо продуманный захватывающий сюжет очень удачное воспроизведение обстановки прошлого столетия подавалось, приправленное чувством юмора. Я была так взволнована, что не смогла больше заснуть. Меня поразило странное ощущение, что я знаю этого человека очень давно, его стиль был знаком мне, он ставил точки в тех местах, где поставила бы их я. И я могла бы поклясться, что знала то место, куда приходил главный герой его романа. Это было на Волге, недалеко от дома, где я выросла. Я была так взволнована, что больше не спала. Поднялась задолго до звонка будильника и попробовала писать, но в это утро у меня не было вдохновения, я была ещё во власти романа. Мне не терпелось поделиться с Ирой, как меня потрясла книга её отца. Она должна обязательно её прочесть. Я была уверена, что Ира лучше будет понимать отца, если

прочитает его книги.

Забыв про то, что девочки могут опоздать в школу, мы оживлённо стояли в маленькой прихожей и обсуждали роман, когда вдруг я почувствовала страшную слабость. У меня закружилась голова, и я прислонилась к стене, но всё равно чувствовала, что падаю.

Я очнулась от противного запаха нашатыря, ватку с которым Ира держала перед моим носом.

— Убери это, меня тошнит, — я отвела её руку и с удивлением огляделась. Я лежала на полу в прихожей, а Ира, Настя и Маша сидели на полу, испуганно глядя на меня. С криком «Мамочка, не умирай» Настя обняла меня. Я хотела погладить её по голове, но моя рука казалась мне страшно тяжёлой, и я опустила её на пол.

— Что это было? — спросила я.

— Ну, ты и напугала нас. Думаю, что это обморок, — ответила Ира. — У тебя такое когда-нибудь было?

— Нет, — сказала я слабым голосом. — Знаешь, наверно, я не смогу отвести их в школу.

— Да какая там школа?! Ты сможешь подняться?

С Ириной помощью я добралась до дивана и я, уверив Настю, что всё в порядке, и я буду жить ещё долго, задумалась над своим состоянием. Что же это могло быть? Такого никогда не было со мной раньше.

— Наверно, это переутомление, ты же не спала всю ночь, — предположила Ира.

— Можно подумать, что это первая ночь, которую я не спала! А когда мы гуляли всю ночь, а утром шли на работу? Может, виноваты те три чашки кофе, которые я выпила утром?

— Слушай, а ты не беременна случайно?

— У нас с Максимом так ничего и не было, — ответила я и вдруг вспомнила о той единственной ночи, которую провела со Славой. Но это же было так давно. Неожиданно я села на диване, поражённая своей мыслью:

— Слушай, а ведь с той ночи со Славкой у меня, кажется, не было месячных.

— И как давно это было?

— Месяца три назад. Тогда ещё была зима. Но у меня всегда нерегулярный цикл.

— Но уже весна. Ты сумасшедшая!

— Подожди, это ещё не точно.

— Наташка, но ты же беременна. Ты заметила, что поправилась?

— Да, но я думала это от спокойного образа жизни.

— Давай я возьму отгул на работе и отвезу тебя к врачу? У меня есть знакомый гинеколог.

Я взяла её за руку:

— Спасибо тебе. Ты моя лучшая подруга, не знаю, что бы я без тебя делала!

Гинеколог оказалась симпатичной женщиной лет пятидесяти. Я рассказала ей о происшедшем со мной обмороке. После осмотра она сказала:

— У вас беременность. Двенадцать недель, — её внимательные глаза не отрывались от моего лица.

— Двенадцать?! — тупо повторила я и уставилась перед собой. Какая же я была глупая, что раньше не сходила к врачу. Я была уверена, что больше не забеременею. И вот это случилось! Непроизвольно я положила руку на живот: наш со Славкой ребёнок. Если бы только он любил меня! Но я ему не нужна, да и, вообще, знать ему об этом не надо. Он, наверное, уже и забыл о той ночи. Я могу ещё сделать аборт.

Оказывается, последние слова я произнесла вслух. Врач участливо посмотрела на меня:

— Вы можете ещё сделать аборт, но это может быть опасно для вашего здоровья. Уже большой срок. Посоветуйтесь с мужем.

— У меня нет мужа.

— Извините, не могла знать.

— Ничего, я вполне справляюсь, но что же делать сейчас?

— Это вам решать, сейчас многие рожают без мужа.

— Да у меня уже есть один ребёнок без отца. Что же рожать второго? — неожиданно я спохватилась. — Извините, я просто рассуждаю вслух. Вам, должно быть, некогда, — я встала. — Спасибо.

— Ну что? — спросила меня Ира.

Я опустилась рядом с ней на мягкий диванчик и положила руку на живот.

— Я беременна. Двенадцать недель. Уже скоро он будет шевелиться.

— Ты что... — Ира испуганно схватила меня за руку. — Уже поздно делать аборт? Надо рожать? — в её голосе было столько тревоги и участия, что я положила голову ей на плечо и заплакала.

— Ну не плачь, Наташа, мы что-нибудь придумаем. Ну, может быть, ещё не поздно...

— Да не в этом дело, — я вытерла слёзы. — Пойми, я просто не могу избавиться от этого ребёнка, я уже люблю его. Я снова заплакала: — и Славку я люблю до сих пор. Ну не могу его забыть.

— Ну, надо же! И кто бы мог подумать, что так всё серьёзно, — Ира гладила меня по голове. — Ну не плачь ты так. Всё будет хорошо. И, вообще, Наташка, посмотри на меня, — сказала она совершенно другим голосом.

Я подняла своё зарёванное лицо, а она стала вытирать мне слёзы бумажным платочком.

— Если ты решила рожать, то тебе нельзя волноваться и тем более плакать. Ты приняла правильное решение, и мы сейчас с тобой едем в кафе и отмечаем это радостное событие. Слышишь? Тебе можно выпить бокал красного вина.

Мы сидели за столиком у окна в кафе на Тверской. После того, как я приняла решение: мне стало легче, тем более что моя лучшая подруга поддержала меня. По такому случаю мы заказали кучу еду, в том числе соленые огурчики для меня, и бутылку красного сухого вина. Пока я сидела со своим единственным бокалом, Ира прикончила бутылку и строила планы. Какой хорошей она будет крёстной для моего ребёнка. Мы вспоминали разные смешные истории из детства наших дочерей и веселились, а потом Ира вдруг серьёзно посмотрела на меня и спросила:

— Слушай, а тебе не кажется, что нужно отцу ребёнка сообщить о твоём решении. Он имеет право знать. Да и детей он любит, как ты рассказывала.

— Нет, это только моё дело. Я не хочу, чтобы это как-то повлияло на его решение. Мы расстались и всё.

— Не знаю, права ли ты, — задумчиво сказала Ира, вытягивая сигарету из моей пачки. — Хочешь, я ему скажу?

— Нет, если ты это сделаешь, мы с тобой поссоримся, — сказала я серьёзно и отвернулась к окну, стараясь не смотреть на сигареты. Курить хотелось страшно! Но нельзя теперь. — Не будем говорить о Славке, я смогла смириться, что мы не будем вместе и ладно. Меня сейчас больше беспокоит: где я возьму деньги на ребёнка, и как к этому отнесётся Настя?

— Ну, я думаю, что Настя будет хорошей старшей сестрой, а вот деньгами проблема, — Ира задумалась.

— Ну почему так получилось после этой перестройки, что у меня, да и не только у меня, такая жизнь. Ведь раньше люди не думали, на что купить еды или одежды? А сейчас что получается? Я всю жизнь ищу, где и как заработать деньги на самое необходимое, а когда они, наконец, появляются, то не знаю какие дыры в своём бюджете заткнуть, и когда будут следующие? Я живу от зарплаты от зарплаты. У меня нет никаких сбережений. Сейчас вроде бы дело пошло с этими иностранцами. Но как долго я смогу показывать квартиры? От силы пару месяцев, пока живот незаметен. И сколько ещё будет этих иностранцев?

Вдруг в моей сумочке зазвонил мобильный.

— Наташа, привет. Это Пол. Как ваши дела?

— Спасибо, лучше не бывает, — иронично заметила я.

— Рад слышать, — сказал он. — А я вчера, после того как прослушал реквием Моцарта в театре, принял решение покупать квартиру. Удобно будет ходить в театр, — он засмеялся.

— Это правильное решение, — обрадовалась я и показала большой палец Ирке, которая тут же подняла бокал с вином.

— Он хочет купить ту квартиру? — спросила Ира после того, как мы договорились о внесении аванса.

— Да, — улыбнулась я. — Вот и первые деньги на ребёнка. Я, правда, хотела себе шубу на них купить. Но зачем мне шуба теперь, если я буду сначала ходить с огромным животом, а потом гулять в парке с коляской? Вполне сойдёт старая дублёнка.

— А когда ты захочешь куда-нибудь пойти, ты всегда можешь взять мою норку, — весело закончила Ира и подозвала официанта, чтобы заказать ещё вина и выпить за мою будущую сделку. — Да, ты знаешь, — вдруг спохватилась Ира, — я прочитала твою книгу, и мне понравилось. Я хотела сказать раньше, но эти радостные события меня отвлекли. Я хочу её дать моему отцу, он уже завтра приезжает, если тебе интересно его мнение.

— Завтра?

— Да. И я, как послушная дочь, еду встречать его в Шереметьево. Никогда раньше этого не делала, но ты меня убедила, что пора забыть старые обиды.

— Ты меня с ним познакомишь?

— Ну, конечно же, милая моя писательница.

Через несколько дней, когда я стояла у плиты и выпекала любимые Настины блинчики, мне позвонила Ира. Её голос звенел в трубке:

— Скорее приходи. Отцу понравился твой роман, он хочет с тобой познакомиться.

— Могу я хотя бы блины допечь, чтобы не с пустыми руками в гости? — спросила я.

— Ну ты же ни кулинарными изысками его решила удивить? — хихикнула Ира. — Бери, что напекла и бегом. — Пока папик хочет увидеть будущую знаменитость.

Встретившись с Владимиром Николаевичем, мы долго смотрели друг на друга. Высокий, черноволосый, подтянутый с выразительным взглядом грустных карих глаз Ирин отец показался мне красивым. Он был одет во фланелевые брюки и чёрный свитер, держался удивительно просто и открыто.

— Очень приятно познакомиться, Наташа, — он задержал мою ладонь в своей тёплой руке. — У вас красивое имя.

Не знаю почему, но мне было знакомо его лицо. Я дала бы голову на отсечение, что я где-то его видела. Но где? Мы явно не могли раньше встречаться.

— Мне очень понравился ваш последний роман, — сказала я. — Вы можете считать меня вашей поклонницей.

— Да уж, она читала его всю ночь, а утром упала в обморок от слабости, — рассмеялась Ира. — Как она нас перепугала.

— Это было от другого, — смутилась я.

— Не смущайтесь, — он тепло посмотрел на меня. — Материнство — это прекрасно. Ирочка мне всё рассказала. Вы молодец, что решили оставить малыша.

— Теперь я тоже рада, особенно после того, как моя дочь радостно восприняла новость и даже пообещала помогать ухаживать за братиком или сестричкой.

— Мне кажется, у вас будет мальчик, — сказал Владимир Николаевич, и я удивилась как просто мы, едва знакомые люди, обсуждаем мои проблемы. Теперь о вашем романе.

Я, затаив дыхание, ждала его суждения. Мне казалось, что если сейчас он меня раскритикует, то я брошу писать. Сама не знаю, почему его мнение было так важно для меня, я была просто очарована этим человеком.

— У вас хороший стиль, интересный сюжет. Ну, может быть, не хватает немного динамики в диалогах. Я бы немного изменил конец, оставил бы побольше недосказанности. А в целом для первой книги замечательно. Если хотите, могу показать его своему издателю.

— Спасибо, вы так добры, — выдавила я из себя.

Мне казалось, что я сплю, наяву я и не могла бы и мечтать, что талантливый человек хвалит меня.

— Папа, ты совсем её смутил, — покачала головой Ира. — И это так на неё непохоже. Кстати, Наташа, у папы для тебя есть ещё одна работа. Он собирается продавать свою квартиру и хочет услышать твоё мнение, как специалиста. Если ты свободна, мы можем поехать прямо сейчас.

— Почему вы решили продать квартиру? — машинально задала я свой дежурный вопрос.

— Я живу один, и мне не нужна большая квартира, поэтому мы с Ирочкой подумали, что вместо неё будет лучше купить загородный коттедж, чтобы уютными зимними вечерами

с бокалом в руке сидеть у камина и смотреть на огонь, вдыхая запах берёзовых поленьев.

— Писатель, — хихикнула Ира. — Говорит также вычурно, как пишет.

— Я собираюсь вернуться в Москву, но жить в городе не хочу.

— Решил, наконец, внучку повоспитывать. Поздно, я ее уже испортила, — продолжала ерничать Ирка, которая была в удивительно хорошем настроении. Наверно, между ними произошёл какой-то важный разговор, и она, наконец, смогла простить отца. Выпив чаю, мы поехали к Владимиру Николаевичу.

Квартира оказалась на улице Васильевская, недалеко от Дома Кино. Окна выходили в сквер, высокие потолки, тихо, очень красиво. Только ремонт немного устарел, о чём я ему и сказала.

— Я не был здесь пять лет, квартиру купил у друга. Ему тогда были нужны деньги, он отдал мне её дёшево. Он назвал цену, и я засмеялась: смешные деньги. Её стоимость выросла, по крайней мере, раза в три.

— А теперь девочки, я покажу вам своё самое любимое место. Это мой рабочий кабинет. Здесь иногда в мою голову приходят неплохие мысли.

Мы вошли в небольшую комнату, в которой стоял только письменный старинный стол и большое кожаное кресло, а вокруг до самого потолка висели шкафы с книгами. Я мельком взглянула на стол, и мой взгляд упал на чёрно-белую фотографию в серебряной рамке. Ведомая каким-то инстинктом я взяла её в руки — с фотографии на меня смотрела моя мать, только очень молодая. Я ухватилась за кресло и медленно опустилась в него. Всё сразу встало на свои места: и то, что его черты мне были знакомы, и то, что я тоже решила писать. Передо мной был мой отец, которого я никогда не видела и встретила таким странным образом. «Ты найдёшь своего отца»- вспомнила я предсказание Наины.

— Папа, кто это? — услышала я Ирин голос, которая смотрела на фото в моих руках.

— Женщина, которую я любил больше всех на свете, и о которой тебе рассказывал.

Я перевела взгляд на отца и улыбнулась ему.

— Она тоже тебя любила больше всех на свете.

На одну минуту в его глазах мелькнуло непонимание, а потом он опустился передо мной на колени.

— Этого не может быть!

— Может, — я вздохнула. — Когда вы уже расстались, мама узнала, что беременна, но не стала тебе говорить.

— Ты хочешь сказать, что он, — Ирина кивнула в сторону Владимира Николаевича, — твой отец?

Её голубые глаза с удивлением смотрели на нас.

— Да, а ты моя сестра.

— Ну, знаете, — вид у Иры стал обиженным. — Вы что, раньше не могли мне об этом сказать? Если бы я знала, что та женщина, которую я так ненавидела, твоя мать, может, я бы по-другому отнеслась к этому. Теперь мне понятно, в кого Наташка такая чудная. Она же вылитая ты, папуля.

— В то время как ты, доченька, совсем на меня не похожа, — засмеялся отец, обнимая нас обеих. — Ну почему же твоя мама не сказала, что у неё будет ребёнок? — спросил он, глядя на меня. — Это была такая глупая ссора.

— Бабушка мне рассказывала, что она хотела сказать, но ты уехал. И она назвала меня Наташей, потому что это было твоё любимое имя. А это, — я показала на фотографию, где

мама стояла у реки, — то самое место, о котором ты писал в романе, да?

Он только кивнул, в его глазах стояли слёзы, так же как и у меня. Мы снова обнялись.

— Какая же она дурацкая, эта жизнь! Я встретил свою дочь, когда она стала совсем взрослой. Я даже не знал, что ты существуешь!

— Ну, ничего, — я потрогала свой уже заметно округлившийся живот. — У тебя есть шанс стать хорошим дедушкой.

— Можешь быть уверена, уж на этот раз я его не упущу!

Потом мы долго сидели в гостиной, а он рассказывал, как он встретил мою мать, как они полюбили друг друга, и какое оно хрупкое это счастье, которого они не смогли сберечь. А я всё смотрела на отца, и радовалась, что теперь он со мной. Я чувствовала, что та пустота, которую я всегда ощущала, наконец, заполнилось. Теперь я знаю, что у меня есть отец, и он даже лучше, чем я могла представить в мечтах.

ГЛАВА 32

Я наводила порядок в квартире, когда зазвонил телефон.

— Ты куда пропала? Совсем не звонишь, — услышала я голос Тамары.

— Тamarочка! — обрадовалась я. — Как хорошо, что ты позвонила. У меня столько новостей!

— Тогда у тебя будет шанс мне всё рассказать, я случайно оказалась в твоём районе и собираюсь зайти к тебе в гости.

— Как ты оказалась в Новогиреево? — поинтересовалась я, когда она появилась на пороге.

— Ты же знаешь: жизнь риэлтора заносит нас иногда в самые разные районы. Так было и сегодня, когда Александр Иванович отправил меня посмотреть одну квартирку, вернее даже половинку её.

— Это как?

— Ну, это интересная история, — сказала Тамара, по-хозяйски заходя на кухню и выгружая на стол торт, конфеты и пирожные. — История такова, — она засмеялась. — Вообще жаль, что тебя не было. Такого я ещё не видела, имела место даже драка бывших жён.

— Вот это да! А почему бывших?

— Ну, если быть точнее, то одна была бывшая жена, а вторая вдова, а мужа они уже давно на тот свет отправили и до сих пор обвиняют в этом друг друга, но очень хотят разделить квартиру, которая неделима. А ты ставь, ставь чайник! — скомандовала Тамара и вдруг обратила внимание на мою фигуру. Слушай, а ты не слишком дома засиделась, что-то даже поправились?

— Ты мне сначала свою историю, а потом я, ладно? — сказала я, надеясь выиграть время и что-нибудь придумать.

— Так вот, назовём его, к примеру, Николаем Петровичем. Николай Петрович жил счастливо со своей женой Марией Ивановной, у которой и была эта однокомнатная квартира в Новогиреево. Она его прописала. Если ты помнишь, то собственности у нас до 1992 года не было, только прописка, а он был иногородним. Потом вдруг все стали приватизировать квартиры, ну раз она его когда-то прописала, ей пришлось приватизировать квартиру на двоих, половина у него, половина у неё. Ты следишь за ходом моих мыслей?

— Ну, конечно, ты же всё объясняешь, как учительница в школе.

Тамара довольно улыбнулась, видимо ей был приятен мой комплимент.

— Вдруг Николай Петрович встречает роковую женщину, Светлану, влюбляется в неё, разводится со своей женой и уезжает жить к Светлане. Казалось бы, все хорошо, но мучимый чувством вины, он неожиданно умирает от сердечного приступа, и его новая жена наследует его половину доли в квартире Марии Ивановны, которая осталась мало того, что без мужа, так ещё и может остаться и без половины квартиры. А квартира ей досталась от родителей и разделить однокомнатную квартиру пополам невозможно.

— Слушай, как часто такое встречается! Люди, не зная законов, которые без конца изменяются, влипают в истории и теряют своё жильё.

— Да, теперь Светлана, кстати, очень эффектная женщина, такая черноволосая, с

хорошей фигурой, обратилась к нам в агентство, чтобы мы помогли продать ей полквартыры. У нас даже покупатель нашёлся, и мы отправились вместе со Светланой показывать квартиру, а Марья Ивановна нас на порог не пустила. В итоге бывшие жёны подрались, пришлось вызывать милицию, покупатель убежал без оглядки, а я как всегда в дураках. Денег не заработала, только перенервничала и время зря потратила.

— Да уж, хороша история. Нет, чтобы этой Светлане отказаться от наследства. Ведь мало того, что она мужа увела у бедной Марьи Ивановны, так она ещё и квартирку у неё хочет отобрать. Совсем совести нет.

— Кстати, она снова замужем и у мужа прекрасная квартира в центре.

Я рассмеялась.

— Ну, ничего, ты же знаешь в нашей работе главное: не принимать ничего близко к сердцу и не расстраиваться, иначе с ума можно сойти. Зато ты оказалась в моём районе, и мы встретились.

— Это единственный плюс сегодняшнего бестолкового дня, — сказала Тамара. — А бестолковых дней в моей работе намного больше, чем толковых. Я по-прежнему ненавижу то, чем занимаюсь. Наверно, дело кончится тем, что уйду обратно в школу. Знаешь, Наташка, мне даже иногда снятся сны, что я стою в классе у доски, в моих руках указка, а передо мной много маленьких деток с горящими глазами. Ну почему я не могу заниматься тем, к чему у меня призвание? Почему на зарплату учителей ничего нельзя купить?

Я не знала, как её успокоить. Наше поколение напоминало мне поколение потерянных людей, мы выросли с одними идеями, а потом оказалось, что сменился строй, и идеи устарели. Поступали в институты, надеясь получить специальность и приносить пользу людям, а получилось, что такие специалисты никому не нужны. Нашим детям, конечно, будет проще: они уже родились в это время, а вот, что делать таким как мы?

— Да, ладно, — отвлекла меня Тамара от грустных мыслей. — Ты мне обещала рассказать, кто тебя так хорошо кормит?

— Я жду ребёнка, — выпалила я.

Тамарины глаза округлились, и наверно, пару минут она переваривала услышанное.

— Ты это серьёзно? И кто отец?

— Тамарочка, ты не обижайся, но я не скажу.

— Да я и так знаю, можешь не говорить. На свете существует только один мужчина, от которого ты согласилась бы родить, несмотря на любые трудности, возникающие перед тобой. Даже не думай отрицать, это наш Слава Ковалёв.

— Почему ты так решила?

— За те годы, что мы с тобой общались, я хорошо тебя изучила. Он знает?

— Нет, конечно. Тамара, если ты когда-нибудь ему проговоришься, я тебя убью, — пригрозила я.

— Так ты из-за этого не вышла за Максима замуж?

— Нет, я тогда ещё ничего не знала. У Максима хорошая жена, и ему не нужно разводиться.

— Я её знаю, высокая блондинка, зовут Лидой. Она теперь работает у нас. Настоящая бизнес-леди, клиенты к ней так и липнут. Если бы мне кто-нибудь рассказал, что Максим собирался с ней развестись из-за того, что она пила, я бы никогда не поверила. Лида всегда такая ухоженная. Александр Иванович от неё без ума, теперь все хорошие варианты ей отдаёт.

— Да ты что?! — обрадовалась я. — Значит, всё-таки у меня тогда получилось.

— У тебя получается всё, моя дорогая, кроме того, чтобы устроить свою личную жизнь, — Тамара укоризненно посмотрела на меня. — Ну почему ты не хочешь рассказать Славе, что у тебя будет его ребёнок? Ты же знаешь, он любит детей и обязательно женится на тебе.

— Я не хочу, чтобы он женился на мне из-за того, что я беременна. Вот если бы он меня любил...

— Да он любит тебя, просто он немного запутался.

— Тamarочка, давай оставим этот разговор. Это мой ребёнок и только мой.

— Какая же ты упрямая. Ну, скажи мне, пожалуйста, как ты собираешься рожать? Позволить себе ребёнка сейчас, это не то, что было в советские времена, когда государство тебе помогало и декрет оплачивало. Сейчас даже роды платные, не говоря уже об анализах.

— Перестань, пожалуйста. Я уже начала откладывать деньги и пока собираюсь работать. А потом, мой отец будет мне во всём помогать.

— Ты же говорила, что сирота?

— Да, но я нашла его.

— Как это нашла? Ты зачем меня дурачишь?

Я вкратце рассказала ей нашу интересную семейную историю. На что Тамара глубокомысленно заметила:

— Так это у вас семейная черта, оказывается — придумывать себе какую-то вечную любовь. Вы живёте в вымышленном мире, в жизни всё не так.

— Не так, — согласилась я с улыбкой, — но мы не можем иначе. И давай, наконец, пить чай, я уже третий раз ставлю чайник.

— Ну, у тебя такие новости, подружка, что не до чая. Я не видела тебя пару месяцев, а ты успела за это время расторгнуть помолвку, решить родить ребёнка, найти отца и ещё написать роман.

— Кстати, роман, — я выскочила из кухни и вернулась с отпечатанным экземпляром. — Возьми, почитай на досуге. Мне интересно твоё мнение.

Посидев некоторое время, Тамара заторопилась по делам, а я, оставшись одна, задумалась над её словами о том, что мне надо всё рассказать Славе. То же самое мне советовала Ира, но, чуть поразмыслив, я пришла к выводу, что лучше будет оставить всё, как есть. Как ни странно, найдя отца, который теперь о нас заботился, я итак чувствовала себя счастливой и не хотела никаких осложнений.

Вскоре после нашей встречи с Тамарой мне позвонила Лида и предложила встретиться. Я сразу согласилась: очень хотелось узнать, как у нее дела из первых рук. Мы встретились у памятника Пушкину. Я приехала первой и не сразу узнала ту девушку, которая шла мне навстречу. Лида была в элегантном чёрном костюме с белоснежной блузкой, длинные волосы уложены в аккуратный пучок, в руках кожаная сумочка. Если бы все агенты по недвижимости выглядели также, это бы подняло престиж профессии.

— Тебя не узнать! — воскликнула я.

— Совсем не похожа на ту пьянчужку, которую ты уговаривала вымыть голову? — весело рассмеялась Лида.

Мы пошли по Тверской, в ближайшее кафе. По дороге Лида рассказывала, как ей понравилось продавать квартиры и сколько скрытых возможностей она таит для делового человека.

— Знаю, знаю, — развеселилась я. — Каждый агент уверен, что сделает свою сделку века, только с годами эта вера куда-то улечивается, а жалкие проценты агентства...

— Ну, перестань, кто говорит о работе в агентстве? Зачем кормить чужого дядю? Это я только на первых порах здесь работаю: мне ещё многому надо научиться. А потом уйду в самостоятельное плавание.

— Я уже ушла, это, конечно, добавило денег в карман, но всё равно я отдаю пятьдесят процентов другому дяде, только английскому за то, что он присылает мне клиентов.

— Ни за что бы ни отдала! — рассмеялась Лида.

Мы решили остановиться в пиццерии. Нашли столик у окна, взяли «Маргариту», и Лида, скользнув по мне взглядом, спросила:

— Беременна?

— Да, уже на пятом месяце, — призналась я.

— И кто отец?

— Какая разница?! Это только мой ребёнок.

— Надеюсь это...

— Нет! — я только сейчас поняла, что она могла подумать. — Это не Максим. Я тебе тогда сказала совершенную правду: у нас ничего не было. И как показало время, всё сделано правильно. Когда я встречалась с твоим мужем, не знала, что беременна.

— Ну, ты даёшь! Мне одного ребёнка слишком много, а ты второго собираешься завести. Всё-таки не зря Максим был в тебя влюблён, он тоже не от мира сего.

— Я надеюсь, что у вас всё в порядке?

— Да, — Лида пожала плечами. — Можно сказать, всё хорошо.

— Как Даша?

— Мы нашли общее дело. Теперь я учу её работать на компьютере, а по воскресеньям ходим в музеи или в кино. Она просто счастлива.

— Вот видишь, а ты говорила, что плохая мать.

— Я стараюсь изо всех сил, но всё-таки дети — это не моё. Вот на работе я, как рыба в воде. Когда меня уволили, я как с катушек сорвалась, дома с ума схожу. Мне надо обязательно делом заниматься, переговоры там всякие, люди вокруг, стрессовые ситуации. Да вот, что касается детей. Недавно помогала одной женщине продать квартиру. Нормальная двушка в Филях, на первом этаже. Так они разъезжались, знаешь как? Сыну купили двухкомнатную в Подмоскowie у него жена и ребёнок, а его мама, пятидесяти лет, согласилась уехать в комнату в коммунальной квартире. И это после отдельного жилья!

— Достали они её, значит. Я уже давно ничему не удивляюсь за столько лет работы в недвижимости.

— Вот и рожай после этого детей, а потом закончишь свои дни в комнате в коммуналке! Нет, я всё сделаю, чтобы у Дашки к восемнадцати годам было отдельное жильё. От этих современных детишек не жди ничего хорошего.

Мы хорошо провели время и, прощаясь, Лида мне сказала:

— На самом деле я хотела с тобой встретиться, чтобы поблагодарить тебя за то, что ты изменила мою жизнь. Спасибо тебе, что поверила в меня и помогла мне вернуться к нормальной жизни.

— Это не моя заслуга. Если бы ты не была такой сильной женщиной, у тебя бы ничего не получилось.

— Всё равно я благодарна тебе и очень рада, что познакомилась с тобой. Береги себя,

ты очень хороший человек. У нее зазвонил телефон, и она, взглянув на экран, улыбнулась. — Корольков звонит. Не может он без меня. Пора на работу, — она поцеловала в меня щёку и лёгкой походкой направилась к метро. Я подумала о том, как быстро Корольков разглядел в ней курочку, несущую золотые яйца. Ни мне, ни Тамаре, ни даже Славке или Максиму он не давал свои варианты и уж, тем более, не звонил. Мне вдруг захотелось, чтобы у меня снова была работа, куда я могла бы приходить, общаться с людьми. Как раньше было весело, когда мы собирались. Мне теперь этого так не хватало. Я почувствовала, как в животе зашевелился малыш, напоминая о том, что впереди меня ждут бессонные ночи и прогулки с коляской в одиночестве. Ладно, вздохнула я. Я ведь сама все это выбрала.

Теперь мы часто виделись с отцом: обычно он приезжал к нам, и пока Ирина хлопотала у плиты, она очень любила это занятие, мы брали девочек и шли в парк. Беременность моя протекала легко, мой малыш уже вовсю толкался, и ультразвуковое исследование показало, что это будет мальчик. Это известие очень обрадовало отца, который шутил, что вокруг него слишком много женщин. Пока Настя и Маша резвились в парке, мы узнавали друг друга, рассказывали интересные случаи из прошлого, ну и, конечно, беседовали о литературе. Отец стал приносить мне много разных книг, которые, по его мнению, я должна прочесть, а потом мы их обсуждали, а иногда разбирали какие-нибудь главы или персонажи. Это немного напоминало уроки литературы, только было намного интереснее. Отец заставил меня переписать некоторые места из моего романа, которые, как он считал, были написаны слабовато, и сам отнёс знакомому редактору, пообещав держать в секрете, что я его дочь.

Я помню, какой он пришёл довольный, когда редактор дал своё согласие на издание романа, правда, потребовал переработать некоторые сцены. Мы сидели, уютно устроившись на кухне, папа разливал шампанское за успех книги. Я не успела выпить положенный мне бокал, как в дверь позвонили. Недоумеая, кто это мог бы быть, я вышла в коридор и открыла. Сначала я увидела только огромный букет красных роз, который оказался у меня в руках, а потом передо мной возник мой Славка, растерянный и смущённый.

— Прости меня. Я был дураком. Мне потребовалось слишком много времени, чтобы это понять. Ты, наверно, прогонишь меня и будешь права, но я никуда не уйду. Я буду сидеть здесь, на этой лестнице, пока ты не простишь меня.

Я закрыла за собой дверь и вышла к нему на лестничную площадку.

— Ты пришёл, потому что я жду ребёнка, да? Кто тебе сказал? — спросила я сердито, проигнорировав его признание.

— Да какая разница, кто сказал. Я пришёл бы к тебе в любом случае.

— Кто сказал?

Он замялся.

— Лида.

— Лида? — удивилась я. — Лида даже не знала, что мы с тобой встречались. Она позже пришла в агентство.

— Наташа, — Слава взял меня за руку. — Я сам не знаю, что тебе тогда наговорил. Я потом так ругал себя. И ты тоже хороша, не могла мне сказать, — он посмотрел на мой живот.

— Я и не собиралась тебе говорить, — сказала я. — И до сих пор не понимаю, зачем мне нужен человек, который безнадежно влюблён в другую.

— Да я уже забыл её.

— Не знаю, как можно тебе верить. То ты любишь, то нет.

— Я люблю тебя, — Славка подошёл ко мне и хотел поцеловать, но я отвернулась.

— Ты сказал, что будешь здесь сидеть, пока я тебя не прощу?

— Да, буду.

— Вот и сиди, а я пойду, у меня гости.

На самом деле, конечно, я не собиралась держать его на лестнице, но помучать хотелось. К тому же мне нужно было прийти в себя.

С цветами в руках я вошла в кухню.

— Вот это да! — воскликнула Ира. — Откуда такая красота?

— Угадай?

— От Максима?

Я покачала головой.

— От благодарного клиента?

Я молчала.

— Это он? — вскрикнула Ира. — Он всё-таки пришёл к тебе? Узнал, что ты ждёшь ребёнка?

Я кивнула и, бросив цветы на стол, села на диван и расплакалась.

Ира и отец одновременно бросились ко мне.

— Не плачь. Ну что ты?! Да чёрт с ним, если ты не хочешь его видеть, — сказала Ира, обнимая меня.

— Наташа, да что случилось? — спросил отец. — Он обидел тебя?

Я улыбнулась и обняла их обоих.

— Нет, он вернулся ко мне. Он, видите ли, понял, что, оказывается, любил меня. Но я не знаю можно ли ему верить.

— Ты его прогнала? — спросила Ира.

— Нет, он сидит на лестнице. Собирается оставаться там до тех пор, пока я его не прощу.

— Пойду, посмотрю на него. Я умираю от любопытства, я же его никогда не видела, — Ира встала.

— Скажи ему, чтобы он убирался, — сказала я ей вслед, размазывая слёзы по лицу.

— Я ненавижу его! Ненавижу! — плакала я на плече у отца. — Ненавижу и так люблю.

Папа достал чистый носовой платок и стал вытирать мне слёзы.

— Наташенька, я так понимаю это отец твоего будущего ребёнка, да?

— Да. Пришёл ко мне, потому что узнал, что я беременна, а он любит детей.

— Он бы не пришёл, если бы не любил тебя, глупенькая, — улыбнулся отец. — И ведь ты любишь его, правда?

Я кивнула.

— Вот это и главное, а всё остальное неважно. Все эти глупые ссоры не приводят ни к чему хорошему. Я так жалел потом, что позволил уйти твоей матери. Сколько горя мы принесли себе и другим людям. Любовь важнее гордости и сведения счётов. Будь выше этого. Сделай это ради меня и ещё ради него, — отец дотронулся до моего живота. — А если сомневаешься, то вспомни, как тебе было плохо без отца. Ты же не хочешь, чтобы твой ребёнок испытал те же самые чувства.

Я встала и медленно подошла к окну. Отец был прав, если Славка уйдёт, я никогда не прощу себе этого. Значит, надо всё забыть и жить дальше. И нам есть ради чего жить.

Я повернулась к отцу:

— Спасибо, пап. Как хорошо, что ты всё-таки нашёлся.

— Я слишком многое пропустил в своей жизни, но, по крайней мере, ещё могу успеть на свадьбу своей дочери. Давай, зови его сюда.

Я выглянула на лестницу. Ира и Слава мирно стояли у окна курили и о чём-то разговаривали.

— Вы не хотите в дом пройти?

— А мне можно? — он так ласково смотрел на меня, что у меня сжималось сердце.

— А ты готов познакомиться с моим отцом? — сурово спросила я.

— Кажется, ты говорила, что у тебя только бабушка и дедушка?

— Пойдём, — сказала Ира. — У нас столько всего произошло, пока тебя не было.

Кстати, мы до сих пор не знакомы. — Она протянула ему руку: — Ирина, теперь Наташина сестра. А раньше была подругой. — Слава недоуменно посмотрела на меня. — И это мы тоже тебе расскажем.

Телефон зазвонил, когда мы уже вчетвером сидели за столом, и обсуждая наши планы на будущее. Я подошла к телефону и сразу услышала голос Лидии.

— Привет, Наташа, — я взяла трубку и вышла, чтобы высказать ей всё, что я о ней думаю.

— Ну, здравствуй, — ответила я небрежно. — Как ты могла такое сделать? Я же просила не рассказывать ему о ребёнке.

Лида весело рассеялась.

— Начнём с того, что меня ты ни о чём не просила, я даже не знала от кого ты ждёшь ребёнка.

— Значит, это Максим!

— Максим не знал, что ты беременна. Обо всём знала только Тамара, но она мне ничего не рассказывала. Я просто свела все факты воедино, а единственное, о чём я спросила Максима, так это о том нравится ли тебе Слава, и когда он ответил, что ты влюблена в него, убедила Славку приехать.

— Зачем ты всё это сделала?

— За мной был должок, — весело объявила Лида. — Ты вернула мне мужа, и, кстати, тоже меня не спрашивала. Но в итоге всё получилось хорошо, не так ли?

— Пока не знаю.

— Да ты не сомневайся, Славка тебя любит. Ему было трудно признаться, после тех глупостей, которые наговорил. Да он тебе сам всё расскажет. А ты будь к нему снисходительна.

— Ладно, как у тебя дела?

— Всё хорошо, работаю над сделкой века.

Мы еще немного поговорили, и Лида сказала, что ей нужно бежать на просмотр.

На кухню вошёл Слава и прикрыл за собой дверь.

— Звонила Лида, интересовалась как у нас дела, — сказала я, всё ещё взволнованная разговором.

— И что ты ответила?

— Ответила, что не потерплю вмешательства в свою жизнь.

— Пожалуйста, не сердись на неё, она хотела, чтобы у тебя было всё хорошо. Она призналась мне, что ты, как никто другой, заслуживаешь счастья, и если бы она не встретила тебя, то была бы сейчас совершенно в другом месте.

— Она рассказывала тебе, при каких обстоятельствах мы познакомились?

— Нет, но мне бы хотелось узнать, чем же ты ей так помогла?

— Это наши женские секреты, — отмахнулась я. Не могла же я рассказать ему о том, что когда-то на полном серьёзе собиралась замуж за Максима. — Лучше объясни мне, зачем тебе понадобилась Лидина помощь, чтобы прийти ко мне? Неужели сам не мог решиться?

Он ответил не сразу.

— Я уже думал, что безнадежно опоздал и у тебя кто-нибудь есть. А ещё мне было стыдно за свои слова. В тот момент я испугался, что ты разочаруешься во мне, когда лучше узнаешь. Был уверен, что ты можешь найти себе более достойного, чем агент по продаже недвижимости. Славка улыбнулся. — Это я ещё тогда не знал, что ты пишешь романы и что у тебя знаменитый отец.

Я подошла к нему.

— Слава, да какая разница, кто, где работает? До сих пор я тоже была агентом недвижимости и ещё собираюсь до родов продать парочку квартир, лишние деньги не помешают. К сожалению, понимание о том, чем я хотела бы заниматься в жизни, ко мне пришло слишком поздно.

— Ещё не поздно, у этой профессии нет возрастного ценза.

— Но мне жаль тех лет, потраченных на образование, которое мне так и не понадобилось, и на всякие рынки-палатки, в которых я работала.

— Главное, что это произошло и впереди у тебя счастливые годы, а вот у меня уже всё позади. Я больше никогда не буду летать, а найти замену никогда не смогу. Так что, — он вздохнул: — собираюсь посвятить себя тому, чтобы стать хорошим мужем, отцом нашему ребёнку и другом твоей Насте. — Да, он взял меня за руки: — Ты выйдешь за меня замуж?

— Как долго я ждала этих слов, думала, что так и не дожусь, — проворчала я. — Изволь, как положено, сделать сначала предложение моему отцу. Надеюсь, он тебе откажет.

Конечно, отец согласился, в его глазах стояли слёзы. Я предложила пока пожить в гражданском браке, а всё оформить после рождения ребёнка, но моя семья настаивала на скорейшем законном оформлении наших отношений.

— Как я появлюсь в ЗАГСе с таким животом?

— Ты будешь самой красивой невестой, — нежно сказал Слава, обнимая меня.

— И не смей лишать нас удовольствия выпить шампанского на свадьбе, — засмеялась Ира.

В конце концов, они убедили меня расписаться, как можно скорее. Я решила пригласить на свадьбу Максима с Лидой и Тамару, а торжество отметить на Васильевской.

В девять утра раздался звонок, бессовестно выдирая меня из сладких объятий сна и теплых Славкиных рук. В животе обиженно заворочался малыш. И почему я не выключила дурацкий телефон, зная, что Ричард звонит каждый день, бесплатно выполняя роль будильника?!

— Наташа, ты спишь? — в английском акценте послышался смешок.

— Да, я сплю, Ричард, — сонно ответила я.

Накануне мы со Славой проговорили полночи, рассказывая друг другу последние новости, и улеглись спать, когда на улице уже светало.

— Как наши дела? — бодренько поинтересовался Ричард.

— Все так же, со вчерашнего дня ничего не изменилось, — поглаживая живот, пробурчала я.

— Ну вот, я всегда знал, что ты поздно встаёшь и из-за этого плохо работаешь. Я собираюсь нанять ещё персонал.

— А ты полагаешь, что в девять утра я уже должна быть на просмотре?

— Нет, но ты уже должна работать. Ладно. У меня есть потрясающие новости. Жду тебя в двенадцать у себя дома.

Не поинтересовавшись удобно ли мне это время, английский джентльмен бросил трубку.

— Кто это? — спросил Славка, приподнимаясь на локте и ласково глядя на меня.

— Ричард, тот англичанин, который поставляет мне клиентов. Считает, что я должна вставать чуть свет и уже работать. Ему невдомёк, что агенты работают в основном по вечерам и поздно ложатся.

— Не понимаю, зачем звонить так рано? — Славка зевнул.

— И никогда не поймёшь, — засмеялась я. — Это одна из особенностей их хвалёной английской вежливости.

— А какая другая?

— Они опаздывают на деловые встречи, но никогда на обед.

— Забавно.

— Но хуже всего, что мне придется быстренько приготовить завтрак и поехать к нему, — я вернулась в кровать и прижалась к теплому мужскому телу. — А мне бы хотелось провести с тобой весь день, — я погладила Славку по кудрявым волосам.

— Мне бы тоже, — сказал Славка после долгого поцелуя. — Но мне надо в агентство. Но ведь у нас впереди вся жизнь, мы все успеем.

— Тогда я первой иду в душ и варить кофе. Как хорошо, что Ира вчера оставила у себя Настю.

— Все-таки забавно, как твоя подруга оказалась сестрой.

— Да, видимо, жизнь после стольких лет решила повернуться ко мне лицом.

— Ты это заслужила.

Слава отправился на работу готовиться к сделке, а я приехала к Ричарду домой. Мне нравилась их квартира с видом на купола Петровского монастыря, если бы не шум машин за окном: из-за которого невозможно открыть окно. Давно прошло то время, когда можно было жить на бульварном кольце. Дверь открыла Алина в мешковатых джинсах и вытянутой

кофте: она всегда одевалась так, словно обязательно должна скрыть фигуру. Я сняла плащ, и она заметила мой живот:

— Ты ждёшь ребёнка?

— Да.

— Как здорово! А Ричард ничего не говорил.

— Мужчины думают только о работе.

— А как же ты ездишь по просмотрам?

— Деньги нужны, ребёнок дорогое удовольствие.

— Пусть муж об этом думает, — сказала Алина, даже не поинтересовавшись, есть ли он у меня. — Я позову Ричарда.

Каждый раз, приходя к Алине, я удивлялась нашим отношениям. Скажу без ложной скромности, я могу найти общий язык со всеми, кроме моей троюродной сестры. После обмена несколькими фразами, я не знала о чём с ней говорить. Наверно, выйдя замуж за иностранца, Алина приобрела не свойственные русским людям равнодушие и отстраненность. Несмотря на длительное общение, меня удивляют их приклеенная фальшивая улыбка, вопросы «как дела», когда они не ждут ответа, и «я люблю тебя» десятком раз на дню.

— О, кто пришёл! — раскрыв руки, ко мне шёл розовый улыбающийся Ричард. Руки он опустил раньше, чем дошёл, успев по дороге спросить «как дела?»

Я подавила смешок и только кивнула.

Мы сели за стол, Алина накрыла стол для чая.

— У меня хорошие новости, — начал Ричард. — Я ушёл с прежней работы.

— И что в этом хорошего? — спросила я, искренне недоумевая, зачем он расстался с должностью исполнительного директора и личным кабинетом, в котором я несколько раз была по делам.

— Теперь я готов всецело посвятить себя недвижимости.

Я постаралась сделать так, чтобы на моём лице не отразилось изумления. На самом деле я думала, что он сошёл с ума, если решил посвятить всё своё время этому неблагодарному бизнесу. Мало того, что он совершенно не разбирался в тонкостях, в основном всё делала и организовывала я, а Ричард только передавал мои слова клиентам, так ещё и покупателей, которых он обещал в изобилии, было очень мало.

— Почему ты молчишь? — спросил он.

— А разве мы плохо работали до этого? У тебя была возможность заниматься тем, что ты знаешь и получать дополнительный доход? — осторожно спросила я.

— Но я хочу открыть первое в Москве агентство по покупке недвижимости для иностранцев.

— Как это первое, а как же агентства, которые уже работают в Москве?

— Они не в счёт, — заявил Ричард, глядя на меня бледно-голубыми глазами, в которых светилась уверенность, что он прав и ничто в жизни не сможет переубедить его.

Но я всё же попробовала.

— Среди тех, которые уже десятки лет работают в Москве, есть и такие, которые ориентированы на иностранцев.

— Ты знаешь такие?

— Конечно, — я сразу назвала ему несколько известных агентств.

— Я знаю о них, — махнул он рукой, — они нам не конкуренты. Они занимаются не

только покупкой квартир, но ещё и продажей, а моя фирма будет заниматься только поиском квартир под заказ.

— Если я правильно поняла, если к тебе придёт клиент с предложением продать квартиру, ты откажешься?

— Конечно, у меня будет только покупка.

— Но это не разумно, все агентства делают прибыль в основном на продаже, а покупка идёт параллельно, например, если клиент хочет переехать из одного района в другой. На рынке сейчас осталось мало покупателей, которые хотят просто купить недвижимость.

— Меня не интересует, как работают русские, у меня будет совершенно иная форма работы, такая же, как в Англии.

В этот момент я вспомнила пословицу «В чужой монастырь со своим уставом не лезут». Ричард приехал в нашу страну и собирается работать здесь по своим английским правилам, которые не подходят для работы с нашими людьми на московском рынке. Ведь работать с русскими ему придётся всё равно, даже если у него клиенты будут иностранцы: квартиры продают москвичи. К тому же отказываться от продажи квартир, значит, отказаться от двух трети дохода.

В этот момент я почувствовала, как малыш толкнул меня, намекая, что я думаю совсем не о нём, и это вернуло меня в действительность. Мне пора сказать Ричарду, что я не буду больше с ним работать. Через два месяца родится ребёнок, времени почти не будет. Ну ладно, на прощание надо завуалированно сказать, что он дурак.

— Хорошо, Ричард, я попыталась тебя предостеречь, но ты меня не слышишь. Возможно, тебе нужно попробовать самому, чтобы в этом убедиться. На всякий случай повторю, сейчас не лучшее время для открытия агентства, но я желаю тебе успеха. При этих словах я встала.

— Ты будешь работать в моём агентстве?

— Нет, Ричард. У меня совершенно другие планы, и я, честно говоря, сыта работой агента по горло и буду очень огорчена, если мне придётся вновь заняться этим.

На его розовом детском личике промелькнуло непонимание, а потом обида.

— Ты собираешься вернуться в свое агентство?

— Ричард, я уйду из недвижимости навсегда, — сказала я медленно, делая ударение на каждом слове, чтобы его английский мозг перевёл мои слова правильно. На всякий случай повторила: — Навсегда! — я встала.

— А чем ты будешь заниматься?

Я показала на свой живот, который он так и не заметил за всё время нашего общения.

— Рожать, Ричард.

— Но это не займёт много времени, — не сдавался он. — Ты можешь снова заниматься продажей квартир через какое-то время. Ты хороший агент.

— Спасибо за чай, — я направилась к двери и сняла с вешалки свой плащ.

Мне больше нечего сказать человеку из другого мира, в котором на первом месте всегда стояли деньги и карьера. У иностранцев принято спрашивать, сколько ты зарабатываешь, и эта цифра означает, сколько ты стоишь, а не где ты работаешь, и приносит ли твоя деятельность кому-нибудь пользу. Ричард вряд ли оценил бы, если бы я сказала ему, что собираюсь стать писательницей. Он не из тех, кого интересуют книги.

Как-то мы сидели на кухне со Славой, ожидая Лиду с Максимом, которые собирались заехать в гости. Ребята задерживались, и я, просматривая газету, наткнулась на рекламные объявления о приёме на работу в агентство недвижимости.

— Ничего себе, расписали, — развеселилась я.

— Ты о чём? — спросил меня Слава.

— Да вот, ты только посмотри, что они пишут о работе риэлтора, — я протянула ему газету. — Они имеют наглость говорить о постоянном доходе и о том, что можно заработать денег на квартиру. Это же надо так людей обманывать?! — возмутилась я.

— Ну что ты хочешь, это же рекламное объявление?! Им надо людей заманить. А потом, ты же понимаешь, что это возможно.

— Это всё только слова. Лично я не знаю ни одного человека, который, работая в агентстве, смог заработать себе на квартиру.

Слава загадочно улыбнулся и хотел что-то сказать, но звонок в дверь прервал наш спор: мы поспешили встречать гостей.

Позже, когда мы сели на стол, разговор зашёл о недвижимости. Надо признаться, о чём бы мы ни разговаривали, эта тема была самой неисчерпаемой. Всегда находились разные курьёзные случаи, над которыми можно было вдоволь посмеяться.

— Ну и как тебе работается? — спросила я у Лиды, которая сегодня была особенно оживлённой и выглядела счастливой.

— Сегодня закончилось моё самое крупное дело. Кажется, вы это называете сделкой века. Это совсем несложно, нужно было только рискнуть.

— И знаешь, как она рискнула? — перебил Лиду Максим.

— Как? — спросила я.

— Она взяла кредит под нашу квартиру, и если бы сделка сорвалась, мы бы лишились нашего угла. Я чуть не умер, когда узнал об этом.

Лиды улыбнулась:

— Ты же знаешь, я никогда не проигрываю.

— Да расскажите же мне, наконец, — потребовала я.

— Хорошо, — согласилась Лиды. — Я нашла четырёхкомнатную квартиру на Знаменке, в двух комнатах проживали две милые старушки, остальные были пустыми. Не знаю, почему этим вариантом не занялся никто другой.

— Потому что больше сумасшедших нет, — сказал Максим и обнял её за плечи. — Только моей жене могла прийти идея выкупить свободные комнаты на этих созданий, которые могли умереть в любой момент, пока шло оформление.

— Ты меня перебил, — Лиды укоризненно посмотрела на Максима, и он замолчал. — Так вот, конечно, для этого нужны были деньги, и приличные, потому что выкуп комнат у государства дело дорогое, хотя и несравнимо с рыночной ценой. Я решила рискнуть, потому что понимала, если не сделаю этого, потом всю жизнь буду жалеть об упущенной возможности. У меня были знакомые в банке с прежней работы, и я легко получила кредит.

— Для этого она заложила нашу квартиру! — снова подал голос Максим.

— Макс, дорогой, по документам это моя квартира. Твоя квартира на Бабушкинской, в которую бы мы переехали, если бы всё сорвалось. Ведь ты же не оставил бы меня на улице,

милий? — она посмотрела на него с улыбкой.

— Но ты должна была посоветоваться!

— Чтобы услышать, что я сумасшедшая? Зато теперь у нас есть деньги на развитие своего бизнеса.

— Она убьёт меня когда-нибудь, — Максим махнул рукой и вышел. — Я больше не хочу про это слышать. Перекурю, пока она рассказывает.

— Он так переживает, — усмехнулась Лида. — Только сегодня оценил глубину риска.

— А до этого он ничего не знал? — удивился Слава.

— Нет, он знал, что я работаю над расселением коммуналки, но не предполагал, что тем инвестором, о котором я ему говорила, была его жена.

Раскрыв глаза, я смотрела на Лиду, впервые за много лет я видела человека, который сделал сделку века.

— Конечно, всё было не так просто, и мне пришлось изрядно поволноваться, но дело того стоило. Кроме денег, я ещё получила и моральное удовлетворение. Две старушки под конец жизни, получили отдельные квартиры, и теперь не будут ругаться на общей кухне. Одна из них была мне так благодарна, что даже пригласила на новоселье.

— А как отнёсся Александр Иванович к этому?

— Ну, если честно, то я обманула этот «Ваш дом», сказав, что сделка развалилась. Но лично Королькову заплатила его комиссионные за участие, — она засмеялась. — Двадцать пять процентов, так же как он платил мне.

Я молчала, даже не зная как реагировать, а Лида вдохновлено продолжила:

— Конечно, я могла бы на эти деньги купить квартиру для дочки, но потом решила, что лучше открою своё агентство, в котором, кроме меня, будут работать Максим и Слава. Мы займёмся выкупом комнат и расселением коммуналок.

Услышав его имя, я повернулась к мужу, о присутствии которого я забыла, поглощённая разговором.

— Так ты знал обо всём этом?

— Знал, но хотел, чтобы Лида рассказала тебе сама. Поэтому я и улыбался сегодня, когда ты говорила, что не знаешь никого, кому бы удалось заработать денег на квартиру. Этот человек перед тобой, — он показал на Лиду.

— А помнишь, ведь это же ты предложила мне поработать в агентстве? — напомнила Лида.

— Не знала, что ты окажешься такой способной, — сказала я задумчиво, вспоминая потерянную девушку со стаканом в руке.

Я посмотрела на Лиду: её светлые волосы сегодня не были собраны в пучок, а свободно падали на плечи, но все равно выглядела собранно, как настоящая бизнес леди.

— Что ты так меня рассматриваешь?

— Я тебе по-доброму завидую, — я встала и обняла её. — Поздравляю! Ты смогла сделать то, что было и осталось золотой мечтой для многих агентов недвижимости. И давай выпьем за твой успех.

— Наоборот, это я завидую тебе, — вдруг призналась она.

— Завидуешь?

— Ты пишешь такие хорошие книги.

— Ты читала? — удивилась я, даже не подозревая, что мои романы могут понравиться такой женщине, как Лида.

— Наверно, становлюсь сентиментальной с возрастом. Боюсь, как бы мне это не повредило в бизнесе.

В кухню вернулся Максим, взял бутылку вина, наполнил бокалы.

— Предлагаю выпить за наших необыкновенных женщин. Нам с тобой, Славик, повезло.

Лида живо повернулась к мужу:

— Значит ли это, дорогой, что ты больше на меня не сердишься?

— Конечно, не сержусь, — он положил руку ей на плечо. — Просто рядом с тобой я не чувствую себя мужчиной.

— Не говори так. — Она что-то шепнула ему на ухо. Максим покраснел, но остался доволен.

Наблюдая за ними, я подумала о том, как странно иногда складываются судьбы, и как осторожно надо принимать каждое решение. Ведь ещё совсем недавно Максим собирался разводиться. И что было бы с ними, если бы я случайно не зашла в его квартиру и не увидела эту потерянную девушку с застывшей болью в глазах? Лида вполне могла превратиться в алкоголичку, а Максим рано или поздно начал бы упрекать себя за то, что оставил её. А сейчас они выглядели, как влюблённые.

Я посмотрела на Славу, он послал мне воздушный поцелуй. Он до сих пор не знал, что я встречалась с Максимом и от отчаяния чуть не совершила ошибку. Почему-то мне не хотелось об этом рассказывать, и я решила оставить это в тайне.

— Слушайте, — вдруг спохватилась я, — если вы все уходите из агентства, так может, вы и Тамара возьмёте с собой?

— Тамара уже ушла, — ответила Лида. — Один её бывший клиент, которому она продавала квартиру, оказался директором частной школы для детей обеспеченных родителей. Так что, она теперь снова будет преподавать свою любимую географию и получать приличную зарплату.

— Ну что же, если подвести итог, — я обвела всех нас взглядом, — нам удалось всё-таки выплыть после роковых последствий перестройки и не скатиться до уровня продавцов на рынке. Мы, конечно, занимаемся не тем, для чего нас учили, но, всё равно смогли найти себя, а это дорогого стоит. Так что предлагаю тост: за нас и за то, чтобы никакие события во внешней и внутренней жизни не смогли поставить нас на колени.

— Ура! — раздалось с трех сторон.

Сегодня у меня день рождения. Я сижу во главе стола и наблюдаю. Мне страшно подумать, что ещё совсем недавно рядом со мной не было всех этих людей. Когда-то я не знала отца, который теперь принимает самое близкое участие во всех наших делах. Ему удалась не только роль отца, но получилось стать прекрасным дедушкой. Все наши трое детей обожают его. Ради нас он купил большой дом с огромным участком в Подмосковье, куда мы все приезжаем на выходные и праздники. Несмотря на то, что столько лет мы не знали о существовании друг друга, мы во всём находим общий язык. И как же здорово, что он оказался ещё и талантливым писателем и добровольно стал моим строгим критиком и учителем.

Рядом со мной сидит мой муж, тот самый Славка, о котором я столько мечтала и скрипела зубами, когда он встречался с другой. Теперь мы вместе, и я по-прежнему влюблена в него. Слава приглядывает за нашим маленьким годовалым сынишкой, которого мы называли Кириллом. Кирюшка восседает на высоком стульчике и смотрит на всё происходящее большими глазёнками и улыбается. Ему нравится, когда вокруг много народу, и у нас ещё не скоро получится уложить его спать.

Настя и Маша, сидя по другую сторону стола, о чём-то перешёптываются. Настя разряжена, словно собралась выступать в роли принцессы в театре: дедушка постоянно балует её новыми нарядами, и я не знаю, кто получает от этого большее удовольствие, поэтому не могу найти в себе силы, чтобы прекратить это безобразие. Мои опасения не подтвердились, и Настя совершенно не ревнует меня к Кирюшке, а помогает изо всех сил. Похоже, роль старшей сестры оказалась ей по вкусу. Она может часами сидеть возле него, придумывая только им понятные игры.

Вдруг кто-то гасит свет, и в темноте появляется моя сестра Ирочка с огромным тортом, на котором горят свечи. Она испекла его специально для меня, и я знаю, что он будет безумно вкусным, как и вообще всё то, что она готовит.

— С днём Рождения! — слышится со всех сторон.

— Загадай желание, — говорит Настя.

Я встаю и, обводя взглядом родные милые лица, которые собрались здесь, чтобы поздравить меня, понимаю, что это мой самый счастливый день рождения. Сегодня у меня есть всё, о чём я когда-то могла только мечтать. И я даже не знаю, что мне ещё пожелать. Наверно, только чтобы со мной всегда была моя семья.

Больше книг на сайте - Knigolub.net